

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2

Выпуск (870)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

2

Issue (870)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2 (870)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2 (870)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

История лингвистики: мейнстрим и маргиналы

АЛПАТОВ В. М. 9

Моделирование мира во французском анализе дискурса

ВЕРЕЩАГИНА Н. В. 15

Элизабет Элстоб против Джонатана Свифта: спор о древних и новых
и изучение древнеанглийского языка в Великобритании XVIII века

ГЕРМАНОВА Н. Н. 21

Классификации конлангов в современной интерлингвистике

КОСТЮХИН А. А. 28

Историческое переводоведение как научная дисциплина

ХУХУНИ Г. Т., ВАЛУЙЦЕВА И. И. 35

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: ГОРИЗОНТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Личностно актуальная ценность или идеологема:

公正 / *справедливость* в китайской лингвокультуре сквозь призму психолингвистики

ДУБКОВА О. В. 42

Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова

ПИЩАЛЬНИКОВА В. А. 49

Содержание понятия «Toleranz» в немецкой лингвокультуре

ХЛОПОВА А. И. 57

КОММУНИКАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Эмодзи как средство проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации
(на материале русского и китайского языков)

ЛЮ ЦИЦИ 66

Вербальные и невербальные средства оценки в блогосфере
(на материале китайских блогов культурной направленности)

ЛЮ ЮЙХАНЬ 71

Эпистемологические образ-схемы конструирования событий
в научно-популярном кинодискурсе: полимодальный анализ

ОВАГИМЯН Н. А. 77

Вербализация библейского мотива «Гордость» в детективном дискурсе
(на материале рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God»)

ОВОДОВА М. К. 85

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕСТ И КОММУНИКАЦИЯ

Полиmodalное поведение переводчиков-синхронистов при удаленном переводе:
результаты пилотного эксперимента

ЗУБКОВ О. Д. 92

Синхронизация речи-рассуждения и жеста в иммерсивной коммуникации у испытуемых
с разным уровнем интро- / экстраверсии

ПОТЕХИН В. О. 100

Жесты в итальянских развлекательных телевизионных ток-шоу
(на материале передачи «Stasera c'è Cattelan...su Rai 2»)

РУДЖЕРИ Ф. 108

Жестовое поведение при употреблении инвективной лексики в устном нарративе:
гендерный аспект

ТОМСКАЯ М. В., РЯБУХИНА (РАШИНА) А. А. 114

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГРАММАТИКЕ И СЕМАНТИКЕ

Некоторые тенденции изменения базовых ценностей в современной испанской лингвокультуре

АЛДОШИНА С. А. 122

Анализ первообразных и отыменных послелогов в агглютинативных языках
(на материале халха-монгольского языка)

БЯМБАЖАВ БАЯРЖАРГАЛ 129

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Особенности медицинского дискурса в романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич»

КРЮКОВА О. С., РАРЕНКО М. Б. 137

Встроенное повествование и национальный дискурс: нарративные стратегии Акунина
в детективном рассказе «Нефритовые четки»

ЛЮ ЦЗИНЦЗЮАНЬ 142

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Медиариски и трансформация культуры

АСЕЕВА И. А. 149

Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры
(на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона)

КУЦАЕВА М. В. 158

LINGUISTICS

LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY AND MODERN TRENDS OF LINGUISTIC RESEARCH

History of Linguistics: Mainstream and Marginals ALPATOV V. M.	9
World Modelling in French Discourse Analysis VERESHCHAGINA N. V.	15
Elizabeth Elstob against Jonatan Swift: the Quarrel of the Ancients and the Moderns and Anglo-Saxon Studies in Eighteenth-Century Britain GUERMANOVA N. N.	21
Classifications of Conlangs in Modern Interlinguistics KOSTYUHIN A. A.	28
History of Translatology: Scientific Subject KHUKHUNI G. T., VALUYTSEVA I. I.	35

PSYCHOLINGUISTICS: THE HORIZONS OF PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT

Personal Value or Ideology: 公正 / Justice in Chinese Linguistic Culture through the Prism of Psycholinguistics DUBKOVA O. V.	42
Prognostic Aspect of the Psycholinguistic Study of the Meaning of the Word PISHCHALNIKOVA V. A.	49
Content of the Concept of "Tolerance" in German Linguoculture KHLOPOVA A. I.	57

COMMUNICATION IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

Emoji as a Manifestation Means of Verbal Aggression in Russian and Chinese Internet Communication LIU QIQI.....	66
Verbal and Non-Verbal Assessment Tools in the Blogosphere (based on Chinese cultural blogs) LIU YUHAN	71
Epistemic Image-Schemata of Event Construal in Popular Science Film Discourse: a Multimodal Analysis OVAGIMIAN N. A.	77
Verbalization of the Biblical Motif of "Pride" in the Detective Discourse (based on the story "The Hammer of God" by G. K. Chesterton) OVODOVA M. K.	85

CONTENTS

GESTURE AND COMMUNICATION

Multimodal Behaviour of Simultaneous Interpreters in Remote Work: a Pilot Study ZUBKOV O. D.	92
Synchronization of Speculative Speech and Gesture in Immersive Communication with Introverted and Extraverted Participants POTEKHIN V. O.	100
Gestures in Italian Entertainment Talk Shows (on the material of the talk-show «Stasera c'è Cattelan... su Rai 2») RUGGERI F.	108
Gesture Behaviour when Using Invective Vocabulary in Oral Narrative: Gender Aspect TOMSKAYA M. V., RYABUKHINA (RASHINA) A. A.	114

DIACHRONICAL PROCESSES IN GRAMMAR AND SEMANTICS

Some Trends in the Transformation of Basic Values in Modern Spanish Linguoculture ALDOSHINA S. A.	122
Analysis of Primitive Postpositions and Postpositions Formed from Nouns and Adjectives in Agglutinative Languages (based on the material of the Khalkha-Mongolian language) BYAMBAJAV BAYARJARGAL	129

LITERARY STUDIES

Peculiarities of Medical Discourse in Dina Rubina's Novel «Maniac Gurevich» KRYUKOVA O. S., RARENKO M. B.	137
Embedded Narrative and National Discourse: Akunin's Narrative Strategies in the Detective Story "Jade Rosary" LIU JINGJUAN	142

CULTUROLOGY

Media Risks and Transformation of Culture ASEEVA I. A.	149
The Problem of Ethnocultural Preservation in the Internal Diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas) KUTSAEVA M. V.	158

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

История лингвистики: мейнстрим и маргиналы

В. М. Алпатов

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

v-alpatov@ivran.ru

Аннотация. В истории развития любой науки, в том числе языкознания, различные школы и направления одновременно сосуществуют, но историографы обычно выделяют среди них преобладающие по специфике рассмотрения научного объекта. Автор демонстрирует «развитие лингвистики по спирали», выявляет причины смены научных направлений и подходов к изучению языка. Как показано в статье, в ходе развития науки направления, доминирующие в лингвистике на определенном этапе, и направления, считающиеся маргинальными, нередко меняются местами.

Ключевые слова: история языкознания, историзм, структурализм, функционализм, конкуренция направлений, становление парадигм

Для цитирования: Алпатов В. М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 9–14. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

Original article

History of Linguistics: Mainstream and Marginals

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

v-alpatov@ivran.ru

Abstract. In the history of the development of any science, including linguistics, different schools and directions simultaneously coexist, but historiographers usually distinguish among them the prevailing ones according to the specifics of the consideration of a scientific object. The author demonstrates “the development of linguistics in a spiral”, identifies the reasons for the change of scientific directions and approaches to language learning. As shown in the article, in the history of linguistics, trends of research dominating at a certain period and those considered marginal often change place.

Keywords: history of linguistics, historicism, structuralism, functionalism, competition of directions, formation of paradigms

For citation: Alpatov, V. M. (2023). History of linguistics: mainstream and marginals. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 9–14. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

ВВЕДЕНИЕ

Начиная, по крайней мере, с первой трети XIX века, можно говорить о мировой науке о языке. Как, видимо, в любой науке в тот или иной момент времени, в ней всегда сосуществовали разные школы и направления, однако при рассмотрении ее истории обычно указывают на преобладающий в данную эпоху подход к научному объекту. Другие подходы обычно, хотя не всегда, порождают меньшее количество публикаций, занимают маргинальное положение. Впрочем, бывают случаи, когда наибольший резонанс получают направления, которые не были в момент становления многочисленными, но за ними было будущее (вспомним Ф. де Соссюра). Соотношение между мейнстримом и маргинальными направлениями бывает различным и часто меняется.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА В XVIII ВЕКА

В XVIII веке один из французских теоретиков – Н. Бозе делил философскую сторону теории языка на три части (именно в таком порядке) – происхождение языка, многообразие языков, анализ и сравнение языков [Пастернак, 2011, с. 205]. Описанием выделенных аспектов занимались в разной степени и другие мыслители этого круга. Но в центре повышенного внимания, как никогда ни до того, ни после того, находилась проблема происхождения языка. Она, правда, часто решалась на основе того, что предлагали еще в античности, но принадлежность темы к наиболее обсуждаемым была несомненна. Актуализировалась проблема движения от «первобытных» языков к современным языкам, а также «различия между языком до всемирного потопа и после него» [Пастернак, 2011, с. 15] (значительный материал по французским сочинениям этого периода см. в диссертации: [Пастернак, 2011]). Об этом размышлял Э.-Б. де Кондильяк, и его рассуждения, разумеется, могли быть только априорными. Однако развивавшаяся в XVIII веке интеллектуальная традиция, строившая непроверяемые гипотезы о происхождении языка и его древнейшем развитии, была значимой до второй половины XIX столетия. Потом же изучение многообразия языков и различий между ними осталось в числе центральных проблем языкознания, а происхождение языка стало маргинальной темой. В последние десятилетия интерес к этой теме несколько вырос, но в мейнстрим она вряд ли входит.

ИДЕИ ИСТОРИЗМА В ЛИНГВИСТИКЕ

Само по себе внимание к происхождению языка, еще не отмечавшееся в картезианских грамматиках

XVII века, уже свидетельствовало о формировании идеи историзма в отношении языка и отходе от чистой синхронии грамматики Пор-Рояля. Именно здесь, пусть еще в полном отрыве от конкретного языкового материала, готовился исторический подход к языку, ставший господствовавшим в течение XIX века.

Это господство не означало полного отказа от того, что было центральным ранее. Иногда маргиналы просто следуют прежней, в том числе когда-то господствовавшей традиции, преодоленной большинством. Грамматика Пор-Рояля (1660) была популярна еще в течение столетия. Ее статус «общей и рациональной грамматики» сохранился до второй половины XIX века, но тогда уже считался безнадежно устаревшим из-за «антиисторизма». И Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1877) иронизировал над своим оппонентом Е. Дюрингом, «никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие» [Энгельс, 1961, с. 333].

На протяжении XIX века проблематика науки о языке была разнообразна: реконструкции прарформ, анализ памятников письменности, происхождение языка, выявление связей языка с «духом» и «психическим складом» народа, связи между языком и историей. Периодом особенно значительного расширения лингвистикой своего объекта была первая половина XIX века (от В. фон Гумбольдта и Ф. Боппа до А. Шлейхера). На первый план выходило то одно, то другое. Университетские и академические ученые избегали только описаний современных языков, лишенных экскурсов в историю.

Переход к историзму надо было теоретически осмыслить. В течение XIX века здесь сложились, по крайней мере, три направления. Одно из них было еще в первой трети века создано В. фон Гумбольдтом и продолжало затем существовать. Но при этом имя В. фон Гумбольдта одновременно оказалось известным и неизвестным. С одной стороны, он всегда признается классиком науки о языке, отдельные его высказывания часто цитируются, существует канонический набор его текстов. С другой стороны, основная часть его обширного наследия до сих пор остается невостребованной; его исследовательская парадигма оставалась во многом забытой [Лобанова, 2022]. У ученого были последователи, но всё же направление никогда не было массовым.

К середине века появилось натуралистическое направление (А. Шлейхер, М. Мюллер), целиком основанное на историзме. Оно было популярным в 1850–1860-х годах, но когда в 1922 году, т. е. уже в структуралистский период, во Франции появилась последняя работа в духе натурализма,

она уже воспринималась как анахронизм. Идеи натуралистического языкознания отвергли еще младограмматики из-за их априорности и недоказуемости.

Младограмматизм стал магистральным направлением лингвистики в 1870–1910-е годы. Он основывался на приоритете исторического подхода. Младограмматики полагали: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку усвоить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [Пауль, 1960, с. 43].

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА vs ФОНОЛОГИЯ

Для младограмматиков был важен не только историзм – иногда он мог даже отходить на задний план. Экспериментальная фонетика, синхронная по определению, возникла как раз в эпоху младограмматизма и развивалась усилиями ученых данной ориентации. Тогда автор энциклопедической статьи писал: «Акустико-физиологическая Ф. [фонетика. – В. А.] является необходимым фундаментом исторической и сравнительной Ф., без которого последняя неизбежно должна ограничиться чисто описательным отношением к своему предмету и отказаться от всяких попыток объяснения тех звуковых изменений или «переходов», которые происходят в человеческих языках» [Буллич, 1902, с. 240]. То есть, безусловно, был признан приоритет фонетики, основанной на эксперименте с использованием приборов.

Далее, в структурный период, экспериментальная фонетика стала во многом маргинальной дисциплиной: «передовые» ученые того времени предпочитали «бумажную» фонологию. Для автора российской книги об истории фонологии ведущий британский фонетист Д. Джоунз «не был фонологом» [Реформатский, 1970, с. 40], поскольку понимал фонему как класс близких по качеству звуков, выделяемый вне каких-либо функций языка.

Для выработки функциональных критериев выделения звуковых признаков, важных для носителя языка, была нужна фонология, которая создала соответствующую теорию и в эпоху структурализма, с 1920-х годов, вырвалась вперед, вытеснив фонетику, которая, разумеется, продолжая развиваться, отошла на периферию науки о языке.

Упорядочением легче было заниматься «бумажным» специалистам, которые могли и не владеть методикой фонетического эксперимента, зато хорошо знали теорию языка. Почти в это же

время и переход к синхронии после Ф. де Соссюра также давал возможность успешно заниматься лингвистикой, не владея изощренной компаративной методикой, постепенно становившейся маргинальной. В книге [Реформатский, 1970] в центре внимания лишь история фонологии начиная с И. А. Бодуэна де Куртенэ, а об истории экспериментальной фонетики говорится только вскользь. Установился взгляд, согласно которому фонетика занимается речью, фонология языком, а после Ф. де Соссюра всё, связанное с речью, казалось маргинальным. Структуралистов интересовали, в первую очередь, не свойства элементов, а отношения между ними. Роль фонологии в мировой структурной лингвистике до 1950-х годов включительно была очень значительной. В разных странах сложились оригинальные научные направления: дескриптивизм в США, Пражская, Московская, Ленинградская школы. Для всех их именно фонология стала полигоном для выработки структурных методов, прежде всего, из-за своей сравнительной простоты и обозримости. Главные научные понятия (вариант – инвариант, оппозиция, нейтрализация оппозиции и др.) формулировались первоначально для фонологии, а затем переносились на другие уровни языка. Фонология находила и практическое применение: создание алфавитов.

С точки зрения структуралистов, фонология была неким островом благополучия в лингвистике, где уже достигнут уровень точности, который будет вскоре общим для всей науки. Известный математик В. А. Успенский пишет о 1950-х годах: «Лингвисты неоднократно говорили мне, что есть одна область лингвистики, настолько передовая, что в ней всё уточнено и чуть ли не аксиоматизировано. Это фонология» [Успенский, 2013, с. 77]. Однако во второй половине двадцатого века ситуация в мировой лингвистике вновь изменилась: роль фонологии стала уменьшаться, что ярко проявилось в американском генеративизме, обратившемся к синтаксису. Но и специалисты, далекие от идей Н. Хомского, также в своем большинстве обратились к иным сюжетам. Исследуются более высокие уровни языка, а фонология теряет роль кузницы лингвистических методов, фонологический редукционизм остается в прошлом. Это вовсе не означало ослабления интереса к звуковой стороне языка, но теперь в центре внимания оказались реальные процессы.

ДИСКУССИИ ВОКРУГ СТРУКТУРАЛИЗМА

Новые научные акценты коснулись не только изучения звуковой стороны языка. Сам младограмматизм с 1920-х годов, продолжая, конечно, существовать, перестал определять развитие науки. В. А.

Звегинцев, читая лекции по истории языкознания в 60-е годы на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, доходя до рассказа о младограмматизме, показывал пальцем в окно на здание, где помещалась основная часть факультета, говорил: «Вот там он и сейчас господствует». Младограмматический подход, строго исторический и позитивистский, тогда оставался, да и сейчас остается, основой работ исторического и сравнительно-исторического характера, но сами эти области языкознания к середине XX века стали в известной степени маргинальными. Массовые представления о деятельности лингвистов как, прежде всего, исследователей древностей, сохранялись, но приоритеты у самих лингвистов менялись. Примечательно, что передовой ученый начала XIX века В. фон Гумбольдт стал одним из создателей системы классического образования, а передовой ученый начала XX века И. А. Бодуэн де Куртенэ боролся с этой системой, настаивая на преподавании вместо латыни современных языков.

Разумеется, ученые старой школы исходили из других принципов. У них был аргумент в свою пользу: они привыкли самостоятельно собирать фактический материал. Поэтому они (А. И. Томсон, Г. А. Ильинский и др.) обвиняли структуралистов (включая Н. С. Трубецкого) в «слабосилии», «игре-рассуждениях без истории»: «Что это все означает? Искание новых путей? Которые, однако, заведомо избегают углубления. По-моему, лишь одно: слабосилие. Не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных по истории языков, особенно по сравнительному языковедению... Очевидно, силы истощены. Вместо изучения реальных фактов – высокопарное беззастенчивое переливание из пустого в порожнее» [Цит. по: Робинсон, 2004, с.175]. Не принимали новую парадигму К. Фосслер и его школа, неогумбольдтианцы. В СССР оппозиция структурализму была особенно заметна: В. Н. Волошинов, В. И. Абаев, Л. П. Якубинский и на иных основаниях Н. Я. Марр. Л. П. Якубинский в статье 1932 г. писал, что нет никакой другой лингвистики, кроме исторической [Якубинский, 2001]. Однако в СССР, как и в ряде других стран, например в США, изучение современных языков занимало всё большее место.

Но и в отношении современных языков не все проблемы входили в мейнстрим. Его границы во многом были определены Ф. де Соссюром, который разграничением языка и речи одновременно и расширил, и сузил круг первоочередных задач лингвистики. Первое шло за счет «реабилитации» и выдвижения на передний план лингвистики, не занимающейся языковой историей. Он говорил: «Лингвистика уделяла слишком большое место

истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики» [Соссюр, 1977, с. 115–116]. «Ясно, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность. Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий» [там же, с. 123]. Но по другому противопоставлению происходит сужение языковедческой проблематики. Главное – изучать язык (*langue*). «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» [там же, с. 53].

Ш. Балли, близко связанному с Соссюром, принадлежит формулировка, может быть, наиболее четко выражающая суть подхода швейцарского ученого и его последователей. В книге 1913 года он писал: чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы», «он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [Балли, 2003, с. 39]. Таков был идеал структурализма.

Деление на магистральные и маргинальные направления не совпадало с противопоставлением новаторов и традиционалистов. Вышеупомянутое развитие фонологии (как и вообще всё то, что Ф. де Соссюр отнес к сфере языка) было магистральным направлением, но некоторые новаторские идеи в 20–30-е годы выглядели маргинальными. Примером может служить изданная в 1928 году книга В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка». А. А. Реформатский говорил В. Д. Дувакину: «Книжка Волошинова... Ну, в то время она нас мало затронула, потому что явно в ней так отчетливо сквозило фосслерианское так называемое направление. А это нам было чуждо». Реформатским и его друзьями-фонологами книга причислялась к «литературному языковедению», их же интересовал «язык сам по себе»¹. Книгу надолго забыли, а открыли ее за рубежом раньше, чем в СССР, во многом благодаря Р. Якобсону.

В СССР к 1960-м годам центральное место (не количественно, но идейно) занимала структурная лингвистика; идеи о развитии точных методов в изучении языка широко распространились. И появление статьи о «дегуманизации» языкознания [Абаев, 1965] вызвало целую бурю. Сомнения в применимости структурных методов к изучению

¹ URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-347>

семантики и во всеильности математических моделей для языка были сторонниками структуриализма объявлены «мракобесием» [Кузнецов, 1966]. В организованной тогда в «Вопросах языкознания» дискуссии Абаева не поддержал никто.

Изданная еще в 1928 году книга В. Н. Волошинова сейчас активно изучается и переводится во многих странах. Не столь знаменита статья В. И. Абаева, идеи которой когда-то воспринимавшиеся как крайне отсталые, теперь выглядят как предвосхищавшие современные подходы функционализма. Активно развивается на новой, компьютерной основе экспериментальная фонетика, а маргинальной, скорее, выглядит классическая фонология времен Н. С. Трубецкого. И даже грамматику «Пор-Рояля» стали высоко оценивать с середины XX века, в частности, в связи с деятельностью Н. Хомского. Наука развивается по спирали!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеи, маргинальные для мировой науки, могут быть центральными для отдельных стран. Яркий

пример – «новое учение» Н. Я. Марра, которое в нашей стране увлекало многих. А после 1950 года на несколько лет центральное место заняло «традиционное» сравнительно-историческое языкознание, чего не было в других странах; к концу десятилетия приоритеты изменились в сторону сближения с западной наукой. Менее известный пример: центральное место в японской науке о языке с 1950-х годов заняла школа «языкового существования», основатель которой М. Токиэда строил теорию в полемике с Ф. де Соссюром. Она значительно отличалась от структуриализма самим объектом исследования: изучали употребление человеком языка в тех или иных жизненных ситуациях; структура языка предполагалась известной, но рассматривалось его функционирование. Это предвосхищало то, чем у нас и на Западе значительно позже стала заниматься функциональная лингвистика.

Известный образ развития по спирали, как мы видели на разных примерах, хорошо применим к истории лингвистики. И процесс, видимо, бесконечен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пастернак Е. Л. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2011.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1961. Т. 20.
3. Лобанова Л. П. Философия языка В. фон Гумбольдта в зеркале «дискурса забвения» // Вильгельм фон Гумбольдт. Основные черты всеобщего типа языка. Избранные переводы. М.: URSS Ленанд, 2022. С. 7–63.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
5. Булич С. К. Фонетика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз – Ефрон, 1902. Том 71. С. 240–249.
6. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970.
7. Успенский В. А. Труды по нематематике: в 5 кн. М.: ОГИ, 2013. Кн. 3. Языкознание.
8. Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
9. Якубинский Л. П. Против «даниловщины» // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М.: Academia, 2001. С. 134–155.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
11. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: URSS, 2003.
12. Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. 1965. №3. С. 22–43.
13. Кузнецов П. С. Еще о гуманизме и гуманизации // Вопросы языкознания. 1966. №4. С. 62–74.

REFERENCES

1. Pasternak, E. L. (2011). Formirovanie osnovnykh napravlenij francuzskoj lingvisticheskoy mysli XVIII veka = Formation of the main directions of French linguistic thought of the 18th century: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Engel's, F. (1961). Anti-Dyuring = Anti-During. In: Marks, K., Engel's, F. Sochineniya = Works (vol. 20): in 39 vols. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
3. Lobanova, L. P. (2022). Filosofiya yazyka V. fon Gumbol'dta v zerkale «diskursa zabveniya» = V. von Humboldt's philosophy of language in the mirror of the discourse of oblivion. In: Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Osnovnye cherty vseobshchego tipa yazyka. Izbrannye perevody, 7–63. Moscow: URSS. (In Russ.)

4. Paul', G. (1960). Principy istorii yazyka = Principles of language history. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (In Russ.)
5. Bulich, S.K. (1902). Fonetika = Phonetics. In: Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona (vol. 71, pp. 240–249): in 86 vols. St. Petersburg: Tipografiya akcionernogo obshchestva Brokgauz–Efron. (In Russ.)
6. Reformatskij, A. A. (1970). Iz istorii otechestvennoj fonologii = From the history of Russian phonology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Uspenskij, V. A. (2013). Trudy po nematematike = Works on non-mathematics (vol 3. Linguistics): in 5 vols. Moscow: OGI. (In Russ.)
8. Robinson, M. A. (2004). Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov) = The fate of the academic elite: Domestic Slavic studies (1917 – early 1930s). Moscow: Indrik. (In Russ.)
9. Yakubinskij, L. P. (2001). Protiv "danilovshchiny" = Against "danilovshchina". Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija (pp. 134–155). Moscow: Academia. (In Russ.)
10. Sossyur, F. de (1977). Trudy po yazykoznaniju = Works on linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
11. Balli, Sh. (2003). Language (thinking) and the life: due and real (reflections on Sh. Bally's book "language and life"). Moscow: URSS. (In Russ.)
12. Abaev, V.I. (1965). Lingvisticheskij modernizm kak degumanizaciya nauki o yazyke = Linguistic modernism as a dehumanization of the science of language. Voprosy Jazykoznanija, 3, 22–43. (In Russ.)
13. Kuznecov, P. S. (1966). Eshche o gumanizme i gumanizacii = More about humanism and humanization. Voprosy Jazykoznanija, 4, 62–74. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатов Владимир Михайлович

доктор филологических наук, академик РАН

заведующий Отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии

руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alpatov Vladimir Mikhailovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Full Member of the Russian Academy of Sciences

Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia

Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Моделирование мира во французском анализе дискурса

Н. В. Верещагина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

nik.vereschagina@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована теоретико-методологическая база, лежащая в основе анализа концепции «картины мира» во французском анализе дискурса. Анализ дискурса подчеркивает зависимость смысла слова от субъекта коммуникации, что приводит к акцентированию проблемы соотношения познающего субъекта и мира и формированию гносеологических концепций, важнейшими концептами которых являются субъект высказывания, культурная обусловленность высказывания и др. Такие концепции требуют осознания характера их встроенности в проблематику языковедения.

Ключевые слова: модели мира, картина мира, дискурс, анализ дискурса, субъект высказывания, культурная обусловленность

Для цитирования: Верещагина Н. В. Моделирование мира во французском анализе дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 15–20. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_15

Original article

World Modelling in French Discourse Analysis

Nika V. Vereshchagina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

nik.vereschagina@yandex.ru

Abstract. The article analyses the theoretical foundations underlying the concept of the 'picture of the world' in the discourse analysis in French linguistics. The analysis of discourse emphasizes the dependence of the meaning of a word on the subject of communication which leads to the accentuation of the problem of correlation between the cognitive subject and the world and the formation of epistemological concepts, the most important concepts being the subject of the utterance, the cultural conditioning of the utterance, etc. Such concepts require an awareness of the nature of their embeddedness in the problems of linguistics.

Keywords: world models, world picture, discourse, discourse analysis, subject of utterance, cultural conditioning

For citation: Vereshchagina, N. V. (2023). World modelling in French discourse analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 15–20. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_15

ВВЕДЕНИЕ

Статья представляет собой часть исследования, целью которого является установление соотносимости состава фундаментальных проблем языковедения и обслуживающих их терминологических систем в России и во Франции. Различные терминологические системы используются для установления общих и специфических историографических языковедческих тенденций.

В настоящее время многочисленны отечественные и англоязычные зарубежные исследования картины мира, продолжающие традиции В. фон Гумбольдта, Й. Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. А. Потебни. Своеобразное преломление получают эти идеи и во французской этнолингвистике, в которой популярны концепции, по существу, основанные на понимании картины мира как модели действительности, но базирующиеся на иной теоретико-методологической базе и, естественно, формулирующие специфический концептуальный аппарат.

Нами были предприняты попытки обзора ряда философских и лингвистических работ французских исследователей с целью изучения представлений о моделях мира и их соотношении с гумбольдтианскими традициями.

В этом смысле особый интерес представляет анализ дискурса как особое лингвофилософское направление, которое исследует характер и градуальность воздействия самых разных экстралингвистических факторов на функционирование языка и формирование его закономерностей. Иначе говоря, анализ дискурса выявляет то, как составляющие коммуникативной ситуации «отражаются во внутри-текстовой организации и обуславливают в ней специфическую – ту, а не иную упорядоченность языковых единиц и структур» [Чернявская, 2006, с. 24]. Поэтому необходимо установить принципы такого «отражения».

Французская традиция анализа дискурса представлена работами М. Фуко, Л. Альтюссера, Ж. Ж. Лакана, М. Пешё, П. Серио и др. Для интерпретации сущности познания вводятся понятия «дискурсивная формация» (М. Фуко); «концепт»; «категория субъекта». Основной составляющей познавательной деятельности французские философы – основатели школы анализа дискурса – считают идеологию. Идеология представляется как внеисторическая реальность, мировоззрение, что-то истинное и в то же время иллюзорное т. п.

В. фон Гумбольдт и его последователи говорили о том, что субъектом высказывания человек становится только в процессе высказывания и только благодаря объективным языковым формам.

Философы же французской школы утверждают, что человек уже рождается субъектом высказывания.

В работе представлена попытка проанализировать становление концептуального аппарата французской школы анализа дискурса, обслуживающего триаду: познающий субъект – язык – мир (Л. Альтюссер, М. Фуко, М. Пешё).

ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА АНАЛИЗА ДИСКУРСА: СПЕЦИФИКА ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС»

Лингвофилософское направление анализ дискурса возникает во Франции в 60-е годы XX века. «Понятие 'дискурс' как в популярном, так и в философском его применении объединяет целую гамму различных значений...» [Водак, 2011, с. 45], иначе говоря, нетерминологично, а сама Р. Водак предпочитает дефиницию, данную Т. ван Дейком, который считает, что дискурс – это «текст в контексте и событие, которое необходимо описывать эмпирически; дискурс нужно понимать как действие» [цит. по: Водак, 2011, с. 49] (курсив наш. – Н.В.). По Т. ван Дейку, дискурс – это, по сути, способ вхождения индивида в действительность, способ его действия (в том числе и речевого), обусловленный конкретными условиями действительности, и в этом смысле можно усмотреть определенную аналогию такой позиции с положением В. фон Гумбольдта о том, что картина мира – это «способ вхождения языка в действительность».

Акцентируем логику определения дискурса сторонниками французской школы анализа дискурса как речи, разговора (П. Рикер), дискуссии:

- 1) коммуникативное поведение, детерминированное социально одобряемыми правилами, формирует так или иначе зависимые от условий коммуникации способы образования и последовательности мыслей;
- 2) они формируются в языке и репрезентируются в последовательности взаимосвязанных высказываний (утверждений) (М. Фуко), которые, по сути, представляют формы знания;
- 3) эта последовательность высказывания;
- 4) поведение, регулируемое правилами; приводит к цепочке или взаимосвязанной системе утверждений.

Все они объединяются пониманием того, что основной способ вхождения субъекта в действительность осуществляется посредством языка и реализуется в процессе использования языка, обусловленном определенными правилами. Характер «правил» (факторов детерминации

речевой деятельности субъекта) представляется по-разному.

По мнению швейцарского лингвиста П. Серио, для представителей французской традиции анализа дискурса характерно акцентирование взаимосвязи языка и идеологии. Предметом исследования в феномене дискурса служат тексты (высказывания). Они обладают значимостью (анализируются тексты / корпусы текстов, которые содержат убеждения, разделяемые определенным коллективом).

И если Й. Л. Вайсгербер говорил о том, что словарный состав языка представляет систему понятий, возникшую в результате языковой деятельности, овладевая которыми индивид формирует базу для понимания родного языка, то для французских философов значимость слова извлекается из корпусов текстов, фиксирующих определенные дискурсивные характеристики, которые и определяют содержание слов. Корпус текста в этом смысле представляет собой часть институционального общения, дискурса, который, согласно М. Фуко, «определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания» [Foucault, 1969, с. 153]. (Здесь и далее перевод наш; курсив наш. – Н. В.). Именно эти условия производства и понимания высказываний определяют «определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую» [Серио, 1999, с. 28] (курсив наш. – Н. В.). Убеждения, которые присущи индивиду и определенному сообществу людей, зависимость их языкового представления от дискурсивных характеристик сферы коммуникации, культурная идентичность и историчность высказывания как отнесенность к вполне конкретному событийному времени – все это позволяет говорить о детерминированности высказывания от определенной познавательной схемы, модели мира. Эти модели в работах французских философов различны.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Л. АЛЬТЮССЕРА

Особую роль в изучении соотношения «человек – познание – мир» играли идеи французского философа Л. Альтюссера, который уделял особое внимание идеологии как форме познания человеком реальности. Понимание им идеологии близко к одному из значений этого слова, зафиксированному словарями: «Ensemble des représentations dans lesquelles les hommes vivent leurs rapports à leurs conditions d'existence (culture, mode de vie, croyance)» / Совокупность представлений, в которых люди переживают свое отношение к условиям

своего существования (культура, образ жизни, вера) [Dictionnaire Larousse en ligne, 2010, с. 103].

Дискурс для Л. Альтюссера – инструмент изучения мира. Говоря о проблеме отражения действительности, он подчеркивает, что «l'idéologie consiste en un ensemble d'images et de représentations qui voilent les conflits et contradictions de la pratique sociale, qui résolvent illusoirement les problèmes posés par cette « praxis » (jusqu'à substituer à la « praxis » réelle une praxis illusoire : une stratégie de classe qui la masque)»¹ [Althusser, 1976, с. 85].

Идеология, по Альтюссеру, – совокупность представлений, целенаправленно формируемых определенными кругами социума, с целью подчинения общества, внедрения в него частных интересов определенных социальных классов. Идеология создает свои системы ценностей с их специфической иерархией.

В любом высказывании, символе, общественном поступке проявляется культурная обусловленность их содержания, сложные соотношения с ценностями, доминирующими мотивами деятельности, обусловленными подчас противоречивыми факторами, определяющими деятельность индивида, социальной группы, общества. Другими словами, Л. Альтюссер ставит знак равенства между дискурсом и идеологией как системой общих идей, ценностей, которые свойственны обществу и объединяет эти понятия в одно – идеологический дискурс, обуславливающий познавательную деятельность. Кроме того, Л. Альтюссер утверждает, что идеология не имеет истории, она наделена такой структурой и функционированием, которые делают ее внеисторической реальностью, т.е. он утверждает, что идеологический дискурс имеет устойчивые характеристики, которые определяют любое идеологическое высказывание: «...le propre l'idéologie est d'être dotée d'une structure et d'un fonctionnement tels qu'ils en font une réalité non-historique, c'est-à-dire omni-historique...» [Althusser, 1976, с. 87].

Рассмотрим основные положения, выдвигаемые ученым для определения специфики познания мира в идеологическом дискурсе. Во-первых, это, по сути, мысленное, представляемое отношение человека к действительным условиям его бытия. И поскольку означенное бытие определяется разными составляющими культуры, можно выделить разные типы (виды) идеологии, определяемые сферой коммуникативного существования человека: моральную (морально-этическую), политическую, религиозную и др. Поэтому в ментальном аспекте

¹ Идеология состоит из набора образов и представлений, которые скрывают проблемы, создаваемые этой «практикой» (вплоть до замены реальной «практики» иллюзорной практикой).

можно предполагать некое тождество между идеологией и мировоззрением как фрагментом картины мира человека. При этом идеологические категории не всегда являются для индивида истинными – они могут быть верованиями и осмысляться как в значительной степени воображаемые, т. е. не «соответствующие действительности». «Pourtant tout en admettant qu'elles ne correspondent pas à la réalité, donc qu'elles constituent une illusion, on admet qu'elles font allusion à la réalité, et qu'il suffit de les "interpréter" pour retrouver, sous leur représentation imaginaire du monde, la réalité même de ce monde...»¹ [Althusser, 1976, с. 81]. Говоря о представлении реальности, Л. Альтюссер исследует категорию субъекта и его функцию в познавательном процессе. Э. Бенвенист [Benveniste, 1974] считал, что во французском языке «лица», отсутствующее как содержательная категория, включается «непосредственно в язык благодаря конкретным, материальным показателям его присутствия» [Серио, 1999, с. 30]. Таким образом, если говорящий индивид (*locuteur*) существует реально, то субъект высказывания (*énonciateur*) обретает существование только после высказывания. Индивид овладевает формами языка (осознает их как компонент дискурса) в процессе говорения. Эти формы – языковая основа субъективности, о которой говорил В. фон Гумбольдт [Гумбольдт, 1984] и которая реализуется в лексемах, обозначающих условия и обстоятельства говорения, представляющих время и прагматический результат высказывания. Так, было установлено, что «существуют некоторые языковые формы, которые могут быть определены только через их употребление субъектов акта высказывания» [Серио, 1999, с. 15]. Таким образом, субъект как говорящий, высказывающий отношение к говоримому, возникает только в самом высказывании. И только в этом случае его можно рассматривать как специфическую дискурсивную категорию, определяющую, в свою очередь, и понятие «лица». По П. Серио, пользуясь формами и значениями родного языка в определенных специфических коммуникативных условиях, говорящий определяет и собственное «я», и своего собеседника, противопоставленного этому «я». Только через осознание нетождественности форм языка, используемых «я» и «ты» в реальном общении возможно осознание себя как субъекта коммуникации и личности. Это противопоставление коммуникантов является, по Серио, «языковой основой субъективности» [Серио,

1999, с. 16]. Л. Альтюссер говорит о том, что категория субъекта конститутивна, т. е. является основной для любой идеологии: «la catégorie de sujet est constitutive de toute idéologie, mais en même temps et aussitôt nous ajoutons que la catégorie de sujet n'est constitutive de toute idéologie, qu'en tant que toute idéologie a pour fonction (qui la définit) de "constituer" des individus concrets en sujets» [Althusser, 1976, с. 85]. При этом философ добавляет, что субъект как интерпретативная категория в рамках дискурса идеологии является конститутивной только в силу «стабилизации» индивидов.

По мнению ученого, автор и читатель являются субъектами, а значит идеологическими субъектами: «auteur comme le lecteur de ces lignes vivent "spontanément" ou "naturellement" dans l'idéologie, au sens où nous avons dit que "l'homme est par nature un animal idéologique"» [там же], – считая, что природа человека – идеологическая, «человек по природе своей – идеологическое животное».

Задача любой идеологии, по Альтюссеру, – навязывать очевидное как очевидное, когда индивид неизбежно и естественно воспринимает реальность как нечто ясное, безусловное, понятное, что «мы не можем не признать, и перед которым у нас возникает неизбежная и естественная реакция восклицания (вслух или в тишине сознания)» – «Это очевидно! Правильно! Правильно!» [Althusser, 1976, с. 86]. Говоря об истинности идеологии, Л. Альтюссер опровергает идею Э. Бенвениста о том, что субъект становится субъектом только в процессе высказывания. Философ убежден в том, что человек уже является субъектом до рождения: «Les individus sont toujours-déjà des sujets. Donc les individus sont "abstraits" par rapport aux sujets qu'ils sont toujours-déjà»; «qu'un individu soit toujours-déjà sujet, avant même de naître»² [Althusser, 1976, с. 85].

Утверждение об очевидности и истинности идеологии сближает позиции Л. Альтюссера и Л. Витгенштейна, хотя последний говорит не об идеологическом дискурсе, а о некой картине действительности, которая структурирована, с одной стороны, реальностью, с другой – содержанием сознания индивида [Пищальникова, Сонин, 2009].

МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ М. ФУКО И М. ПЕШЁ

Процесс познания мира – это субъективный процесс. М. Фуко решает проблему человек – познание – мир с помощью понятия дискурсивной

¹ Однако, они намекают на реальность, и поэтому достаточно их интерпретировать, чтобы найти под воображаемым представлением мира саму реальность этого мира.

² Индивиды всегда уже являются субъектами. Таким образом, индивиды «абстрагируются» от субъектов, являясь ими даже до своего рождения.

формации. Дискурсивная формация – это «понятие методологии исследования дискурса», предложенное М. Фуко¹. Дискурсивная формация – это информационная структура, выявляющая специфическое значение; совокупность правил, которые фиксируют и ограничивают смысловую наполняемость высказывания. В центре внимания оказывается не субъект высказывания, а смысл последнего. Ученый считает, что можно определить / познать объекты посредством набора правил, которые позволяют им формироваться в качестве объектов дискурса и таким образом составлять условия их исторического появления [Foucault, 1969]. Познавательная схема М. Фуко основана на двух принципах:

1. Принцип присутствия (*champ de présence*). Существуют высказывания, которые уже были сформированы ранее, которые можно отнести к общепринятой истине: *tous les énoncés déjà formulés ailleurs et qui sont repris dans un discours à titre de vérité admise*;
2. Принцип дополняемости (*champ de concomitance*). Высказывания, которые относятся к разным видам дискурса, однако их можно брать за основу при построении нового высказывания, т. е. их содержание может быть применимо к другим высказываниям [Foucault, 1969]. Таким образом, М. Пешё говорит о наличии базовых моделей, правил, которые влияют на восприятие действительности, т. е. о некоей системе представлений, близкой, на наш взгляд, к картине мира.

М. Пешё утверждает, что наука должна «порвать» с идеологией и разработать свою собственную теорию. «His diagnosis is that these sciences have not established themselves as proper sciences, because they have not established their own theoretical object. In other words, they have not accomplished the necessary epistemological break with ideology»² [цит. по: Helsloot, Hack, 2007, с. 47].

¹ URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/

² Его предположение заключается в том, что науки не утвердились как настоящие науки, потому что они не установили свой

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для определения соотносимости состава фундаментальных проблем языковедения, в частности, понимания картины мира как модели действительности и установления терминологических соответствий в русском и французском языках были проанализированы модели познания действительности французских философов Л. Альтюссера, М. Фуко, М. Пешё. Для представителей французской традиции в анализе дискурса необходимо акцентировать взаимосвязь языка и идеологии и создать модели действительности, которые отражают культурно обусловленные убеждения, свойственные обществу на протяжении его развития.

Проблема «познающий субъект – язык – мир» ставится и решается учеными по-разному. Для Л. Альтюссера достаточно интерпретировать идеологический дискурс, чтобы найти под воображаемым представлением мира саму реальность этого мира. Ученый утверждает, что в таком дискурсе люди способны вообразить реальные условия своего бытия [Althusser, 1976]. М. Пешё говорит о существовании базовых моделей, правил, которые влияют на восприятие действительности, т. е. о некоей системе представлений, близкой, на наш взгляд, к пониманию картины мира В. фон Гумбольдтом. По П. Серио, убеждения, которые присущи индивиду и определенному обществу людей, зависимость сферы коммуникации от дискурсивных характеристик, культурная идентичность и историчность высказывания как отнесенность к вполне конкретному событийному времени позволяют говорить о зависимости высказывания от определенной познавательной схемы. Однако во всех этих представлениях есть и общее: действительность обязательно воспринимается и понимается индивидом через систему представлений, сложившихся у индивида под влиянием социума.

теоретический объект. Другими словами, они не совершили необходимого эпистемологического разрыва с идеологией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006.
2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический дискурс-анализ. Волгоград, 2011. С. 286–291.
3. Foucault M. L'Archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969.
4. Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999.
5. Dictionnaire Larousse en ligne. URL : <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 08.11.2022).
6. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'État. Paris: Les Éditions sociales, 1976.
7. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale II. Paris: Gallimard, 1974.

8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
9. Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание: учебник. М.: Академия, 2009. Ч. 2.
10. Helsloot N., Hack T. Pêcheux's Contribution to Discourse Analysis [47 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung = Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8 (2), Art. 1. URL: <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs070218>

REFERENCES

1. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya = Power discourse and the power of discourse: problems of speech impact. Moscow: Flinta. (In Russ)
2. Vodak, R. (2011). Kriticheskaya lingvistika i kriticheskii diskurs-analiz = Critical linguistics and critical discourse analysis. Volgograd. (In Russ)
3. Foucault, M. (1969). L'Archéologie du savoir. Paris: Gallimard.
4. Serio, P. (1999). Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa = The quadrature of meaning: The French school of discourse analysis. Moscow: Editorial OAO IG: Progress. (In Russ)
5. Dictionnaire Larousse en ligne. <https://www.larousse.fr/>
6. Althusser, L. (1976). Idéologie et appareils idéologiques d'État. Paris: Les Éditions sociales.
7. Benveniste, E. (1974). Problèmes de linguistique générale (vol. 2): in 2 vols. Paris: Gallimard.
8. Humboldt, V. von. (1984). Izbrannye trudy po yazykoznaniiu = Selected Works on Linguistics. Editorial Moscow: Progress. (In Russ)
9. Pishchal'nikova, V. A., Sonin A. G. (2009). Obshchee yazykoznanie. Uchebnik. CHast' 2 = General Linguistics. Textbook. Part 2. Moscow: Akademiya. (In Russ)
10. Helsloot, N., Hack, T. (2007). Pêcheux's Contribution to Discourse. <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs070218>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Верещагина Ника Васильевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vereshchagina Nika Vasilievna

Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	24.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	18.01.2023	
	30.01.2023	

Элизабет Элстоб против Джонатана Свифта: спор о древних и новых и изучение древнеанглийского языка в Великобритании XVIII века

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется предисловие Э. Элстоб к «Начаткам грамматики англосаксонского языка» как документ, отражающий начальный этап формирования германистики в Великобритании XVIII века. Освещая полемику Элстоб с авторами, оспаривающими ценность древнеанглийского наследия, автор показывает, что в «споре о древних и новых» исследователи древнеанглийского языка и культуры поддерживали позиции «новых» за счет акцентирования англосаксонской идентичности британцев и использования научных методов текстологической работы.

Ключевые слова: спор о древних и новых, формирование германистики в Великобритании XVIII в., Э. Элстоб, Дж. Хикс, Дж. Свифт, Ч. Гилдон, Дж. Брайтленд

Для цитирования: Германова Н. Н. Элизабет Элстоб против Джонатана Свифта: спор о древних и новых и изучение древнеанглийского языка в Великобритании XVIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 21–27. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_21

Original article

Elizabeth Elstob against Jonatan Swift: the Quarrel of the Ancients and the Moderns and Anglo-Saxon Studies in Eighteenth-Century Britain

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The article analyses E. Elstob's preface to her "Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue" as a document illustrating the beginnings of Anglo-Saxon studies in eighteenth-century Britain. Highlighting Elstob's polemic with the authors denying the value of the Anglo-Saxon heritage, the author demonstrates that in the 'Quarrel of the Ancients and the Moderns' the researchers of the Old English language and culture took the side of 'the Moderns' due to the accent on the Anglo-Saxon identity of Britons and the use of modern textological methods.

Keywords: Quarrel of the Ancients and the Moderns, the beginnings of Anglo-Saxon studies in eighteenth-century Britain, E. Elstob, G. Hickes, J. Swift, Ch. Gildon, J. Brightland

For citation: Guermanova, N. N. (2022). Elizabeth Elstob against Jonatan Swift: the Quarrel of the Ancients and the Moderns and Anglo-Saxon studies in Eighteenth-Century Britain. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 21–27. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_21

ВВЕДЕНИЕ. ЭЛИЗАБЕТ ЭЛСТОБ: ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-МЕДИЕВИСТ ЕВРОПЫ

Элизабет Элстоб занимает в интеллектуальной истории Великобритании особое место. Это была первая – и единственная – женщина-медиевист не только в Великобритании, но и во всей Европе XVIII века. В эпоху, когда в Великобритании изучение женщинами латыни, древнегреческого и древних языков не поощрялось как занятие неженственное, способное внушить дамам неподобающие идеи о собственных интеллектуальных возможностях, Элизабет Элстоб овладела восьмью языками, включая латынь, иврит, готский и, главное, древнеанглийский язык. Ее увлечению англосаксонскими¹ древностями способствовал брат, Уильям Элстоб (1673–1715). Выпускник Оксфорда, он сблизился с группой так называемых «Оксфордских саксонистов» (Oxford Saxonists) – ученых-филологов, занимавшихся изучением средневековой культуры и языка Британских островов. В этот круг входили Джордж Хикс, Эдуард Туэйтс, Хамфри Вэнли, Эндрю Фонтен, Джон Стирл, деятельность которых по публикации и переводу древних текстов, составлению грамматик германских языков и коллекционированию германских древностей способствовала формированию британской германистики. В XVIII веке данное направление исследований не было популярным: большая часть современников «Оксфордских саксонистов» усматривала истоки европейской цивилизации в античной культуре Древней Греции и Рима, а в древнеанглийском периоде (и, в целом, в Средних веках) не видели ничего, кроме варварства. Благодаря брату Э. Элстоб познакомилась с Дж. Хиксом и другими «саксонистами» и вошла в их среду. Она активно включилась в изучение и пропаганду германских древностей; ей удалось не только подключиться к работе других исследователей древнеанглийского языка и культуры, но и внести свой собственный вклад в их изучение.

Первой самостоятельной публикацией Элстоб, связанной с древнеанглийским языком, стал перевод с древнеанглийского языка проповеди древнеанглийского монаха, грамматиста и писателя Эльфрика, написанной им на рождение Св. Григория Великого. Текст проповеди сопровождался ее переводом на английский язык и обширными комментариями. Издание также содержало объемное предисловие, в котором Элстоб аргументировала ценность изучения древнеанглийского языка для понимания британской идентичности. Перевод дополняли древнеанглийский алфавит, перевод

проповеди Эльфрика на латинский язык (выполненный У. Элстобом), письма Св. Григория и некоторые другие документы, облегчающие понимание сочинения Эльфрика. Переводу предшествовала кропотливая текстологическая работа: Элстоб сверила транскрипт проповеди, которым она располагала (он был предоставлен ей У. Хопкинсом, близким другом Дж. Хикса), с рукописями проповедей Эльфрика из Бодлианской библиотеки.

Второй – и последней – публикацией Э. Элстоб стали вышедшие в 1715 году «Начатки грамматики англосаксонского языка» [Elstob, 1715]; смерть брата, лишившая Элстоб средств к существованию, не позволила ей осуществить дальнейшие научные планы. Грамматика Элстоб была не столько оригинальным сочинением, сколько сокращенным переложением на английский язык грамматик древнеанглийского языка Дж. Хикса и Э. Туэйтса. Ее уникальность состояла в том, что это была первая грамматика древнеанглийского языка, написанная не на латыни, а на английском языке.

Грамматике было предпослано предисловие, написанное в виде открытого письма Дж. Хиксу, в котором Элстоб отстаивала ценность изучения средневековой культуры Британских островов. Полемическое острие автора было нацелено против «Предложения об исправлении, улучшении и закреплении английского языка» Дж. Свифта [Swift, 1712], «Грамматики английского языка», изданной под именами Ч. Гилдона и Дж. Брайтленда [Gildon, Brightland, 1712] и «Трактата о чтении классики и выработке правильного стиля» Г. Фелтона [Felton, 1713].

В настоящей статье эта полемика будет рассмотрена в связи с историей изучения древнеанглийского языка в Великобритании XVIII века в контексте так называемого «спора о древних и новых».

«СПОР О ДРЕВНИХ И НОВЫХ» И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ XVIII ВЕКА

«Спором о древних и новых» принято называть дискуссию о сравнительной ценности достижений античности и Нового времени, которая первоначально велась в области литературы, но со временем вышла за ее пределы. Начало этой дискуссии было положено в XVII–XVIII веках выступлениями во Французской академии Ш. Перро и Б. Фонтенеля, подвергших сомнению необходимость подражания античным образцам литературы. Им возразили другие члены Академии (Ж. де Лабрюйер, Н. Буало, Ж. де Лафонтен, Ж. Расин, Ф. Фенелон),

¹ В Великобритании XVIII в. слово «англосаксонский» выступало как синоним слова «древнеанглийский».

поставившие под сомнение прогресс в искусстве; свою позицию они аргументировали неизменностью человеческой природы и незыблемостью эстетических идеалов.

В XVIII веке эта дискуссия перекинулась в Великобританию. Толчком послужило эссе влиятельного на тот момент политического деятеля, дипломата (хотя и ушедшего на тот момент в отставку) У. Темпла «О знаниях древних и новых» (1690). Темпл выступил сторонником «древних». Обратившись к образу карлика, стоящего на плечах гиганта (где гигант – это древние авторы, а карлик – современные), Темпл утверждал, что карлик даже на плечах гиганта остается карликом: хотя «новые» имеют несколько больший обзор, они могут воспользоваться своим шансом увидеть больше и дальше, только если их зрение сильнее, чем у гиганта, а этим «новые», по мысли Темпла, похвастаться не могли [Temple, 1754, с. 158]. По мнению автора, за последние столетия определенный вклад в философию внесли только Декарт и Гоббс, которых он ставил ниже Платона, Аристотеля и других мыслителей античности. Темпл не видел прогресса не только в гуманитарной сфере (грамматике и риторике), но даже в астрономии и физике: он пренебрежительно отмахнулся от Н. Коперника и У. Гарвея (ученого, исследовавшего кровообращение), заявив, что их работы не принесли миру никакой пользы, хотя и прославили авторов.

Таким образом, в Великобритании дискуссия сразу вышла за пределы литературного творчества, охватив сферы истории, философии, естественных наук. Темпла поддерживали А. Поуп и Дж. Свифт; последнее не удивительно, поскольку Темпл был патроном Свифта и завещал ему свои рукописи с просьбой опубликовать их после смерти; Дж. Свифт эту просьбу выполнил. Более того, Дж. Свифт написал стихотворный памфлет «Битва книг» (1704), в котором он сатирически описал стычку книг старых и новых авторов, подравшихся на полках библиотеки. Это сочинение, опубликованное в качестве предисловия к «Сказке бочки», стало весьма популярным, так что в Великобритании спор о древних и новых нередко выступает под названием «Битва книг» («The Battle of the Books»).

У. Темплу возразил У. Уоттон в «Размышлениях о знаниях древних и новых» (1694). У. Уоттон был историком и лингвистом, полиглотом, членом Лондонской королевской Академии, известным своими исследованиями средневековых валлийских законов. Другим противником Темпла стал филолог-классик Р. Бентли, один из основателей исторической филологии и научной школы эллинизма в Британии. Трактат последнего об эпистолах Фалариса и других текстах, приписываемых Темплом

античным авторам, У. Уоттон включил во второе издание своих «Размышлений» [Wotton, 1697]; именно это совместное издание стало значимым вкладом в дискуссию о старых и новых. У. Уоттон и Р. Бентли перенесли дискуссию в сферу истории. Не отрицая значимость античного наследия, знатоками которого они являлись, они настаивали на том, что исторические сведения, содержащиеся в античных трудах, а также авторство и время создания этих трудов часто нуждаются в уточнении и пересмотре. Это означало, что ученым – историкам и филологам – требовались новые критические методы научной работы, в том числе текстологического характера [Levine, 2018; Высокова, 2014].

В рамках настоящей статьи следует остановиться на последствиях дискуссии о древних и новых для лингвистических исследований XVIII века. Начиная с XVI века, в Великобритании формировался растущий интерес к англосаксонским древностям, как в историческом, археологическом, так и в лингвистическом плане. Эта научное направление получило название «антикварианизма»; наиболее значительными исследователями-антикварианами принято считать Дж. Леланда (1503–1552), У. Кемдена (1551–1623), Р. Верстергена (1550–1640), Р.Б. Коттона (1571–1631), Г. Спелмена (1564–1641), Дж. Спелмена (1594–1643). У антикварианов исследование языка было подчинено исследованию истории и археологических артефактов: их интересовали выявление этимологии слов для интерпретации древних законов, расшифровка надписей на монетах, изучение топонимов на древних картах и т. п. Постепенно в трудах У. Сомнера, Дж. Хикса, Э. Туэйтса интерес к древнеанглийскому языку стал выходить на первый план.

К значительным достижениям исследователей древнеанглийского языка и культуры второй половины XVII – начала XVIII веков относятся первый словарь древнеанглийского языка У. Сомнера «*Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum*» (1659), долго существовавший в рукописной форме; первое научное издание англосаксонских хроник «*Chronicon Saxonicum*», осуществленное Э. Гибсоном (1692), а также его перевод с латыни сочинения Кемдена «*Britannia*»; первая грамматика древнеанглийского языка «*Institutiones grammaticae Anglo-Saxonicae et Moeso-Gothicae*», принадлежащая перу Дж. Хикса (1689), первое издание Старого Завета на древнеанглийском языке «*Heptateuchus, liber Job, et evangelium Nicodemi, Anglo-Saxonice; historiae Judith fragmentum, Dano-Saxonice*», осуществленное Э. Туэйтсом (1698) (полный список работ в этом направлении см. [Niles, 2015]).

Центром изучения древнеанглийской культуры стал Оксфорд, а ученые, занимавшиеся данными

исследованиями, получили прозвище «Oxford saxonists». Исключительную роль в координации работы «оксфордских саксонистов» сыграла публикация двухтомного «Критического грамматического и археологического тезауруса ранних северных языков» (*Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus*) (1703–1705). Вдохновителем и автором лингвистической части был Дж. Хикс, он привлек к работе над «Тезаурусом» сэра Эндрю Фонтена, опубликовавшего в «Тезаурусе» часть своей коллекции древних монет, а также Х. Вэнли, палеографа и хранителя отдела рукописей Бодлианской библиотеки в Оксфорде, который составил каталог хранившихся в этой библиотеке древнеанглийских рукописей. К работе были привлечены и другие исследователи, в том числе брат Элизабет Элстоб.

В споре о древних и новых исследователи древнеанглийской культуры поддерживали позицию новых. В XVIII веке большинство британских интеллектуалов видели свою «историческую колыбель» в античной цивилизации Древней Греции и Рима, соприкоснуться с которой помогла римская колонизация Британии (с 43 года по V век н. э.), а древнеанглийскую историю рассматривали как век варварства. Акцент на англосаксонской древности означал переосмысление исторических корней и национальной идентичности британцев. С «новыми» исследователями древнеанглийской культуры сближали и современные методы историко-лингвистических исследований: критический анализ, перевод и публикация древних текстов, сравнение списков одной рукописи, составление индексов и глоссариев, изучение истории создания текстов.

ПОЛЕМИКА Э. ЭЛСТОБ С ДЖ. СВИФТОМ: БОГАТСТВО И СИЛА ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Как было отмечено выше, Э. Элстоб входила в круг знатоков древнеанглийской культуры, сплотившийся вокруг Дж. Хикса. Однако к моменту выхода ее грамматики Э. Туэйтс уже умер, а Дж. Хикс был тяжело болен (он умер в декабре 1715 года). Ряды сторонников изучения древнеанглийского языка и культуры, таким образом, существенно поредели. В предисловии к своей грамматике древнеанглийского языка Э. Элстоб выступает в поддержку этих исследований. Примечательно полное название ее грамматики, четко указывающее на направленность этого труда: «Начатки грамматики англосаксонского языка, впервые данные на английском языке, с защитой изучения северных древностей.

Очень полезные для понимания наших древних английских поэтов и других авторов» [Elstob, 1715].

В качестве одного из своих оппонентов Э. Элстоб видела Дж. Свифта, опубликовавшего в 1712 году «Предложения об исправлении, улучшении и закреплении английского языка». Это сочинение часто упоминается, в основном в критическом контексте, в работах, посвященных прескриптивному направлению в британской лингвистике XVIII века. В нем Свифт присоединился к тем британским литераторам и политическим деятелям, которые являлись сторонниками создания Академии. Ее целью должно было стать упорядочение английского языка. Эти взгляды разделяли многие авторитетные писатели того времени, в том числе Дж. Драйден, Д. Дефо. Дж. Аддисон. Свифт надеялся, что Академия сможет не только регламентировать употребление английского языка, но и остановить его развитие. Он аргументировал свою позицию тем, что языковая эволюция нежелательна, так как сделает со временем тексты его современников непонятными будущим поколениям. Именно эти суждения Свифта чаще всего вызывают критику современных исследователей.

Однако Э. Элстоб в большей мере интересовала другая часть его работы – та, где он давал оценку истории английского языка и его современному состоянию. По мнению Свифта, английский язык является менее изящным, нежели французский, испанский или итальянский, потому что «латинский язык, в его чистоте, никогда не существовал на этом острове» [Swift, 1712, с. 9]. Более широкому распространению латинского языка, по мнению писателя, мешал тот факт, что римским легионерам пришлось покинуть Англию, чтобы дать отпор варварам на континенте, после чего бритты, долгое время жившие бок о бок с римскими легионерами, подверглись завоеванию саксов, которые со временем вытеснили их в окраинные части Англии; это привело к утрате латинского языка жителями Англии, так что английский с его саксонскими истоками близок не к латыни, а к немецкому и другим «северным» языкам.

Что касается более поздних эпох, то Свифт полагал, что наиболее благоприятным периодом для английского языка был период, начавшийся с правления королевы Елизаветы I (1558–1603) и закончившийся Гражданской войной 1642 года. Современный ему английский язык Свифт критикует за обилие жаргонизмов, грамматические ошибки, пристрастие к укорачиванию слов и опусканию гласных в окончаниях (*drudg'd, disturb'd*), а также за обилие односложных слов.

Эти последние качества английского языка, крайне ему неприятные, Свифт связывал с

его германскими истоками: «Эта вечная склонность укорачивать наши слова, устраняя гласные, является ничем иным, как тенденцией впасть в варварство тех северных наций, от которых мы произошли, и чьи языки все обладают этим же недостатком» [Swift, 1712, с. 26]. «Тот самый недостаток тепла, который придает жесткость нашим характерам, может приводить к грубости нашего языка, который имеет некоторое сходство с жесткими плодами холодных стран», – продолжает он [Swift, 1712, 27].

Эти упреки были для Элстоб неприемлемы. Она видит свою цель в том, чтобы «показать образованным (polite) людям нашего времени, что язык их предков не был столь скудным и варварским, как они утверждают с невежеством, равным их самоуверенности» [Elstob, 1715, с. III]. Э. Элстоб настаивает на богатстве древних языков, с которыми не могут сравниться языки современные, в связи с чем идеи Свифта о реформировании языка кажутся ей обреченными на провал, так как, по ее мнению, выработка норм языка должна опираться на исторический фундамент. Мысль улучшить язык, «лишив его украшений античности или отделив его от саксонского корня, чьи ветви были такими обильными и многочисленными», представляются ей смехотворными [Elstob, 1715, с. IV]. Улучшению языка может способствовать, с ее точки зрения, «оживление» несправедливо забытых слов, а определение уместности той или иной лексической единицы должно учитывать ее этимологию.

Большая часть предисловия посвящена опровержению утверждения Свифта о неблагозвучности английского языка из-за обилия в нем односложных слов и скопления согласных. Это внимание к звуковой стороне языка, вероятно, объясняется тем, что именно эти качества английского языка Свифт напрямую связывает с его германскими истоками. «Я никогда не замечала в согласных никакой жесткости, кроме той, что необходима для придания силы, как кости в человеческом теле, которые придают ему твердость и поддерживают его, так что самой худшее, что можно сказать о наших предках, это то, что они говорили, как сражались – как мужчины», – заявляет Элстоб [Elstob, 1715, с. X–XI]. Затрагивая вслед за Свифтом тему односложных слов, Элстоб выдвигает два аргумента, опровергающие критику английского языка Свифтом: во-первых, в древних «северных» языках были не только односложные слова и, во-вторых, односложные слова с успехом использовались самыми знаменитыми поэтами. В доказательство Элстоб приводит многочисленные цитаты из десятков авторов, как античных, так и современных, демонстрируя свою незаурядную литературную эрудицию.

ПОЛЕМИКА Э. ЭЛСТОБ С Ч. ГИЛДОНОМ, ДЖ. БРАЙТЛЕНДОМ И Г. ФЕЛТОНОМ: ЦЕННОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Еще одна линия полемики Э. Элстоб, представленная во введении к «Начаткам грамматики англосаксонского языка», состоит в защите не самого древнеанглийского языка, а в поддержке того круга ученых, которые посвятили себя его изучению. К этому кругу принадлежала сама Элстоб и, главное, ее учитель Дж. Хикс, которому посвящено все предисловие. В этом случае ее оппонентами оказываются Ч. Гилдон и Дж. Брайтленд, авторы популярной в то время грамматики английского языка, и Г. Фелтон, автор труда под названием «Трактат о чтении классики и выработке правильного стиля» [Felton, 1713]. Последний, как видно из самого названия его сочинения, в дискуссии о древних и новых поддерживал позиции древних: в своем трактате он утверждал, что только чтение античных авторов позволит молодым людям выработать хороший литературный стиль.

В глазах Элстоб этих авторов объединяло пренебрежительное отношение к так называемым «антиквариям» – историкам и филологам, занимавшимся изучением английского Средневековья. К моменту издания грамматики Элстоб эти исследования начали подвергаться критике: их тематика многим казалась неактуальной, содержание – неинтересным, а стиль – педантичным. Широкой публике было непривычно именно то, что приближает труды антиквариев к стандартам современного исследователя и приводит их в стан «новых»: тщательная текстологическая работа, включавшая сверку рукописных списков одного текста, попытки вскрыть древние смыслы, углубившись в этимологию слов, критический анализ содержания и истории создания текста, внимание к историческим деталям, параллельное изучение материальной и духовной культуры.

Элстоб встала на защиту этих исследований, обвиняя критиков в невежестве. «Мне кажется очень несправедливым, что те, кто трудятся и предпринимают так много усилий, чтобы предоставить материалы для сочинительства или беседы тем, у кого нет свободного времени, умения или усердия, чтобы найти их самостоятельно, получают вместо благодарности упрек в том, что они люди приземленного гения (men of low genius)», – пишет она [Elstob, 1715, с. XXIX]. Единственное, что может пригибать этих людей к земле, утверждает она, это бремя знаний, которым не обладают «легкие и порхающие умы», у которых труженики науки стоят на дороге [там же]. Она обрушивается с критикой

на Г. Фелтона, упрекающего ученых-антиквариев в отсутствии литературного вкуса: именно у них, по его мнению, чаще всего встречается расхождение между верными мыслями и плохой формой их выражения. Элстоб решительно не согласна с тем, что ученые плохо выражают свои мысли, ибо верность мыслей, как полагает она, не может существовать без их точного выражения.

Что касается грамматики Ч. Гилдона и Дж. Брайтленда, то она навлекла на себя критику Элстоб утверждением авторов, что для освоения грамматики современного языка исторические сведения излишни.

Это утверждение, вполне справедливое с современной точки зрения, было для того времени достаточно непривычным, о чем свидетельствует сравнение грамматики Ч. Гилдона и Дж. Брайтленда с трудами их современников. Выпущенная в 1711 году, грамматика Ч. Гилдона и Дж. Брайтленда конкурировала с грамматиками английского языка Дж. Гринвуда [Greenwood, 1711] и М. Мэттера [Maittaire, 1712].

Две последние грамматики дают сведения из истории английского языка и, в частности, содержат упоминания работ Дж. Хикса в самом положительном тоне. Дж. Гринвуд в предисловии отсылает читателей к трудам Дж. Хикса, Э. Гибсона и других исследователей истории английского языка для более глубокого ознакомления с предметом [Greenwood, 1711, с. А4]. Далее, он ссылается на Дж. Хикса при обсуждении родства германских языков, а также генитива и рода в английском языке [Greenwood, 1711, с. 28, 54, 58, 106]. М. Мэттер также признает важность знания древнего языка для понимания языка современного, прежде всего в области этимологии и словопроизводства; в свою грамматику он включает приложение «Appendix concerning Etymology, or the Derivation and Composition of English Words», в котором ссылается на исследование Дж. Хикса [Maittaire, 1712, с. 248].

Ч. Гилдон и Дж. Брайтленд, напротив, настаивают на синхроническом подходе к изучению языка. В предисловии ко второму изданию своей грамматики (на которое и ссылается Элстоб) они пишут, что «природа и дух (genius) нашего языка почти полностью изменились; поэтому значения слов (за редкими исключениями) должны выводиться из современного узуса, а не из узуса прежних времен» [Gildon, Brightland, 1712, с. А4]. Далее они

упоминают работы Дж. Хикса, описавшего систему спряжения и склонения древнеанглийского языка, и утверждают, что эти сведения более не релевантны для изучения современного английского.

Пытаясь опровергнуть их аргументы, Элстоб указывает на то, что современный английский язык унаследовал некоторые черты древнеанглийского, в частности, генитив, многие корни и т. п. Она находит оскорбительной данную авторами снисходительную характеристику Дж. Хикса как «любопытного исследователя устаревших языков, ныне вышедших из употребления, и не содержащих ничего ценного» [Gildon, Brightland, 1712, с. А6]. Незнание языка предков и нежелание его изучать являются в ее глазах признаком невежества: для нее описание языка должно непременно иметь историческую перспективу. Несведущих в этих вопросах авторов она отсылает к «Тезаурусу» Хикса. «Но оставим этих педагогов пыхтеть и чваниться с высоты всего их высокомерия... Я не могу не сожалеть, что в наших раздумьях о совершенствовании английского языка так мало внимания уделяется древности и первоисточнику нашего современного языка, коим является саксонский», – заключает она [Elstob, 1715, с. IX].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предисловие к «Начаткам грамматики англо-саксонского языка» Э. Элстоб представляет собой яркий исторический документ, который внес вклад в спор о древних и новых, развернувшийся в Великобритании XVIII века. В этом написанном в не по-женски резком тоне Элстоб отстаивает как достоинства древнеанглийского языка, так и достижения его исследователей, прежде всего Дж. Хикса, учителя и друга Э. Элстоб, а также других ученых-антиквариев. В их трудах описывалось строение древнеанглийского языка, этимология его лексических единиц в их связях с другими германскими («северными») языками, а также анализировались древние тексты в их историко-культурном контексте, что знаменовало начало формирования британской германистики. В споре о древних и новых эти ученые оказались в стане новых за счет акцента на ценности для британской культуры не столько античного, сколько англо-саксонского наследия, и применения новых для того времени методов текстологической работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Elstob E. The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue, First Given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being Very Useful Towards the Understanding Our Ancient English Poets, and Other Writers. London: W. Bowyer, 1715.

2. Swift J. A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue. London: printed for Benj. Tooke, 1712.
3. Gildon Ch., Brightland J. A Grammar of the English Tongue, with Notes, Giving the Grounds and Reason of Grammar in General. London: R. Brugis for John Brightland, 1712.
4. Felton H. A Dissertation on Reading the Classics, and Forming a Just Style. London: J. Bowyer, 1713.
5. Temple W. An Essay upon Ancient and Modern Learning // The Works of Sir William Temple: in 4 vols. Edinburgh: G. Hamilton & J. Balfour, A. Kincaid & A. Donaldson etc, 1754. Vol. 2. P. 141–181.
6. Wotton W. Reflections Upon Ancient and Modern Learning. 2nd ed. London: J. Leake, 1697.
7. Levine J.M. The Battle of the Books. History and Literature in the Augustan Age. Ithaca – London: Cornell University press, 2018.
8. Высокова В. В. «Спор о древних и новых» и становление историзма в британской историографии XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 110 – 122.
9. Niles J. D. The idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Oxford: Wiley Blackwell, 2015.
10. Greenwood J. An essay towards a practical English Grammar, describing the genius and nature of the English tongue; giving likewise a rational and plain account of grammar in general, with a familiar explanation of its terms. London: R. Toukey, 1711.
11. Maittaire M. The English Grammar: or, an Essay on the Art of Grammar, Applied to and Exemplified in the English Tongue. London: W. B., 1712.

REFERENCES

1. Elstob, E. (1715). The Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue, First Given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being Very Useful Towards the Understanding Our Ancient English Poets, and Other Writers. London: W. Bowyer.
2. Swift, J. (1712). A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue. London: printed for Benj. Tooke.
3. Gildon, Ch., Brightland, J. (1712). A Grammar of the English Tongue, with Notes, Giving the Grounds and Reason of Grammar in General. London: R. Brugis for John Brightland.
4. Felton, H. (1713). A Dissertation on Reading the Classics, and Forming a Just Style. London: J. Bowyer.
5. Temple, W. (1754). An Essay upon Ancient and Modern Learning. The Works of Sir William Temple (vol. 2, pp. 141–181): in 4 vols. Edinburgh: G. Hamilton & J. Balfour, A. Kincaid & A. Donaldson etc.
6. Wotton, W. (1697). Reflections upon Ancient and Modern Learning. 2nd ed. London: J. Leake.
7. Levine, J. M. (2018). The Battle of the Books. History and Literature in the Augustan Age. Ithaca – London: Cornell University press.
8. Vysokova, V. V. (2014). Quarrel of the Ancients and the Moderns and the Development of Historicism in 18th Century British Historiography. Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and arts, 4(133), 110–122. (In Russ.)
9. Niles, J. D. (2015). The Idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Oxford: Wiley Blackwell.
10. Greenwood, J. (1711). An Essay towards a Practical English Grammar, Describing the Genius and Nature of the English tongue. London: R. Toukey.
11. Maittaire, M. (1712). The English Grammar: or, an Essay on the Art of Grammar, Applied to and Exemplified in the English Tongue. London: W. B.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталья Николаевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	24.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	18.01.2023	
	30.01.2023	

Научная статья
УДК 811.9, 811.92
DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_28

Классификации конлангов в современной интерлингвистике

А. А. Костюхин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.kostyuxin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению классификации конструированных языков (конлангов), предложенной американским лингвистом Дэвидом Питерсоном, и ее преимуществ по отношению к другим типологиям конструированных языков, разработанных современными отечественными лингвистами. Материалом исследования являются классификации конструированных языков Д. Питерсона, О. Н. Шуваловой и М. Ю. Сидоровой, А. Ч. Пиперски. При проведении исследования были использованы такие методы, как описание, анализ, сравнение.

Ключевые слова: конструированный язык, классификация, конланг, Д. Питерсон, естественные и искусственные языки

Для цитирования: Костюхин А. А. Классификации конлангов в современной интерлингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 28–34. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_28

Original article

Classifications of Conlangs in Modern Interlinguistics

Alexey A. Kostyuhin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.kostyuxin@mail.ru

Abstract. The paper deals with the classification of constructed languages (conlangs) proposed by David J. Peterson and its advantages over the typologies of constructed languages developed by modern Russian linguists. The research materials are the classifications of constructed languages proposed by D. Peterson, O. N. Shuvalova and M. Yu. Sidorova, A. Ch. Piperski. The typologies were examined by means of such methods as description, analysis and comparison.

Keywords: constructed language, classification, conlang, D. Peterson, natural and artificial languages

For citation: Kostyuhin, A. A. (2023). Classifications of conlangs in modern interlinguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 28–34. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_28

ВВЕДЕНИЕ

По последним данным в мире насчитывается от семи до восьми тысяч естественных языков [Кронгауз, Пиперски, Сомин, 2018]. Несмотря на столь большое лингвистическое разнообразие, люди с давних времен занимались лингвоконструированием, т. е. созданием собственных языков. В настоящее время, как отмечает в своей работе О. Н. Шувалова, зарегистрировано более 1 500 лингвопроектов или полноценных искусственных языков [Шувалова, 2006]. На сегодняшний день существует множество классификаций конструированных языков, или конлангов (от англ. constructed languages), в зависимости от цели создания, наличия / отсутствия их материального соответствия естественным языками [Кузнецов, 1976], степени разработанности [Blanke, 1985] и др. В настоящей статье анализируется классификация конлангов, разработанная американским лингвистом Дэвидом Питерсоном¹ и опубликованная им на своем YouTube-канале, в сопоставлении с классификациями конструированных языков современных отечественных лингвистов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕФИНИЦИИ ТЕРМИНА «КОНЛАНГ»

Прежде чем приступить к рассмотрению классификации Д. Питерсона, представляется уместным обратить внимание на происхождение и определение термина «конланг». Долгое время считалось, что впервые термин «конструированный язык» (constructed language) был употреблен в работе датского лингвиста Отто Есперсена (1860–1943), который именно так обозначал в своем труде разработанный им язык новиаль (Novial) [Jespersen, 1928]. Однако в 2015 году отечественный лингвист С. Н. Кузнецов установил, что на самом деле авторство термина принадлежит знаменитому российскому лингвисту польского происхождения И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845–1929), который еще в 1905 году писал: «Рядом с языками 'естественными' ('натуральными') стали появляться языки 'искусственные' в строгом смысле этого слова, языки научно обдуманые и созданные (конструированные), или 'философские' (основанные на логической классификации человеческих идей или понятий и

на обозначении отдельных классов и подразделений этих идей соответственными символами), или же просто 'международные' (составленные по образцу существующих языков, но со значительными упрощениями и по принципу соответствия мира звуковых символов миру ассоциированных с ними понятий и представлений)» [цит. по: Кузнецов, 2015, с. 93]. Впоследствии термин *constructed language* стал активно использоваться в интерлингвистической литературе, породив целую серию производных: *conlang* (сокращение от *constructed language*), *conlanger* (автор или сторонник конструированного языка), *artlang* (сокращение от *artistic language*), *artlanger* и др. [Кузнецов, 2015].

Широкому распространению и закреплению термина также способствовало создание в 1991 году списка рассылки Conlang Listserv, который существует и функционирует и в настоящее время². Как отмечает Д. Питерсон в своем труде «Искусство создания языков: от вымершего языка высших классов до наречия кровожадных воинов-кочевников», его основатели встретились на телеконференции в Usenet и договорились об учреждении отдельного списка только для создателей искусственных языков. Когда ему понадобилось название, было принято решение использовать для этого первый слог от слова *constructed* (конструированный) и первый слог от слова *language* (язык). Так возникло ставшее сегодня самостоятельным термином сокращение *conlang* (конланг). Несмотря на то, что в то время существовало довольно много конкурировавших между собой терминов, которыми было принято обозначать конструированные языки (плановый язык, язык-модель, искусственный язык, созданный язык, идеальный язык), в конечном итоге предпочтение было отдано именно термину «конланг», который сегодня считается общепринятым и даже зафиксирован в Оксфордском словаре английского языка³. Д. Питерсон также отмечает продуктивность словообразовательной модели, лежащей в основе данного термина. На сегодняшний день существуют и активно употребляются термины «loglang», «engelang», «auxlang», «altlang», «lostlang», «jokelang» и др. [Peterson, 2015; Питерсон, 2018].

Развернутую дефиницию термина «конланг» Питерсон предлагает в уже упомянутой выше работе. По его научному убеждению, конлангом следует обозначать «любой язык, основной массив языковых средств которого был сознательно создан одним или более лицами, если либо по задумке, либо по результату процесса творчества это

¹ Дэвид Джошуа Питерсон – профессиональный лингвист, сооснователь Общества создания языков (Language Creation Society), разработавший языки для многих популярных вселенных. Он является автором дотракийского и валирийского языков для сериала студии HBO «Игра престолов», языков для сериалов «Вызов» (Defiance) и «Доминион» (Dominion) студии Syfy, «Под несчастливой звездой» (Star-Crossed) и «Сотня» (The 100) студии CW, а также фильма «Тор 2: Царство тьмы» (Thor 2: The Dark World).

² См.: <https://listserv.brown.edu/archives/conlang.html>

³ См.: <https://public.oed.com/blog/june-2014-update-new-words-notes/>

полностью функциональная (в действительности или потенциально) лингвистическая система. Сюда входят эсперанто, квенья, дотракийский, ложбан и Lingua ignota, но не входят современные проекты по оживлению мертвых языков, таких, как современный гавайский, современный корнуоллский или современный иврит – а также не включены креольские языки наподобие ток-писина, бисламы или сармаккана» [Питерсон, 2018, с. 28]. При этом Питерсон призывает разграничивать конланги и другие продукты языкотворчества, такие как псевдоязыки, коды, шифры и языковые игры. Главной отличительной чертой конлангов, по его мнению, является то, что они представляют собой детально проработанные языковые системы.

КЛАССИФИКАЦИЯ КОНЛАНГОВ Д. ПИТЕРСОНА

В 2015 году Д. Питерсон опубликовал на своем YouTube-канале первый эпизод подкаста «Искусство создания языков» под названием «Типы конлангов»¹. В зависимости от цели создания он предлагает выделять следующие типы конлангов (которые необходимо дополнительно проиллюстрировать примерами современных проектов):

- персональные языки (*personal languages*): к данной группе следует относить языки, созданные для личного пользования их создателя. В качестве примера можно привести язык Vorlin Рика Харрисона;
- тайные языки, или стелсланги (*secret languages, stealth languages or stealthlangs*): эти языки представляют собой определенный шифр и позволяют засекретить некую информацию, не предназначенную для посторонних, например, язык Awolang Даниэля Карраско;
- вспомогательные языки, или ауксланги (*auxiliary languages or auxlangs*): в данную группу входят языки, предназначенные для международного общения, например, эсперанто, новиаль;
- вымышленные языки (*fictional languages*): к данной группе следует относить языки рас и народов, населяющих фантастические миры – квенья, синдарин, клингонский, вердурианский;
- художественные языки, или артланги (*artistic languages or artlangs*): языки, созданные для эстетических или иных художественных целей. Пример: язык Okuna Мэтта Пирсона²;

¹ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=Mxmc8zo5Jns&t=6s>

² См.: <http://pearson.conlang.org/>

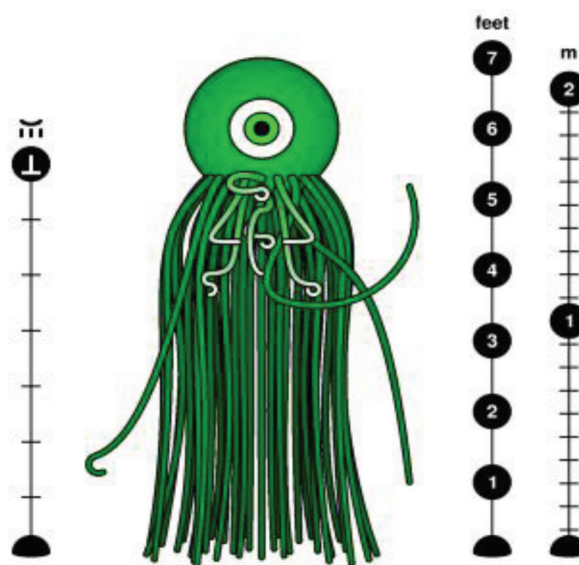

Рис. 1. Рикчик

- энджланги (*engineered languages or engelang*s): к данной группе автор предлагает относить языки, создаваемые с целью проверки лингвистической идеи, которая может не проявляться в естественных языках. Примерами могут служить язык ро и ифкуиль.

Питерсон отмечает, что внутри вышеупомянутых групп существуют свои подгруппы, которые, в свою очередь, также могут подразделяться на более мелкие ответвления. Так, например, разработанный лингвистом Уильямом Спруэллом язык Yešqūr³ можно отнести к группе пародийных языков (*parody languages or jokelang*s), поскольку он представляет собой в высшей степени бюрократизированный язык, направленный на бессмысленное усложнение деловой коммуникации, благодаря которому любое деловое взаимодействие становится невозможным. Питерсон справедливо обращает в этой связи внимание на то, что при создании собственного языка конлангеру стоит задать себе вопрос, в какой форме будет преимущественно использоваться данный язык. Например, при создании языка для устной коммуникации (*spoken language or oral language*) следует в первую очередь задуматься о его фонетических параметрах. Помимо таких языков, Питерсон предлагает выделять языки жестовые (*sign languages or manual languages*) и графические (*graphic languages*), т. е. существующие только в письменной форме.

В качестве примера он приводит язык рикчик, разработанный конлангером Денисом Московицем⁴ и заслуживающий более подробного

³ См.: <http://conlang.org/cms/wp-content/uploads/wspruiell.pdf>

⁴ См.: <https://dedalvs.com/smileys/2012.html>

Рис. 2. Пример записи слова на рикчике

рассмотрения. Носителями данного языка являются пришельцы рикчики – одноглазые существа, обладающие гигантской шарообразной головой, на которой нет рта и ушей, и сорока девятью щупальцами, семь из которых короче остальных и используются в качестве «рук» при жестикуляции (см. рис. 1).

Принимая во внимание тот факт, что семь щупалец, которыми рикчики жестикулируют, не отличаются друг от друга по размеру, Московиц сконструировал язык, в котором слова не являются жестовыми эквивалентами фонем. Слова в этом языке формируются скорее на основании фиксированного набора форм. Любое слово в рикчике состоит из четырех элементов:

- 1) четыре из семи щупалец применяются для демонстрации конкретной семантической категории. Данные щупальца находятся в центре жестового пространства;
- 2) одно щупальце в нижнем левом углу принимает форму, которая соответствует классу слова. В сочетании с семантической формой происходит формирование лексемы (слова);
- 3) наверху жестового пространства одно щупальце сообщает собеседнику, каким членом предложения является изображаемое слово;
- 4) последнее щупальце в правом нижнем углу указывает на то, сколько предыдущих жестов оно включает (т. е. сколько предыдущих знаков относится к текущему жесту).

Для того чтобы придать своему экзолангу (инопланетному языку. – А. К.) выразительный потенциал, Денису Московицу пришлось разработать не только полноценную систему жестов, но и собственную систему транскрипции. Запись слова на рикчике выглядит следующим образом (см. рис. 2):

Четыре линии в центре рисунка символизируют четыре «словесных» щупальца, демонстрирующих, что данное слово имеет какое-то отношение к кристаллам. Небольшая окружность в правом нижнем углу показывает, что это слово не является собирательным (т. е. является самостоятельным словом), а извилистая линия сверху сообщает, что это качественное слово (т. е. оно определяет качество того слова, к которому относится). Последний символ, расположенный в нижней левой части знака и напоминающий внешне фигуру из тетриса,

указывает, что это слово выполняет в предложении функцию определения. В целом же это слово примерно означает «кристаллоподобный», однако его истинное значение – «сладкий», так как кристаллы являются одним из любимых лакомств рикчиков.

Фонология рикчикского языка определяется теми формами, которые могут принимать эти семь щупалец. Естественными ограничителями здесь выступают не дыхание или гибкость языка, а эластичность щупалец (насколько они могут изогнуться и какие формы они могут принимать) [Peterson, 2015; Питерсон, 2018].

Если создатель искусственного языка планирует разработать наречие для инопланетной расы, то ему следует, с точки зрения Питерсона, учесть подобный опыт разработки вымышленных языков.

СОПОСТАВЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ Д. ПИТЕРСОНА С ТИПОЛОГИЯМИ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ

С целью наилучшим образом выявить ценность и новизну классификации Д. Питерсона, следует сопоставить ее с типологиями современных отечественных лингвистов О. Н. Шуваловой и М. Ю. Сидоровой и А. Ч. Пиперски.

В своей работе «Интернет-лингвистика: вымышленные языки» О. Н. Шувалова и М. Ю. Сидорова предлагают следующую классификацию искусственных языков [Шувалова, Сидорова, 2006]:

1. Auxlangs. Вспомогательные языки

К этой группе следует относить языки, которые, по замыслу их создателей, предназначены функционировать в качестве международных искусственных языков. Примерами таких языков являются эсперанто, идо, ложбан¹ и др.

2. Вымышленные языки (ВЯ) в широком смысле

2.1. Artlangs

Это фантастические языки, которые были разработаны авторами литературных и кинематографических

¹ Отнесение языка ложбан к группе вспомогательных языков представляется дискуссионным. Так, в работе А. Ч. Пиперски данный язык входит в группу философских, или логических, языков [Пиперски, 2017].

произведений, а также компьютерных игр. В этой группе выделяются:

2.1.1. Языки, вышедшие за пределы фантастических миров, созданных авторами, и обретшие жизнь в реальном и виртуальном мире

В качестве примера О. Н. Шувалова и М. Ю. Сидорова приводят языки Дж. Р. Р. Толкина, клингонский язык из сериала «Звездный путь», а также язык D'ni из мира компьютерной игры «Myst»;

2.1.2. Языки, «функционирующие» или просто упоминающиеся только в пределах соответствующего художественного произведения

К ним вполне можно отнести язык Arêndron Майкла Рептона.

2.2. Personal languages

Это личные, или персональные, языки, т. е. вымышленные языки, проектируемые отдельными энтузиастами лингвоконструирования или группами авторов «для собственного удовольствия» [Шувалова, Сидорова, 2006, с. 11]. Их исследователи предлагают также обозначать «авторскими языками». Основной средой существования подобных конлангов является Интернет. Их описание зачастую сопровождается информацией о связанных с ними мирах, культурах, народах, полностью разработанных самим создателем языка или заимствованных из мифологии, художественной литературы, кинематографа или компьютерных игр. Ярким примером подобного проекта можно считать язык mna Vanantha Пола Берджесса.

Более традиционный способ классификации искусственных языков предлагается в работе А. Ч. Пиперски «Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского» [Пиперски, 2017]. В своей работе он выделяет:

- языки философские, или логические (энджланги): данная категория выделяется в тесной связи с гипотезой лингвистической относительности, которая гласит, что «язык влияет на мышление людей, говорящих на нем» [Пиперски, 2017, с. 16].¹

Разработчики подобных языков (например, логлана или ложбана) ставят своей целью совершенствование человеческого мышления посредством использования стройного и логичного языка.

- международные вспомогательные языки (ауксланги): в данную группу входят языки, которые призваны обеспечивать взаимопонимание между людьми (идо, словио и т. п.).

- художественные языки, или артланги: искусственные языки, которые разрабатываются для креативных проектов (квенья, синдарины, клингонский).

Как можно заметить, при сопоставлении этих классификаций обнаруживаются некоторые сходства: например, все исследователи выделяют в отдельную группу вспомогательные языки, используемые для международной коммуникации. Кроме того, во всех трех классификациях присутствует категория художественных языков. Следует упомянуть, что во всех классификациях для данных групп используется одно и то же наименование, что подтверждает устоявшийся характер данной терминологии.

Однако анализируемые классификации наделены и рядом существенных различий. Например, классификация Шуваловой и Сидоровой более детально рассматривает категорию вымышленных языков и практически не затрагивает остальные типы конлангов. Такой подход к искусственным языкам объясняется выбором объекта исследования. В совокупности его формируют проекты вымышленных языков в Интернете, что авторы оговаривают в самом начале своей работы. С их точки зрения, вспомогательные языки принципиально отличаются от предмета проводимого ими исследования и потому не рассматриваются в рамках него [Шувалова, Сидорова, 2006].

Следующее различие вымышленных языков заключается в степени детализации той или иной классификации. Наиболее детализированной классификацией, по всей видимости, является типология Д. Питерсона, поскольку она содержит категории, явно не представленные в двух других классификациях. Так, Питерсон предлагает выделять группу тайных языков, или стелслангов, которые используются для шифрования информации. В 2020 году он даже опубликовал руководство по созданию секретных языков, предназначенное для детей школьного возраста [Peterson, 2020]. Данную классификацию также выгодно отличает от других классификаций упоминание в ней конструированных языков, создаваемых на основе жестов

¹ Следует отметить, что в данном случае речь идет о «более сильном варианте» данной гипотезы, который в американской традиции носит название гипотезы лингвистической обусловленности и

противопоставляется гипотезе лингвистической относительности, утверждающей, что разница в языках вызывает различие в мышлении говорящих на этих языках.

или графических символов. Несмотря на имеющиеся достоинства, рассматриваемая классификация обладает и некоторыми недостатками. Например, она уступает по уровню систематизации материала типологиям российских лингвистов, что отчасти объясняется способом ее представления: Питерсон знакомит слушателей со своей классификацией устно в формате подкаста. Сама классификация складывается из рекомендаций, которые лингвист дает начинающим конлагерам. Так, например, может сложиться ошибочное впечатление, что Питерсон распределяет по отдельным группам персональные языки и вымышленные языки, хотя в действительности, как отмечает на своем веб-сайте конлангер Йорг Римаейер, они входят в более крупную категорию артлангов¹.

¹ См.: <http://www.joerg-rhimeier.de/Conlang/classification.html>

Полученные выводы можно представить в виде следующей таблицы (см. табл. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо отметить, что составление своеобразной таксономии конлангов и ее постоянное пополнение могут внести существенный вклад в развитие интерлингвистики и трансформировать ее отдельные положения. Рассмотренные выше классификации представляют собой лишь наиболее яркие примеры поисков в той области интерлингвистики, которая не только представляет значительный интерес для специалистов, но и выходит далеко за рамки академической науки, приобретая информационную и эстетическую ценность для всего интерлингвистического сообщества.

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ

	Используемые категории		Охват классификации	Степень систематизации материала
	Общие	Различные		
Классификация Д. Питерсона	auxiliary languages (auxlangs), artistic languages (artlangs)	personal languages, secret languages (stealth languages, stealthlang), fictional languages, engineered languages (engelangs), parody languages (jokelangs), sign languages (manual languages), graphic languages	Классификация охватывает разные сферы лингвопроектирования	Низкая
Классификация О. Н. Шуваловой и М. Ю. Сидоровой	auxlangs (вспомогательные языки), artlangs	вымышленные языки (ВЯ) в широком смысле, языки, вышедшие за пределы фантастических миров, созданных авторами, и обретшие жизнь в реальном и виртуальном мире, языки „функционирующие“ или просто упоминающиеся только в пределах конкретного художественного произведения personal languages (персональные, личные, авторские языки)	Основной упор делается на ВЯ	Высокая
Классификация А. Ч. Пиперски	международные вспомогательные языки (ауксланги), художественные языки (артланги)	философские или логические языки (энджланги)	Классификация охватывает разные сферы лингвопроектирования	Высокая

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Сомин А. А. [и др.]. Сто языков. Вселенная слов и смыслов. М.: АСТ, 2018.
2. Шувалова О. Н. Вымышленные языки в Интернете: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
3. Кузнецов С. Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков // Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков: коллективная монография. М.: Наука, 1976. С. 60–79.
4. Blanke D. Internationale Plansprachen. Eine Einführung. Berlin: Akademie-Verlag, 1985.
5. Jespersen O. An international language. London: George Allen & Unwin, 1928.
6. Кузнецов С. Н. И. А. Бодуэн де Куртенэ об искусственном языке (1905) // Современная наука. 2015. Вып. 4. С. 92–95.
7. Питерсон Д. Дж. Искусство создания языков: от вымершего языка высших классов до наречия кровожадных воинов-кочевников ; [пер. с англ. Н. Ю. Жуковой]. М.: АСТ, 2018.
8. Peterson D. J. The art of language invention: from Horse-Lords to Dark Elves, the words behind world-building. New York: Penguin Books, 2015.
9. Шувалова О. Н., Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: «1989.ру», 2006.
10. Пиперски А. Ч. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
11. Peterson D. J. Create Your Own Secret Language: Invent Codes, Ciphers, Hidden Messages, and More. New York: Odd Dot, 2020.

REFERENCES

1. Krongauz, M. A, Piperski, A. Ch., Somin, A. A. [et al.] (2018). Sto yazykov. Vselennaya slov y smyslov = One hundred languages. The universe of words and meanings. Moscow: AST. (In Russ.)
2. Shuvalova, O. N. (2006). Vymyshlennyye yazyki v Internetе = Constructed languages on the Internet: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Kuznetsov, S. N. (1976). K voprosu o tipologicheskoy klassifikatsii mezhdunarodnykh iskusstvennykh yazykov = On the typological classification of international auxiliary languages. Problemy interlingvistiki. Tipologiya i evolyutsiya mezhdunarodnykh iskusstvennykh yazykov (pp. 60–79): joint monograph. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Blanke, D. (1985). Internationale Plansprachen. Eine Einführung. Berlin: Akademie-Verlag.
5. Jespersen, O. (1928). An international language. London: George Allen & Unwin.
6. Kuznetsov, S. N. (2015). J. Baudouin de Courtenay on artificial language (1905). Sovremennaya nauka, 4, 92–95. (In Russ.)
7. Peterson, D. J. (2018). Isskusstvo sozdaniya yazykov: ot vymershego yazyka vysshikh klassov do narechiya krovozhadnykh voynov-kochevnikov = The art of language invention: from the extinct language of upper classes to the speech of bloodthirsty nomadic horse warriors, transl. by N. Yu. Zhukova. Moscow: AST. (In Russ.)
8. Peterson, D. J. (2015). The art of language invention: from Horse-Lords to Dark Elves, the words behind world-building. New York: Penguin Books.
9. Shuvalova, O. N., Sidorova M. Yu. (2006). Internet-lingvistika: vymyshlennyye yazyki = Internet linguistics: constructed languages. Moscow: "1989.ru".
10. Piperski, A. Ch. (2017). Konstruirovaniye yazykov: Ot esperanto do dotrakiyskogo = Construction of languages: From Esperanto to Dothraki. Moscow: Alpina non-fiction.
11. Peterson, D. J. (2020). Create your own secret language: Invent codes, ciphers, hidden messages, and more. New York: Odd Dot.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костюхин Алексей Александрович

преподаватель кафедры немецкого языка и перевода, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostyuhin Alexey Alexandrovich

Lecturer at the Department of German and Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University,
Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрана после рецензирования
принята к публикации

22.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Историческое переводоведение как научная дисциплина

Г. Т. Хухуни¹, И. И. Валуйцева²

^{1,2}Государственный университет просвещения, г. Мытищи Московской области, Россия

¹khukhuni@mail.ru

²irinaiv-v@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты истории перевода и переводческой мысли, ее периодизации и преподавание перевода в высших учебных заведениях. Отмечается, что даже в лингвистически ориентированных исследованиях фактический материал в данной области опирается, в первую очередь, на письменные переводы художественной литературы. Анализируются понятия лингвистического переводоведения и обосновывается нецелесообразность отказа от категории эквивалентности.

Ключевые слова: переводоведение, история, дисциплина, адекватность, эквивалентность, объективность

Для цитирования: Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Историческое переводоведение как научная дисциплина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 35–41. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_35

Original article

History of Translatology: Scientific Subject

Georgy T. Khukhuni¹, Irina I. Valuytseva²

^{1,2}State University of Education, Mytishchi, Moscow Region, Russia

¹khukhuni@mail.ru

²irinaiv-v@yandex.ru

Abstract. The article discusses various aspects related to the study of the history of translation and translation studies, its periodization and teaching in higher educational institutions. It is noted that even in linguistically oriented studies, the factual material in this area is based primarily on written translations of fiction. Some concepts used in linguistic translation studies are analyzed, and the inexpediency of rejection of the equivalence category is justified.

Keywords: translatology, history, discipline, adequacy, equivalence, objectivity

For citation: Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2023). History of translatology: Scientific subject. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 35–41. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_35

ВВЕДЕНИЕ

Синхронное состояние любой науки определяется теми процессами, которые происходили в диакронии. Тезис о том, что без знания прошлого нельзя ни понять настоящего, ни двигаться в будущее, проявляется в данной области человеческой деятельности весьма наглядным образом. На тесную связь истории и теории науки друг с другом обращали внимание многие ученые, работавшие в самых различных сферах – от медицины до философии. При этом особо акцентировалось внимание на значимости обращения к прошлому для решения задач, которые ставит современность. В. И. Вернадский писал: «Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. <...> Именно поэтому история науки не может являться безразличной для всякого исследователя. <...> Только этим путем возможна правильная и полная оценка того, что добывается современной наукой, что выставляется ею как важное, истинное или нужное» [Вернадский, 1981, с. 218]. Это верно и по отношению к тем концепциям, которые намеренно противопоставляют себя, порой нарочито резко, предшествующим положениям и принципам, поскольку для того, чтобы осуществить «отталкивание», необходимо иметь для него опору, от которой оно и будет происходить.

Не для всех ученых «погружение в историю» представлялось необходимым в равной степени. Н. С. Трубецкой в одном из своих писем даже утверждал: «...Я, признаться, не люблю 'историю науки'» [Трубецкой, 2004, с. 229]. Однако в его наиболее известном труде – «Основах фонологии» – отведено место не только Ф. де Соссюру и И. А. Бодуэну де Куртенэ, но и И. Винтеллеру, Г. Суиту, О. Есперсену и другим ученым.

ВОПРОС О САМОСТОЯТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Вопрос о том, является ли переводоведение / теория перевода (пока мы не останавливаемся на вопросе о дифференциации названных понятий) самостоятельной дисциплиной, имеющей собственный объект и предмет исследования, а следовательно, и собственную историю науки, в настоящее время каких-либо серьезных разногласий не вызывает. Среди видных отечественных ученых более или менее однозначно против такого статуса высказался в 50-х годах XX века только А. А. Реформатский. В статье 1952 года он писал: «...естественно возникает вопрос относительно науки о переводе. Есть ли такая наука и может ли

она быть? Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода. Действительно, то, что нужно для специального научного перевода, не затрагивает того, что вызывает затруднения в стихотворном переводе; вопросы, связанные с филологическими переводами классиков, совершенно не нужны в разговорниках-минимумах и т. д. Общего знаменателя у этих разнodelимых величин нет» [Реформатский, 1952, с. 12]. Процитированная декларация вызвала весьма резкие возражения со стороны отечественных специалистов, работавших в данной области, а своеобразным ответом на нее стало первое издание учебника А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» [Федоров, 1953], впоследствии переиздававшегося в переработанном виде под видоизмененным заглавием (последнее прижизненное издание вышло в 1983 г. [Федоров, 1983]). «Эта работа была одним из немногих исследований отечественных переводоведов, получивших отклик на Западе. Знаменательно, что в монографии Дж. Стайнера, опубликованной в середине 70-х годов XX века [Steiner, 1975] и недавно изданной в русском переводе, ее появление названо «одним из характерных событий» [Стайнер, 2020, с. 310] в разработке проблем перевода в послевоенные годы.

Возвращаясь к словам А. А. Реформатского, заметим, что его позиция выглядит уязвимо: из того факта, что фонетика и фразеология тоже весьма сильно различаются и пользуются различными методами исследования, вряд ли следует, что их нельзя рассматривать как разные отрасли одной науки. Однако некоторая объективная основа у рассуждений ученого – при всей их спорности – все же имелась. Когда вышла в свет данная статья, разворачивался спор о «ведомственной принадлежности» теории перевода к языкознанию или литературоведению, длившийся несколько десятилетий. В означенной дискуссии на той или другой стороне приняло участие большинство ведущих отечественных специалистов, работавших в сфере перевода или соприкасавшихся с ней: А. В. Федоров, И. А. Кашкин, Б. А. Ларин, Л. С. Бархударов, П. М. Топер и другие. Речь шла об области, занимающейся художественными произведениями, поскольку относить к литературоведению передачу технических или естественно-научных текстов не приходилось. Скептицизм по отношению к дисциплине, представители которой не могли договориться между собой, к какой сфере ее следует отнести, можно отчасти объяснить и этим «внутренним конфликтом».

В качестве отдельной специальности теория перевода не фигурирует ни в ныне действующей, ни в предыдущей номенклатуре научных специальностей; однако в паспорте специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» есть раздел «Лингвистическое переводоведение».

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В указанном выше разделе нашлось место и вопросу «История перевода и переводческой мысли». Однако А. В. Федоров, признаваемый основоположником лингвистической теории перевода, уточнял, что «интересы теории перевода самым тесным образом переплетаются с интересами литературоведения» [Федоров, 1983, с. 19].

Данный аспект подводит нас к вопросу, крайне важному как с собственно теоретической, так и с учебно-методической точки зрения. Речь идет о периодизации развития перевода и переводческой мысли.

С момента выход книги Т. Куна [Kuhn, 1962, Кун, 2009], предложенное в ней понятие «научной парадигмы» стало широко внедряться в различные области научного знания, включая и такие, которые сам автор не затрагивал (так обстоит дело, например, с лингвистикой). К их числу относится и переводоведение. Скажем, монография Э. Пима, в оригинале носящая название «Exploring Translation Theories» [Pym, 2010], вышла в русском переводе под заглавием «Теоретические парадигмы в переводоведении» [Пим, 2018], т. е. «парадигматический» подход по сравнению с исходным текстом был подчеркнuto выделен.

Отметим, что применение понятия парадигмы к интересующей нас области не всегда имеет однозначное решение, особенно, когда речь идет о теории и практике художественного перевода: к какой, например, парадигме отнести представителей лингвистического и литературоведческого течений в отечественном переводоведении? Или придется допустить, что в одну и ту же эпоху сосуществует и накладываются друг на друга несколько парадигм? Такое допущение вполне возможно и в сфере гуманитарного знания в целом (о чем, например, см.: [Серио, 1993]), однако четкость и логичность периодизации от этого вряд ли выиграют, что не представляется желательным, особенно в учебно-методическом плане.

Среди появившихся в последнее время трудов, в которых рассматривается проблема периодизации теории и практики перевода, особого упоминания – в первую очередь, с точки зрения

скрупулезности и широты рассмотрения проблемы – заслуживает монография Н. К. Гарбовского и О. И. Костиковой, где дан весьма глубокий критический анализ ряда концепций. Затрагивается в ней и та периодизация развития перевода и переводческой мысли, которая была предложена в 90-х годах одним из авторов настоящей статьи совместно с Д. З. Гоциридзе [Гоциридзе, Хухуни, 1994] и которая носит, в основном, историко-литературный характер. Можно признать справедливость данной ей оценки: «Подобный подход вполне правомерен с одной лишь оговоркой: если рассматривать историю только письменного перевода» [Гарбовский, Костикова, 2021, с. 39], – тогда как, по замечанию упомянутых выше авторов, переводческая мысль не ограничивалась исключительно сферой литературного перевода. Соглашаемся и с тем, что она ориентируется, в первую очередь, на европейскую традицию, тогда как в других регионах периодизация может быть иной. Однако позволим себе обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, более-менее объективно о развитии теоретических суждений о переводе и его практики вплоть до XX века приходится судить, главным образом, именно по письменным памятникам, так как прямых свидетельств устного перевода до этого времени дойти не могло. Так что здесь можно вспомнить известное изречение: *Verba volunt, scripta manent*.

Во-вторых, составить такую периодизацию, которая охватывала бы «всеобщую историю переводческой деятельности» и при этом носила бы конкретный характер, авторам представлялось несколько затруднительным, поэтому они и ограничились регионами, входившими в область их научных интересов.

В-третьих, подавляющее большинство теоретических рассуждений о переводе – опять-таки до XX века – строилось именно на материале передачи художественных (в широком смысле слова) и религиозных текстов (в первую очередь, библейских), поскольку речь идет о христианском ареале, естественно, не тождественном европейскому, но практически полностью его покрывающем. На это обстоятельство обратил внимание, при всей «лингвистичности» своей концепции, и А. В. Федоров: «История перевода (по крайней мере, в Новое время, т. е. начиная с XVI–XVII веков) изучалась преимущественно, если и не исключительно, как история перевода художественной литературы. И это следует признать закономерным, если принять во внимание его огромную роль в истории литературы и культуры и особую сложность этого вида перевода, трудность его задач и наиболее принципиальный характер вопросов, вызываемых

им. Вот почему и в этой главе переводу художественной литературы уделяется основное место» [Федоров, 1983, с. 24].

Добавим еще одно соображение. А. В. Федоров и Г. Р. Гачечиладзе олицетворяли два противостоявших друг другу течения – лингвистическое и литературоведческое, теоретическая часть созданного вторым автором учебника [Гачечиладзе, 1970] существенно отличалась от книги его коллеги; однако исторический обзор в ней построен по тем же принципам, что и у А. В. Федорова, на первые издания труда которого грузинский исследователь имел возможность опираться. В учебник Г. Р. Гачечиладзе добавлен только очерк, касающийся грузинского перевода, но он также принадлежит к православно-христианской ойкумене. Таким образом, упомянутая выше периодизация, предложенная в работе Г. Т. Хухуни и Д. З. Гоциридзе [Гоциридзе, Хухуни, 1994], находит в той или иной форме отражение и во многих последующих научно-педагогических трудах, ориентированных на западноевропейский и российский материал, среди которых упомянем учебные пособия И. С. Алексеевой «Введение в переводоведение» [Алексеева, 2004] и З. Г. Прошиной «Теория перевода» [Прошина, 2019]. Дж. Стайнер в своей работе [Steiner, 1975] при классификации истории перевода вместил в один период восемнадцать столетий от Цицерона до Гельдерлина, что вызвало упреки в игнорировании существовавших между теми или иными включенными в него эпохами различий. В связи с этим, как указывают Н. К. Гарбовский и О. И. Костикова, ее было предложено дополнить выделением таких этапов, как Античность, Средневековье, Возрождение, Классицизм, Просвещение [Гарбовский, Костикова, 2021, с. 42], опять-таки базирующихся, по существу, на историко-культурном и историко-литературном подходе.

Возвращаясь к трудам И. С. Алексеевой и З. Г. Прошиной, отметим, что, поскольку в их заглавиях стоят два разных обозначения нашей дисциплины – «переводоведение» и «теория перевода», представляется целесообразным вернуться к терминологическому разграничению между ними. Во многих случаях, когда говорят о «теории перевода» в широком смысле слова, эти два названия употребляются практически синонимично. Поскольку принято считать, что в терминосистемах наличие синонимов не рассматривается как желательное явление, ряд исследователей соотносит их как родовое и видовое понятия. Это означает, что в «переводоведение» включаются, помимо общетеоретических аспектов, частные теории перевода, а также его история, методика и критика. Таким употреблением объясняется и вынесенное

в заглавие данной статьи словосочетание «историческое переводоведение», подразумевающее возможность изучения в историческом плане каждого из указанных аспектов переводческой деятельности, хотя основное внимание уделяется, как правило, развитию переводческой мысли в те или иные эпохи, особенно, когда имеется в виду учебно-педагогическая работа.

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Поскольку любая научная дисциплина оперирует определенным категориально-понятийным аппаратом, при исследовании исторических аспектов перевода целесообразно уделить время рассмотрению того, как проходило его становление и развитие. В первую очередь, речь идет о терминах, отражающих отношение перевода к оригиналу, причем основной упор целесообразно сделать на разработку терминосистемы науки о переводе в XX–XXI веках.

Во многих концепциях, распространенных в наши дни, проблема соотношения оригинала и перевода рассматривается как несуществующая или, по крайней мере, второстепенная – под лозунгом целесообразности «свержения исходного текста» [Прунч, 2015, с. 164]; вследствие этого ее освещение в историческом ракурсе приобретает особое значение. К названной проблеме в той или иной форме обращались и раньше: можно вспомнить споры о воссоздании «духа» и «буквы» подлинника, противопоставление «вольной» и «точной» передачи, разграничение различных способов перевода (не совпадающих друг с другом) у Новалиса и Гёте, рассуждения Гумбольдта и Шлейермахера, мысли Белинского о «художественном» и «поэтическом» переводе и многие другие высказывания на данную тему, которая остается неисчерпаемой. Однако именно начиная с XX века можно констатировать становление собственно терминосистемы переводоведения с такими ее элементами, как адекватность и эквивалентность с различными детерминантами последней (динамическая, функциональная, формальная, уровневая), полноценность, скопос и др. Соотношения между этими понятиями далеко не во всем оказывались проясненными, иногда наблюдалась прямая конкуренция между различными переводческими «инструментами». Но в целом отрицать значение поисков в данной области не приходится, одна из задач исторического переводоведения как раз в том и состоит, чтобы всесторонне рассмотреть происходившие в интересующей нас области процессы и по возможности объективно оценить их результаты.

Такая работа сопряжена со значительными сложностями как объективного, так и субъективного порядка.

Особенно заметна субъективность в тех случаях, когда речь идет о явлениях, с одной стороны, относящихся к сравнительно недавнему прошлому, а с другой – требующих пересмотра по мнению того или иного автора. Означенная тенденция наблюдается, в частности, в работах представителей скопос-теории и их продолжателей при рассмотрении таких ключевых для лингвистических концепций перевода понятий, как эквивалентность и адекватность и трактовке соотношения между ними.

Создатели скопос-теории К. Райс и Х. Фермеер не считали необходимым категорический отказ от какой-либо из них. Речь шла – в соответствии с основополагающими принципами этой теории – об установлении того, что можно назвать «относительной иерархией» данного соотношения, в соответствии с которой «...критерий эквивалентности смещается на второстепенную позицию не только со своей главенствующей позиции в иерархии факторов, обуславливающих принятие решения, но и как критерий оценки перевода. <...> эквивалентность превращается в специфическую разновидность адекватности» [Прунч, 2015, с. 68–169]. Заметим, что слова о «критерии оценки перевода» нуждаются в некотором уточнении. Например, В. Н. Комиссаров считал, что «оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина ‘адекватность’» [Комиссаров, 2000, с. 118], что и обусловило неприятие им тезиса Ю. Найдю о необходимости создания в переводе «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу [Комиссаров, 2000, с. 118]. У одной из наиболее видных продолжательниц идей К. Райс и Х. Фермеера К. Норд, которая перевела их основополагающий труд [Reiß, Vermeer, 1984] на английский язык, находим следующее решение рассматриваемого вопроса: “Equivalence may be one possible aim when translating but it is not considered to be a translation principle valid for once and for all <...> If the translation brief requires some other relationship between source and target text the generic concept will be adequacy” [Nord, 2013, с. 204].

Таким образом, категория эквивалентности принципиально не только не отрицается, но и в определенных случаях может рассматриваться как одна из возможных целей перевода. Однако в трудах В. В. Сдобникова, видного представителя соотносящегося со скопос-теорией «коммуникативно-функционального подхода», находим гораздо более решительную формулировку: «Следует признать, что само использование понятия

эквивалентности является бессмысленным; оно перестало быть инструментальным в попытках объяснить сущность переводческого процесса» [Сдобников, 2022, с. 72–73]. Заодно отвергаются и прочие члены лингвистической терминосистемы перевода: «Переосмысление перевода влечет за собой переосмысление практически всех ... переводоведческих категорий» [Сдобников, 2022, с. 73].

Поскольку авторы данной статьи не ставят перед собой полемических целей, ограничимся только несколькими замечаниями, существенными для темы нашей работы. Во-первых, как показывает история любой науки, принцип «разрушим до основания, а затем...» – очень часто приводил к не слишком хорошим результатам (достаточно в этой связи вспомнить хотя бы «новое учение о языке» с его «отвержением» компаративистики). Во-вторых, любой процесс в конечном итоге важен не столько сам по себе, сколько по полученному в ходе его осуществления результату, то есть опять-таки тексту на переводном языке. А при его анализе понятие эквивалентности вряд ли следует полностью отвергать, поскольку стремление элиминировать лингвистический параметр из теории, которая всё же, по ныне действующей номенклатуре, относится к области языкознания, выглядит не совсем логично. Наконец, в-третьих, при историческом подходе к изучению переводческой мысли (как и любой другой области знания) вряд ли целесообразно рассматривать ее с позиций какой-либо одной концепции или модели, даже если она представляется автору единственно правильной, поскольку в этом случае предшественников неизбежно будут оценивать с позиции того, насколько их взгляды близки / далеки от научного мировоззрения историка. Нельзя не согласиться со словами Н. К. Гарбовского и О. И. Костиковой: «В истории перевода, как и в истории вообще, вопрос объективности остается открытым...» [Гарбовский, Костикова, 2021, с. 32]. Однако это не снимает необходимости стремления к ней, так как в противном случае возникает опасность одностороннего толкования фактов и явлений прошлого, что уже не раз наблюдалось и в области науки о переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени вопрос о статусе переводоведения как отдельной дисциплины каких-либо серьезных сомнений не вызывает, хотя многие ее положения остаются дискуссионными. Среди них выделяется вопрос относительно периодизации развития перевода и переводческой мысли, по-разному освещаемый в существующих работах. Авторы настоящей статьи считают целесообразным

принять за основу традиционную историко-литературную периодизацию, признавая, вместе с тем, что она не может претендовать на универсальный статус, учитывая ее ограниченный характер. Одной из кардинально важных проблем, носящих для теории перевода фундаментальный характер, является

используемый в ней терминологический аппарат, в котором выделяются понятия эквивалентности и адекватности перевода. По нашему мнению, обе эти категории сохраняют свою значимость, в связи с чем отказ от понятия эквивалентности, присущий некоторым трудам, авторами не разделяется.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вернадский В. И. Избранные работы по истории науки. М.: Наука, 1981.
2. Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6. С. 12–22.
4. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983.
6. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. London– Oxford– New York: Oxford, 1975.
7. Стайнер Дж. После Вавилонского смещения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020.
8. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
10. Рум А. Exploring Translation Theories. London: Routledge., 2010.
11. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.
12. Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка в границах и вне границ. Харьков: ОКО, 1993. [Т.] 1. С. 37–52.
13. Гоциридзе Д. З., Хухуни Г. Т. Возрождение и Реформация в истории перевода и переводческой мысли. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1994.
14. Гарбовский Н. К., Костикова О. И. История перевода: практика, технология, теория. Очерки по истории перевода. М.: Издательство Московского университета, 2021.
15. Гачечиладзе Г. Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета, 1970.
16. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
17. Прошина З. Г. Теория перевода (текст на англ. яз.). М.: Юрайт, 2019.
18. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.
19. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000.
20. Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. (Linguistische Arbeiten 147). Tübingen: Niemeyer, 1984.
21. Nord Ch. Functionalism in Translation Studies // The Routledge Handbook of Translation studies. London: Routledge, 2013. P. 201–212.
22. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». М.: Военный университет Минобороны России, 2022. Вып. №7. Т. 1. С. 60–75.

REFERENCES

1. Vernadskii, V. I. (1981). Izbrannye raboty po istorii nauki = Selected Writings on History of Science. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Pis'ma i zametki N. S. Trubetskogo. (2004). = Trubetskoy's Letters and Notes. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
3. Reformatskii, A. A. (1952). Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation. Inostrannye yazyki v shkole, 6, 12–22. (In Russ.)
4. Fedorov, A. V. (1953). Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction in Translation Theory. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, (In Russ.)
5. Fedorov, A. V. (1983). Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Foundation of General translation Theory (Linguistic Problems). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
6. Steiner, G. (1975). After Babel. Aspects of language and translation. London– Oxford–New York: Oxford.
7. Stainer, Dzh. (2020). Posle Vavilonskogo smesheniya. Voprosy yazyka i perevoda = After Babel. Aspects of Language and Translation. Moscow: MTsNMO. (In Russ.)

8. Kuhn, T. (1962). The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press.
9. Kun, T. (2009). Struktura nauchnykh revolyutsii= The structure of scientific revolutions. Moscow: AST. (In Russ.)
10. Пым, А. (2010). Exploring translation theories. London: Routledge.
11. Pim, E. (2018). Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii = Exploring Translation Theories. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
12. Serio, P. (1993). V poiskakh chetvertoi paradigm = Searching for the Fourth Paradigm. Filosofiya yazyka v granitsakh i vne granits (vol. 1, pp. 37–52). Khar'kov: OKO. (In Russ.)
13. Gotsiridze, D. Z., Khukhuni, G. T. (1994). Vozrozhdenie i Reformatsiya v istorii perevoda i perevodcheskoi mysli = Renaissance and Reformation in the History of Translation and Translation Thought. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. (In Russ.)
14. Garbovskii, N. K., Kostikova, O. I. (2021). Istoriya perevoda: praktika, tekhnologiya, teoriya. Ocherki po istorii perevoda = History of Translation: Practice, Technology, Theory, Essays on Translation History. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
15. Gachechiladze, G. R. (1970). Vvedenie v teoriyu khudozhestvennogo perevoda = Introduction in History of the Literary Translation. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
16. Alekseeva, I. S. (2004). Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translatology. St. Petersburg: Akademiya. (In Russ.)
17. Proshina, Z. G. (2019). Teoriya perevoda = Theory of translation. Moscow: Yurait. (Text in English)
18. Prunch, E. (2015). Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = The ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one. Moscow: RValent. (In Russ.)
19. Komissarov, V. N. (2000). Sovremennoe perevodovedenie = Modern Translation. Course of Lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
20. Reiß, K., Vermeer, H. J. (1984). Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. (Linguistische Arbeiten 147). Tübingen: Niemeyer.
22. Sdobnikov, V. V. (2022). Pereosmyslenie perevodovedcheskikh kategorii – pereosmyslenie perevoda = Reassessment of the categories of Translation Theory – the Reassessment of Translation. Voenno-gumanitarnyi al'manakh. Seriya «Lingvistika», 7(1), 60–75. Moscow: Voennyi universitet Minoborony Rossii. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

Валуйцева Ирина Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khukhuni Gorgy Teymurazovich

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Professor of the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics,
State University of Education

Valuytseva Irina Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Professor at the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics,
State University of Education

Статья поступила в редакцию	23.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	30.01.2023	accepted for publication

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: ГОРИЗОНТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Научная статья
УДК 81'139:811.581'23
DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_42

Личностно-актуальная ценность или идеологема: 公正 / справедливость в китайской лингвокультуре сквозь призму психолингвистики

О. В. Дубкова

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай
linuan12@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании для определения степени освоения базовых ценностей индивидом используется метод свободного ассоциативного эксперимента. Классификация ассоциативного поля слова-стимула 公正 / справедливость по значимым параметрам личностного смысла и признакам ассоциирования показывает, что в сознании носителей китайского языка сформирован комплекс идеологизированных представлений о справедливости, минимально связанных с личным опытом и поведением в обществе.

Ключевые слова: базовые ценности социализма, китайская лингвокультура, свободный ассоциативный эксперимент, 公正, справедливость, психологически актуальное содержание

Для цитирования: Дубкова О. В. Личностно-актуальная ценность или идеологема: 公正 / справедливость в китайской лингвокультуре сквозь призму психолингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 42–48. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_42

Original article

Personal Value or Ideology: 公正 / Justice in Chinese Linguistic Culture through the Prism of Psycholinguistics

Olga V. Dubkova

Xi'an International Studies University, Xi'an, China, linuan12@mail.ru

Abstract. In this study, to determine the degree of development of basic values by an individual, the method of free associative experiment is used. The classification of the associative field of the stimulus word 公正 / justice according to significant parameters of personal meaning and signs of association shows that in the minds of Chinese speakers, a complex of ideologized ideas about justice has been formed, minimally related to personal experience and behavior in society.

Keywords: basic values of socialism, Chinese linguistic culture, free association experiment, 公正, justice, psychologically relevant content

For citation: Dubkova, O.V. (2023). Personal value or ideology: 公正 / justice in Chinese linguistic culture through the prism of psycholinguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 42–48. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_42

ВВЕДЕНИЕ

Понятие 公正 [gōngzhèng] / *справедливость* является одной из двенадцати базовых ценностей социализма с китайской спецификой (далее – БЦС), утвержденных Госсоветом КНР в декабре 2013 года [关于培育和践行社会主义核心价值观的意见, 2013]. Насколько данная ценность является актуальной для носителей китайского языка, как понимается справедливость самими китайцами, с какими нормами и правилами поведения соотносится и как она реализуется, – ответы на эти вопросы, по нашему мнению, невозможны без использования психолингвистических методов. Целью настоящего исследования является определение места БЦС 公正 / *справедливость* в сознании китайцев. Достижение данной цели предполагает определение структуры и семантики слова-стимула, проведение свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), типологизацию ассоциатов, установление их количественных и качественных особенностей, на основании полученных результатов определение китайской специфики данной ценности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТИ 公正 / СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Автор настоящего исследования исходит из того, что анализ китайских ценностей и, в частности БЦС, должен опираться на различные методы и приемы лингвистического анализа. Его необходимость обусловлена особенностями китайского слова, для письменной фиксации которого используются иероглифы, состоящие из одной или нескольких пиктограмм или графем, репрезентирующих не фонему, а понятие. Причем структура иероглифа такова, что содержащееся в нем понятие складывается из совокупности других понятий, обозначенных компонентами единой графемы. Кроме того, элементы иероглифа могут состоять из графических компонентов разной степени абстракции, что не может не влиять на восприятие слова и его интерпретацию носителями китайского языка.

Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) проводился весной 2022 года в рамках исследования БЦС. Для САЭ представлен список из 36 различных слов-стимулов. В эксперименте приняли участие 607 студентов разных специальностей китайских вузов, расположенных в Пекине, Шанхае, провинциях Шэньси, Цзянсу, Ганьсу, Шаньдун, Гуандун, Гуйчжоу, Аньхой и СУАР. Что касается гендерных, возрастных и национальных особенностей респондентов, то соотношение мужчин и женщин составило 4:6, возраст – от 20 до 30 лет; в эксперименте участвовали представители разных национальностей (ханьцы, уйгуры, казахи, монголы,

хуэйцы, мяо, туцзу и др.), владеющие китайским литературным языком, большинство из них – ханьцы (ок. 92,5 %), что в целом отражает национальную структуру современного китайского общества. Всего получено 607 ассоциативных реакций (АР), 59 одиночных АР, коэффициент ассоциирования – 0,15, отказов – 0. Для определения количественных и качественных особенностей АП, полученного в результате данного САЭ, методом случайной выборки нами отобрано 200 реакций.

АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ЦЕННОСТИ 公正 / СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Слово 公正 / *справедливость* образовано способом словосложения и состоит из двух иероглифов: 公 / *правитель* и 正 / *правильный*, которые являются синтетическими идеограммами (ассоциативными иероглифами) [李学勤, 赵平安, 2013, с. 66, 111]. Ценность 公正 / *справедливость*, по мнению китайских идеологов, отражает связи государства и общества и устанавливает нормы и правила общественной жизни. Эта ценность тесно связана с традиционными представлениями китайцев о справедливости. В конфуцианстве утверждается, что император и чиновники должны проявлять беспристрастность к своим подчиненным, не искать личной выгоды, отрицать кумовство, заботиться о простом народе, – только в этом случае нижестоящие и подчиненные будут проявлять честность по отношению к вышестоящим, тем самым возможно создать идеальные отношения между правителями и народом [杨蓉, 高敏, 2017, с. 98]. В конфуцианской традиции предполагается, что спокойная жизнь простого народа и его материальный достаток обеспечиваются справедливым правлением разумного правителя. В легизме 公正 / *справедливость* понимается как наказание всех нарушителей законов и правил. В такой интерпретации 公正 / *справедливость* тесно связана с 法 / *законом*, который должен соблюдаться по отношению к каждому члену общества независимо от его личных заслуг, социального положения и родственных связей. В традиции легизма только правосудие может решить проблемы и положить конец распрям и спорам, уменьшить или предотвратить судебные тяжбы, урегулировать отношения между чиновниками и простым народом, обогатить государство, укрепить армию и стабилизировать общественный порядок [程政举, 2019, с. 137]. Таким образом, в традиционной китайской культуре представлено разное понимание способов достижения справедливости, что неизбежно должно отразиться на признаках ассоциирования, которые позволяют «установить актуальные смысловые признаки

слова-стимула, акцентированные индивидами в речевой деятельности» [Пищальникова, 2022, с. 307], моделировать содержательную сторону стимула и предполагать динамику ее развития.

В силу особенностей грамматической системы китайского языка слово-стимул 公正 / *справедливость* может восприниматься респондентами как существительное (*справедливость, правильность, точность, беспристрастность*) или как прилагательное (*справедливый, беспристрастный, правильный* и др.). В китайском языке в отличие от русского языка границы грамматической

интерпретации слова расширяются, что влечет за собой расширение признаковой зоны в целом.

Условно в АП на основе частотности ассоциатов выделяются ядро, ближняя и дальняя периферия АП [Пищальникова, 2022]. В ядро исследуемого АП нами включены восемь ассоциатов с коэффициентом ассоциирования выше пяти; в ближнюю периферию входят ассоциаты с частотностью от пяти до двух; согласно принципам, принятым в психолингвистике, дальнюю периферию составляют одиночные реакции. Результаты представлены в таблице и диаграмме (см. табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ЯДРА, БЛИЖНЕЙ И ДАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ ЛЕКСЕМЫ 公正 / СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Ядро		Ближняя периферия		Дальняя периферия	
公平 / справедливый, честный	(41)	社会主义核心价值观 / БЦС	(5)	信任 / доверие	
平等 / равенство	(31)	法制 / судебная система	(3)	判决 / судебное решение	
法治 / законность	(21)	公开 / открытость	(3)	品质 / (моральные) качества	
正义 / справедливость, справедливый	(11)	廉洁 / неподкупный	(3)	评价 / оценивать, оценка	
法官 / судья	(10)	社会 / общество	(2)	审判 / судить, суд	
法律 / закон	(10)	天平 / чашечные весы	(2)	特特特 / так заумно	
法院 / суд	(10)	友善 / дружелюбие	(2)	文明 / цивилизация	
司法 / правосудие, судебная власть	(8)	比赛 / соревнования	(2)	正直 / справедливый	
		法庭 / суд	(2)	态度 / отношение	
		高考 / экзамены в вуз	(2)	党 / (сокр.) партия	
		合理 / справедливый, разумный	(2)	命运 / удел	
		警察 / полиция, полицейский	(2)	老师 / учитель	

Рис. 1. Соотношение ядра, ближней и дальней периферии лексемы 公正 / справедливость

Результаты количественного анализа АП 公正 / *справедливость* показывают, что носители китайского языка реагируют на предложенный стимул стандартно. Это показывает низкий коэффициент разнообразия реакций (для данной

выборки он составляет 0,24) и малое количество ассоциатов на периферии.

Для общего понимания соотношения ядра и периферии АП в синоязычном сегменте воспользуемся данными исследования антиценности 腐败 / *коррупция*, проведенного в 2017–2018 годах Пэй Цайся. Автор отмечает низкий коэффициент разнообразия ядерных реакций и указывает, что в ядро поля входит более 50 % реакций [Пэй, 2018, с. 230]. В АП БЦС 公正 / *справедливость* наблюдается еще более высокая степень однотипности реакций. В ядро поля входит 70,5 % всех ассоциатов с крайне низким показателем разнообразия (0,057), что говорит об универсальности представлений о справедливости у китайцев. Можно предположить, что в понимании справедливости в современных социальных условиях никаких изменений не произошло – напротив, количество и частотность реакций в ядре свидетельствует о еще большей стандартизации понятия. Согласно китайской традиции, которая активно поддерживается современными органами власти, необходимо соблюдать справедливость на уровне закона, что,

собственно, и определяет большое количество реакций (41,1 %), имеющих в своей структуре иероглиф 法 / закон.

Обратившись к истории формирования понятия «справедливость» в китайской лингвокультуре, отметим, что европейское понимание «справедливости» (justice) возникает в середине XIX века. Под влиянием переводческой традиции использования существующих в китайском языке традиционных философских понятий для современной теории социального равенства понятие Procedural justice также интерпретируется через слова 公平 и 正义 [张小平, 2021, с. 122], которые в «Большом словаре китайского языка» используются для объяснения значения слова 公正 / справедливость. При этом указывается, что данное слово образовано путем сложения первых двух иероглифов слов 公平 и 正义 [汉语大词典, 2001, с. 1799]. По результатам САЭ именно эти слова показывают высокий коэффициент ассоциирования (частотность 20,5 % и 5,5 % соответственно) и входят в ядро АП. Следует также отметить, что в ядро АП входят ассоциаты 平等 / равенство (31) и 法治 / законность (21), которые включаются в число БЦС, что является еще одним подтверждением стандартности понятия «справедливость» для современных китайцев. Общее количество и соотношение ассоциатов в ядре анализируемого АП представлено графически (см. рис. 2).

Сравнительный анализ признаков ассоциирования, представленных в АП 公正 / справедливость, традиционно используемый в психолингвистике для моделирования ассоциативно-семантического поля [Пищальникова, 2019], позволяет выделить следующие группы.

Рис. 2. Количественное соотношение ассоциатов в ядре АП лексемы 公正 / справедливость

1. Идентификация (всего 64 реакции):

公平 / справедливый, беспристрастный	(41)
正义 / справедливость	(11)
社会主义核心价值观 / БЦС	(5)
不公正 / несправедливость	(2)
品质 / моральное качество	(1)
正直 / справедливый, честный, беспристрастный	(1)
理念 / идея, понятие, концепция	(1)
追求 / стремиться, стремление	(1)
尺子 / мера, критерий	(1)

2. Конкретизация (всего 76 реакций):

法治 / законность* ¹	(21)
法律 / закон*	(10)
法官 / судья*	(10)
法院 / суд*	(9)
司法 / правосудие, судебная власть*	(8)
法制 / судебная система*	(3)
法庭 / суд*	(2)
警察 / полиция, полицейский	(2)
比赛 / соревнования	(2)
高考 / экзамены в вуз	(2)
天平 / чашечные весы	(2)
党 / партия (обычно о КПК)	(1)
公安局 / управление общественной безопасности	(1)
招生政策 / политика набора в учебные заведения	(1)
老师 / учитель	(1)
槌子 / молоток судьи	(1)

3. Подчинение (всего 55 реакций):

法律 / закон*	(10)
法官 / судья*	(10)
法院 / суд*	(9)
司法 / правосудие, судебная власть*	(8)
法制 / судебная система*	(3)
法庭 / суд*	(2)
警察 / полиция, полицейский*	(2)
社会 / общество	(2)
做人 / (конф.) быть (настоящим) человеком, обращаться	(1)
命运 / удел, доля	(1)
当官的 / чиновнический	(1)
审判 / судить, принимать судебное решение	(1)

¹ Под * указываются реакции, включенные в другие признаковые зоны.

裁判 / право судить, судебное решение	(1)
判决 / решать, решение (<i>обычно судебное</i>)	(1)
执法 / исполнять законы, правоприменение	(1)
相对 / противостоять, относительный	(1)
评价 / оценивать, оценка	(1)

4. Оценка (всего 11 реакций):

廉洁 / неподкупный, бескорыстный	(3)
合理 / справедливый, разумный	(2)
不容易 / нелегко, невероятно, невозможно	(1)
没有 / нет, отсутствовать	(1)
特特特 / так заумно, заковыристо	(1)
黑白 / черный и белый (добро и зло)	(1)

5. Соположение (всего 61 реакция):

平等 / равенство	(31)
法治 / законность	(21)
公开 / открытость	(3)
友善 / дружелюбие	(2)
信任 / доверять, доверие	(1)
和谐 / гармония	(1)
安全 / безопасность	(1)
文明 / цивилизация	(1)

Соотношение признаков зон представлено в диаграмме (см. рис. 3).

Сравнительный анализ признаков ассоциирования показывает, что в сознании китайцев 公正 / справедливость является абстрактным понятием, указывающим на духовно-нравственное воспитание и не являющимся личной добродетелью, которой должен обладать отдельный человек, она не является ценностью, которая реализуется в поведении и поступках отдельного человека, а, скорее, акцентирует «базовую ценностную ориентацию» общества,

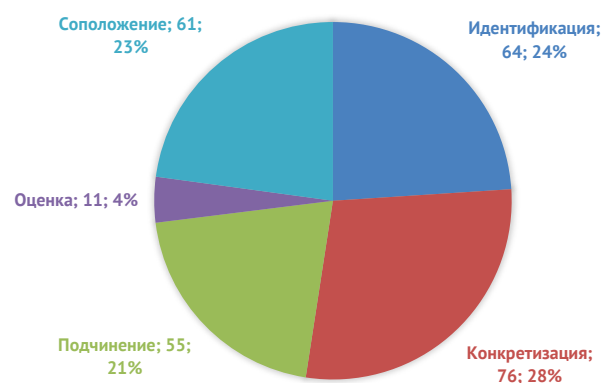

Рис. 3. Соотношение признаков зон АП
公正 / справедливость

подчеркивает правомерность и законность государственного правления. Представления о справедливости у китайцев связаны с законом, с органами государственной и судебной власти, с представителями закона и законной власти. Например:

司法 / правосудие, судебная власть	(8)
法制 / судебная система	(3)
审判 / судить, суд	(1)
法官 / судья	(10)
法院 / суд	(9)
警察 / полиция, полицейский	(2)
党 / (<i>сокр.</i>) партия (КПК)	(1)
公安局 / управление общественной безопасности	(1)

В ассоциативном поле также представлены атрибуты судебной власти:

天平 / чашечные весы	(2)
槌子 / молоток (судьи)	(1)

Всё это доказывает, что справедливость в китайской лигвокультуре тесно связана с законом и законностью.

Что касается личного опыта 'справедливых' и 'несправедливых' действий и поступков, то они обычно связаны с конкуренцией в условиях существующих норм и правил. Например, 比赛 / соревнования, 高考 / экзамены в вуз, 招生政策 / политика набора в учебные заведения и др. Всего в анализируемой выборке нами выделено 6 реакций, что составляет 3 % от общего количества реакций и косвенно свидетельствует о «неприсвоенности» понятия «справедливость» современными китайцами. Эмоциональная оценка в структуре поля выражена слабо (всего 11 реакций). Обычно анализируемые ассоциаты обозначают крайнюю степень проявления 'справедливости' или ее отсутствие, что, по мнению китайцев, оказывает влияние на общество и имеет как положительные, так и отрицательные последствия:

廉洁 / неподкупный, бескорыстный (<i>обычно о чиновнике</i>)	(3)
合理 / справедливый, разумный, правомерный (<i>о требованиях, решениях</i>)	(2)
不容易 / нелегко	(1)
没有 / нет	(1)
特特特 / так заумно, заковыристо	(1)
黑白 / черный и белый (добро и зло)	(1)

Следует также отметить, что среди ассоциатов отсутствуют типичные реакции для ценностей,

усвоенных и присвоенных индивидом: 我 / я, мой, 自己 / сам, лично, 人 / человек, 朋友 / друг, 妈妈 / мама, 孩子 / ребенок и др. (ср.: [Яо, 2019; Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей, 2020; Хлопова, Курилов, 2021; Хлопова, 2021] и др.).

В ассоциативное поле входят ценностные понятия, используемые в различных религиозно-философских учениях Древнего Китая, например, 道义 / нравственность, моральные принципы; 品质 / моральные качества; 真理 / истина; 命运 / удел, воля Неба и др., что может свидетельствовать о сохранении в сознании китайцев элементов древних или традиционных религиозно-философских представлений о данной ценности; 公正 / справедливость воспринимается китайцами как идеологема и тесно связывается в их сознании с другими идеологемами социализма с китайской спецификой – 平等 / равенство, 法治 / законность, 公开 / открытость, 和谐 / гармония, 友善 / дружелюбие и 安全 / безопасность (всего 61 реакция, 23 %). По мнению Чжан Сяопина, эта ценность в системе БЦС обеспечивает соблюдение прав человека, чтобы гарантировать конкретную поддержку всем обществом в целом правящей партии и политической власти [张小平, 2021, с. 31].

Анализ результатов САЭ показывает, что лексема 公正 / справедливость представляет собой не личностно-актуальную ценность, а идеологему, отражающую комплекс традиционных и современных представлений китайцев о справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ценность 公正 / справедливость является важной составляющей системы ценностей социализма с китайской спецификой. Понятие 公正 / справедливость – базовая категория конфуцианства и легизма, в рамках социализма определяется как ценность, реализуемая на уровне государства и общества в целом, не является личной добродетелью, не реализуется в поведении и поступках отдельного человека, а подчеркивает законность и правомерность государственного правления. Данные САЭ подтверждают положение о том, что базовая ценность социализма 公正 / справедливость является идеологемой, отражающей эталонные, идеальные представления носителей китайского языка о правосудии и социальной справедливости и о сути отношений «государство – общество».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 关于培育和践行社会主义核心价值观的意见, 2013年12月23日, 中国共产党新闻网 = Мнения о воспитании и реализации базовых ценностей социализма (23.12.2013) // Сайт новостей КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1223/c64387-23924110.html> (дата обращения: 20.05.2022).
2. 李学勤, 赵平安. 字源[M]: 天津古籍出版社; 辽宁人民出版社, 2013. 1420页 = Ли Сюэцин, Чжао Пинъань. Происхождение иероглифов. Тяньцзинь, Шэньян: Древняя литература, Ляонинское Народное изд-во, 2013.
3. 杨蓉, 高敏. 社会主义公正观对先秦儒家公正观之借鉴解读[J]. 安徽工业大学学报(社会科学版) = Ян Жун, Гао Мин. Связь и интерпретация концепции социалистической справедливости с конфуцианской концепцией справедливости в доцинский период // Вестник Аньхойского технологического университета (Социальные науки). 2017. № 34(2). С. 98–100.
4. 程政举. 先秦法家的司法公正观[J]. 河南财经政法大学学报 = Чэн Чжэнцзю. Взгляды легистов доцинского периода на справедливость в рамках закона // Вестник Хэнаньского университета экономики и права. 2019. № 34(2). С. 137–148.
5. Пищальникова В. А. Ассоциативное поле как база исследования потенциальных значений слов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 303–317.
6. Пэй Цайся. Содержание антиценности в современной китайской культуре: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 13(807). С. 225–234.
7. 张小平. 社会主义核心价值观 (新时代新思想标识性概念丛书), 人民日报出版社, 2021, 176页 = Чжан Сяопин. Базовые ценности социализма: Новая эпоха – новые идеи. Библиотека символов и понятий. Пекин: Жэньминь жибао, 2021.
8. 汉语大词典: 上海·汉语大词典出版社, 2001.9, 18481页 = Большой словарь китайского языка. Шанхай: Большой словарь китайского языка, 2001.
9. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761.
10. Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» – «礼貌» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
11. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова [и др.]. М.: Спутник+, 2020.

12. Хлопова А. И., Курилов С. Н. Содержание базовой ценности «свобода» в обыденном сознании русских // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 2(277). С. 107–116.
13. Хлопова А. И. Диагностика динамики базовой ценности Leben в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11(853). С. 230–245. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/11_853_H.pdf

REFERENCES

1. 关于培育和践行社会主义核心价值观的意见 ZBF (2013). No. 24, 2013年12月23日, 中国共产党新闻网 = Opinions on cultivating and Practicing Socialist Core Values (ZBF [2013] No. 24). Communist Party of China News Network, URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1223/c64387-23924110.html>
2. 李学勤, 赵平安. 字源[M]: 天津古籍出版社; 辽宁人民出版社, 2013. 1420页 = Li Xueqin, Zhao Ping'an (2013). Ziyuan [Etymology], Tianjin ancient books publishing house; Liaoning People's Publishing House. (In Chinese)
3. 杨蓉, 高敏. 社会主义公正观对先秦儒家公正观之借鉴解读[J]. 安徽工业大学学报(社会科学版) = Yang Rong, Gao Min (2017). The Interpretation of the Pre-Qin Confucian Justice from the View of Socialist Justice. Journal of Anhui University of Technology Social Sciences, 34(2), 98–100.
4. 程政举. 先秦法家的司法公正观[J]. 河南财经政法大学学报 = Cheng Zhengju (2019). The judicial justice view of Pre Qin Legalists. Journal of Henan University of economics and law, 34(2), 137–148.
5. Pishchalnikova, V. A. (2022). Association field as a base for study of potential meanings of words. Ural Philological Herald. Series language. System. Personality: the linguistics of creativity, 2, 301–317. (In Russ.)
6. Pei Caixia (2018). Experimental Study of The Structural-Content Specificity of Anti-Value 嬗变. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 225–234. (In Russ.)
7. 张小平. 社会主义核心价值观 (新时代新思想标识性概念丛书), 人民日报出版社 = Zhang Xiaoping (2021). Socialist core values (series of symbolic concepts of new era and new ideas), Beijing, People's Daily press.
8. 汉语大词典. 上海, 汉语大词典出版社 = Chinese Dictionary. (2001). Shanghai: Chinese Dictionary Press.
9. Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretaciya associativnyh dannyh kak problema metodologii psiholingvistiki = Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. Russian Journal of Linguistics, 23(3), 749–761. (In Russ.)
10. Yao Zhipeng (2019). Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'» – «礼貌» v russkom i kitajskom yazykah = The meaning specificity of the moral concept «politeness»: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Pishchalnikova, V. A. et al. (2020). Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej = Bilingual associative dictionary of basic values. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)
12. Khlopova, A. I., Kurilov, S. N. Soderzhanie bazovoj cennosti "svoboda" v obydennom soznanii russkikh = Psychologically Relevant Content of the Basic Value Свобода ("Freedom") in the Ordinary Consciousness of Russians. The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History, 2(277), 107–116. (In Russ.)
13. Khlopova, A. I. (2021). Diagnostika dinamiki bazovoj cennosti Leben v nemeckoj lingvokul'ture = Diagnostics of Basic Value Dynamics of Leben in German Linguistic Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 111(853), 230–245. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,

профессор, иностранный специалист Сианьского университета иностранных языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor,

Professor, Foreign Specialist, Xi'an International Studies University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова

В. А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

pishchalnikova @ mail.ru

Аннотация. Диагностика актуального психологического значения – важная прагматическая задача психолингвистики. Ее решение позволяет научно прогнозировать пути изменения значения слова и создавать корректирующие методики обучения лексике языка. На базе данных психолингвистического эксперимента автор устанавливает показатели эволюции значения: изменение иерархии содержательных признаков лексемы; поляризация ее коннотаций; несовпадение структур ассоциативных полей, смоделированных в разное время. Сопоставление ассоциативных полей производится на основе всех структурно-содержательных компонентов и по отдельным параметрам: типам предикации, коэффициенту частотности реакций и др.

Ключевые слова: значение слова, семантическая структура слова, ассоциативное поле, тип предикации, признак ассоциирования, диагностирование значения

Для цитирования: Пищальникова В. А. Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 49–56. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

Original article

Prognostic Aspect of the Psycholinguistic Study of the Meaning of the Word

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

pishchalnikova @ mail.ru

Abstract. Diagnosis of actual psychological significance is an important pragmatic task of Linguistics. Its solution allows us to scientifically predict the ways of changing the meaning of a word and create corrective methods of language teaching. The author shows how it is possible to establish trends in the change of meaning based on a psycholinguistic experiment. This is a change in the hierarchy of meaningful features of the lexeme; polarization of its connotative meaning; mismatch in the associative fields of the lexeme modeled at different times. The comparison of associative fields is carried out both based on all its structural and content components and by individual parameters: types of predication (signs of association), the coefficient of frequency of reactions, etc.

Keywords: meaning of a word, semantic structure of a word, associative field, type of predication, attribute of association, diagnosis of meaning

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2023). Prognostic aspect of the psycholinguistic study of the meaning of the word. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 49–56. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_49

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдения за речевой деятельностью носителей современной русскоязычной лингвокультуры свидетельствует о сравнительно быстром изменении значений ряда частотных слов, прецедентных имен, фразеологизмов. Это, вероятно, связано с разрушением понятия «норма» во всех аспектах – от поведенческого до языкового, – когда использование слова не определяется намерением осуществить эффективную коммуникацию. Напротив, нормой становится приблизительное представление о значении слова, что, как правило, не останавливает носителя в его использовании. Эта тенденция затрагивает различные лексические группы в обиходной речи: от распространенных в бытовой сфере экономических и политических терминов до вербальных средств представления эмоциональных состояний. Так, по данным опроса 2021–2022 годов в студенческих группах гуманитарных специальностей (возраст респондентов 19–20 лет, общее количество опрошенных 300) в 100 % интерпретаций *инвестиция* – это вложение капитала (важнейший семантический компонент значения «долгосрочное» не активируется), *шок* в 97 % – это сильное положительное впечатление от чего-либо

(семантический компонент значения «отрицательное» в большинстве случаев употребления также не активируется). Пресловутое *Я в шоке* распространилось сейчас в разговорной речи как, вероятно, самое частотное выражение для репрезентации недифференцированной положительной эмоции. За последние десятилетия с легкой руки неграмотных журналистов изменилось, наверное, уже безвозвратно, значение слова *апокалипсис*, на наших глазах радикально изменяется *адекватный*... Подобные примеры можно умножать. Существенные изменения в значении претерпевают и прецедентные имена, а фразеологизмы в речи молодого поколения употребляются всё реже и реже, часто тоже в искаженном значении.

Это, конечно, проблема в значительной мере культурно-социальная [Функциональная неграмотность как объект психолингвистики, 2022], но в ее решении без лингвистов не обойтись.

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ

Рассмотрим психологически реальное для носителей языка значение прецедентного имени

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ СУСАНИН

Содержательные компоненты лексемы Сусанин			
	Лексикографические и энциклопедические источники	Национальный корпус русского языка и сеть Интернет	Ассоциативный эксперимент
1	патриот, отдавший жизнь за царя и отечество	проводник, тот, кто ведет	плохой проводник
2	герой освободительной войны русского народа против польских интервентов в начале XVII в.	тот, кто хочет заработать, оказывая услуги проводника	тот, кто показывает дорогу
3	крестьянин	тот, кто может провести куда угодно, неизвестно куда, плохой проводник	человек, который завел поляков в лесную глушь
4	житель Костромского уезда	тот, кто назначен проводником для туристов	
5	проводник поляков до села Домнино	тот, кто показывает дорогу правильно	
6	намеренно с целью уничтожения завел врагов в непроходимый лес	(б) кто обещает отвезти куда угодно	
7	замучен поляками	тот, кто не знает дороги точно и потому может водить долго	
8	герой произведений художественной литературы	знающий проводник	
9	герой оперы М. И. Глинки	тот, кто взял на себя роль проводника, но не стал ее исполнять	

Сусанин, детально исследованное в: [Панарина, 2017]. Сопоставим содержательные признаки этого слова, которые смоделированы на разном языковом материале: данных лексикографических источников, национального корпуса языка, сети Интернет и ассоциативного эксперимента (см. табл. 1).

Как видим, значение имени изменилось существенно. Только в 6 % случаев реального употребления, по данным Н. С. Панариной, реализуются содержательные компоненты «герой Отечества», «ведущий врагов на смерть», «защитник от врагов, спаситель». Наиболее очевидное разрушение содержания прецедентного имени проявляется в интернет-коммуникации, где 36 % номинаций *Сусанин* образовано на основе смыслового компонента «проводник» [Панарина, 2017], за счет чего постепенно формируется новая система семантических связей слова, а прецедентное его значение не осознается. Для лингвиста это – ненормированное употребление лексемы, которое деформирует семантическую структуру прецедентного имени. Но профанный носитель языка продуцирует речевой акт исходя из своего содержания ассоциативно-вербальной сети и уровня своей языковой компетентности. И это единственно возможный путь достижения цели его речевой деятельности.

Правильное употребление слова – это не просто требование соблюдения некоей нормы в угоду составителям словарей и подборникам правильности русской речи. Это требование дифференцированного представления индивидуальных смыслов, что определяет эффективность коммуникации – важнейшую её характеристику, во многом детерминирующую состояние социума и возможности его развития.

Лексикографы, отражающие состояние словарной системы языка, не могут фиксировать изменения в значениях слов в небольшие временные периоды, поскольку это не является их задачей; к тому же у них нет эффективного инструмента установления такой динамики. Такие инструменты есть у психолингвистов: свободный, обратный, цепочечный ассоциативный эксперимент, шкалирование и ранжирование слов, метод семантического интеграла и дифференциала и некоторые другие. Они позволяют решать лингвистически и социально важную задачу: устанавливать «состояние значения» лексемы и прогнозировать пути его возможного изменения. Это, в свою очередь, создает базу для разработки методик коррекции словоупотребления.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАГНОСТИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Задача статьи – показать, как производится психолингвистический анализ значения слова на базе данных свободного ассоциативного эксперимента и каковы его преимущества в установлении потенциальных путей развития значения.

Ассоциативный эксперимент (впервые специфически проведенный Ф. Гальтоном еще в 1879 г.) в его классическом варианте, идущем от Дж. Диза и Ч. Осгуда, во-первых, выявляет такие актуальные смысловые признаки вербального стимула, которые при их актуализации не осмысливаются и не анализируются говорящим. Во-вторых, обнаруживает семантические признаки, не отмеченные в лексикографических источниках. В-третьих, поскольку в нем осуществляется непроизвольное ассоциирование, симптомы потенциального изменения значения и его реальной динамики представлены очевиднее, в том числе и динамики эмоционально-чувственного содержания. Кроме того, ассоциативный эксперимент, с одной стороны, демонстрирует разницу между известными собственно лингвистическими семантическими методами и психолингвистическим подходом к изучению содержания слов, с другой – порождает основания для их взаимодополнительности. Наконец, особенно он эффективен при изучении лексических значений соотносимых лексем разных языков.

Продemonстрируем на примере специфику выделения содержательных компонентов лексемы на базе данных ассоциативного эксперимента.

Если интегрировать словарные определения лексемы *работа* в значении «деятельность человека», можно выделить ряд семантических признаков, находящихся в определенной иерархии: занятие, труд, деятельность; вид деятельности; место деятельности; источник заработка; готовая продукция; способ изготовления; литературное произведение на научную тему.

Далее по данным стандартного свободного ассоциативного эксперимента формируется совокупность реакций, полученных на исследуемое слово-стимул *работа*, – ассоциативное поле стимула, из которого приемом случайных чисел отбирается исследуемая группа словоформ, например, в нашем случае 50 из 500 реакций. В группе ассоциатов для исследования устанавливаются признаки ассоциирования, или типы предикации путем анализа связи стимула и реакции [Пищальникова, 2021; Степыкин, 2021; Яо Чжипэн, 2019 и др.].

Ассоциативное поле делится на зоны, устанавливаемые произвольно с учетом частотности ассоциатов. Как правило, в ядро входят ассоциаты с частотностью пять и выше (ядро устанавливается произвольно, чаще всего в зависимости от количества слов в исследуемой группе), ближняя периферия включает другие неединичные ассоциаты, дальняя – только единичные. Для большей наглядности представим отобранные нами и распределенные ассоциаты по зонам в таблице 2.

Далее производим анализ каждой пары стимул – реакция с целью установления признака ассоциирования и выявляем, что в каждой из зон доминируют следующие (см. табл. 3).

Суммируя процентное содержание типов предикации, получаем психологически реальную содержательную структуру лексемы *работа*, актуальную для носителей языка изученной группы: (1) негативное эмоционально-оценочное отношение к работе 30 %, (2) заработок 22 %, (3) труд, дело 20 %. Сравнение лексикографических и ассоциативных данных свидетельствует о том, что словупотребление изучаемой лексемы в исследуемой группе носителей языка основано на иерархии содержательных признаков, существенно отличной от системной языковой. Именно тип предикации обнаруживает сочетательные связи слова

как элемента системы языка, т. е. его реальное для носителей языка содержание. Но одновременно, и это важно, тип предикации указывает на возможные изменения его нормативного значения. Если носители языка актуализируют какой-то признак ассоциирования, не представленный в инварианте лексемы, значит возможно изменение значения слова по этому признаку. «Правильный» это признак или «неправильный», как убеждает практика использования ранее приведенных слов, для носителя языка значения не имеет. То есть тип предикации обнаруживает устойчивую или окказиональную ментальную связь между стимулом и ассоциатом и тем самым указывает на пути возможного изменения значения слова.

Подобная диагностика психологически актуального значения слова, помогающая представить реальное содержание понятийной сферы индивида и сообществ людей и их актуальные ассоциативно-вербальные связи, может стать не только базой научного исследования многих лингвистических проблем, но и основой для разработки конкретных специфических методик работы с группами людей в разных сферах деятельности, в том числе в учебной.

Подчеркнем, что на начало изменения значения слова в первую очередь указывают не

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АССОЦИАТОВ ПО ЗОНАМ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Зоны ассоциативного поля		
Ядро	Ближняя периферия	Дальняя периферия
• деньги (8) • труд (5)	• дело (4) • не волк (3) • заработок / зарплата (3) • трудная / тяжелая занятость (2)	рутина, робот, ответственность, стол, ежедневно, завод, скука, будни, отрыв от близких, интерес, усталость, портфель, достаток, время, долг, дом, специалист, социальный статус, любимое занятие, телефон, офис

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ ПРЕДИКАЦИИ (ПРИЗНАКОВ АССОЦИИРОВАНИЯ) ПО ЗОНАМ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Зоны ассоциативного поля		
Ядро	Ближняя периферия	Дальняя периферия
• заработок 16 % • труд 10 %	• отрицательное отношение к работе 12 % • дело 10 %	негативное эмоционально-оценочное отношение к работе 18 %; заработок 6 %; место деятельности; атрибуты деятельности; положительное отношение к работе; зависимость социального статуса от работы и др.

ИЗМЕНЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ЧАСТОТНОСТИ АССОЦИАТОВ

Стимул	Реакция	Словарь		
		РАС	СИБАС	АСБЦ
Родина	Россия	15/205/ 0,07	105/502/ 0,2	206/1049/ 0,2
	мать	65/205/ 0,32	138/502/ 0,27	201/1049/ 0,19
	дом	0	25/502/ 0,05	104/1049/ 0,1
	страна	3/205/ 0,015	21/502/ 0,042	56/1049/ 0,05
	патриот	3/205/ 0,015	4/502/ 0,032	38/1049/ 0,04

ядерные, а периферические компоненты содержания лексем, поэтому типы предикации между стимулом и реакцией устанавливаются на всем массиве ассоциативных данных. Именно здесь проявляются прогностические возможности психолингвистического анализа, устанавливающего возможные пути развития слова через выявление типов предикации. Не все типы предикации могут увеличить частотность проявления и таким образом становятся реальным путем развития значения слова, но все они указывают на принципиальную возможность актуализации того или иного типа предикации и, следовательно, на потенциальное направление изменения значения слова.

Сопоставление лексикографических и ассоциативных данных позволяет установить ряд важнейших признаков, обнаруживающих динамику значения слова.

Первый – это изменение иерархии содержательных компонентов. Так, было показано, что иерархия ядерных признаков лексемы работа «занятие, труд, деятельность»; «вид деятельности»; «место деятельности» в спонтанной речевой деятельности в исследованных группах носителей языка замещается другой: «негативное эмоционально-оценочное отношение к работе»; «заработок»; «труд, дело».

Начало изменения значения, как установлено психолингвистами, всегда связано с градуальным изменением коннотативного компонента. Например, А. И. Хлопова пишет, что у лексемы *Arbeit* за последнее десятилетие возросло количество негативных ассоциатов, что может свидетельствовать о начале структурной перестройки ее содержательных компонентов [Хлопова, 2018]. Н. С. Панарина на материале интернет-коммуникации показывает, что компонент «великий полководец» слова *Наполеон* становится основой для образования иронического личностного смысла, вследствие

чего постепенно, но очевидно изменяется коннотация слова: «Ой, чего это он? Проиграл?» – «Хан сдается в плен только когда всех янычар перебьешь, а у тебя они еще оставались. Ладно, пошли курить, Наполеон» [Панарина, 2017].

Семантическая подвижность лексики очевидно проявляется при сравнении ассоциативных полей, смоделированных в разное время, причем такое сопоставление может осуществляться по разным параметрам. В частности, динамика содержания проявляется в изменении коэффициента частотности стимулов, и это третий показатель подвижности значения лексемы (см. табл. 4).

В таблице представлены данные разных ассоциативных словарей, составленных в разное время: «Русского ассоциативного словаря», который создавался в 1986 по 1997 гг., «Русский региональный ассоциативный словарь», «Двуязычный ассоциативный словарь базовых ценностей» [Русский ассоциативный словарь, 2002; Шапошникова, Романенко, 2014; Двуязычный ассоциативный ... 2020]. Коэффициент частотности ассоциатов, важных для выявления тенденций в характере предикирования, выделен жирным шрифтом.

В данном случае изменение коэффициента частотности, вопреки бытующему мнению, указывает на медленное, но возрастание предикативных связей «Родина – Россия», «Родина – страна», «Родина – патриотизм», и особенно «Родина – дом» (коэффициент частотности увеличивается в два раза). При этом показательно, что в иерархии признаков по данным Сибирского ассоциативного словаря и Ассоциативного словаря базовых ценностей изменяется только место операционального ассоциата *мать*, который становится менее частотным, поскольку утрачивается знание об источнике ассоциирования, не возникают ассоциативные связи, необходимые для личностного присвоения значения, и, как следствие, реакция становится неличностной, формальной.

Выделение типов предикации между стимулом и реакцией особенно продуктивно для решения задач межкультурной коммуникации при сравнении содержания сопоставляемых лексем разных языков. Например, при изучении вежливости как морально-этической социально одобряемой ценности в Китае в ядерной зоне лексемы 礼貌 / вежливость [Яо Чжипэн, 2019] установлены следующие признаки ассоциирования, или типы предикации (см. табл. 5).

Согласно таблице 5, в ядре ассоциативного поля выделяются частотные признаки (1) носитель качества, (2) иерархичность в реализации вежливого поведения (самым вежливым должен быть 孩子 / ребенок как невзрослый человек, а потому по отношению к взрослому всегда находящийся на нижней ступени иерархии по возрасту; далее 学生 / учащийся как человек, всегда занимающий подчиненную ступень в социальной иерархии по отношению к учителю), (3) этикет. Все три признака связаны с устойчивыми китайскими традициями реализации вежливости как осознанного и принятого ритуала. Кроме того, выделяется

признак (4) субъектность вежливости, совмещающий признак «носитель качества» и «субъект присвоения модели социально одобряемого поведения». Обратим внимание на то, что китайская реакция 人 / человек – операциональная, т. е. она указывает на абстрактного носителя морально-этической категории и не является в китайской лингвокультуре самой частотной, не занимает доминирующего места в иерархической системе ценностей, поскольку вежливость для китайца – глубоко субъективное переживание должного поведения, а не внешний признак этикета.

Таким образом, ядерные типы предикации «носитель качества», (2) «этикет» и (3) «иерархичность в реализации вежливого поведения» отражают традиционные представления китайцев о вежливости как необходимой коммуникативной составляющей, реализующейся в определенных ритуалах.

В ближней периферии тоже выделяются смысловые признаки, актуальные для респондентов: (1) носитель качества, (2) иерархичность в реализации вежливого поведения, (3) форма реализации этикетного поведения. Очевидно, что

Таблица 5

ПРИЗНАКИ АССОЦИИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ 礼貌

Ядро ассоциативного поля лексемы 礼貌	Ближняя периферия	Дальняя периферия
(1) носитель качества (~ 49 %): 孩子 / ребенок 32 学生 / учащийся 27 我 / я 17 人 / человек 12 同学 / одноклассник 9 (2) иерархичность в реализации вежливого поведения (~ 49 %): 孩子 / ребенок 学生 / учащийся (3) этикет: 礼节 / этикет (4) субъектность вежливости: 我 / я	(1) носитель качества: 朋友 / друг 女孩子 / девушка 绅士 / джентльмен 我们 / мы 狗 / собака 弟弟 / младший брат 2 中国人 / китаец 2 (2) иерархичность в реализации вежливого поведения: 孩子 / ребенок 学生 / учащийся; (3) форма реализации этикетного поведения: 握手 / пожать руку 微笑 / улыбка 你好 / привет 问候 / приветствия	(1) носитель качества: 晚辈 / младшее поколение 书生 / кабинетный человек 年轻人 / молодой человек 青年 / молодежь 长辈 / старшее поколение 工人 / рабочий 少年 / юноша 陌生人 / незнакомец 好孩子 / хороший ребенок 好人 / добрый человек 少先队员 / пионер 少年 / юноша 陌生人 / незнакомец (2) способ реализации этикета: 榜样 / образец 说话 / говорить 发言 / выступить с речью 文学 / литература (3) формы реализации этикета: 穿着 / наряд 打招呼 / поздороваться 送礼 / делать подарки 谢谢 / спасибо (4) исторические истоки вежливости: 汉朝 / династия Хань

Схема 1

Признаки ассоциирования поля вежливый / вежливость по данным свободного ассоциативного эксперимента по: [Яо Чжипэн, 2019]

Схема 2

Признаки ассоциирования поля 礼貌的 / вежливый, вежливость по данным свободного ассоциативного эксперимента по: [Яо Чжипэн, 2019]

и в ближней периферии актуализируются самые частотные признаки, выделенные в ядерной зоне ассоциативного поля. Дальняя периферия ассоциативного поля дополняется признаком (4), но иерархии признаков, отмеченных в ядерной зоне, при этом не изменяется. Можно подчеркнуть, что тождественность актуальных типов предиктирования между стимулом и реакцией в разных зонах ассоциативного поля делает необходимым обязательное изучение единичных реакций, поскольку, как видно, в них отражаются общие закономерности ассоциирования.

Весьма показательно сравнение состава признаков предикации соотносимых лексем в разных языках. На схемах 1–2 одинаковые признаки выделены цветом, что позволяет с очевидностью понять не только их разное место в иерархии значения лексем в разных языках, но и сделать вывод о нетождественности содержания слов даже по ядерным признакам.

Приведенные примеры ассоциативного поля показывают также, что границы изменения значения существенно определяются только коммуникативными намерениями субъекта речевой деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что ассоциативный эксперимент как более непосредственный способ проникновения в ассоциативно-вербальную сеть индивида известен более столетия, далеко не исчерпаны возможности интерпретации его данных.

Подчеркивая, что ассоциация указывает не на значение, а на характер актуальной в конкретном речевом действии смысловой связи слов, мы предлагаем сосредоточиться на анализе предикативных отношений между стимулом и реакцией, т. е. на анализе самого речевого действия, поскольку именно в актах предикации осуществляется изменение значения. Такой тип анализа позволяет устанавливать психологически актуальный для индивида смысл слова, который может стать основой для изменения нормативного содержания лексемы.

Установление типов предиктирования, характерных для всех зон ассоциативного поля, позволяет 1) выявить типичные модели ассоциирования для конкретных языков, универсальные и национально специфичные, 2) с необходимостью включать в анализируемый материал все единичные ассоциаты, которые часто отбрасываются как «непоказательные», 3) разрабатывать аналитические методики и устанавливать новые параметры сравнения сопоставимых лексем в разных языках, 4) создавать методики коррекции употребления слов в процессе обучения языку и т. д.

Методика выявления типов предикации на основе анализа речевого действия позволяет диагностировать не только постепенное изменение значения слова, но и устанавливать его содержание в периоды радикальной деформации под влиянием различных культурных факторов, в том числе интернет-технологий, многократно увеличивающих скорость распространения и смыслов, и оснований ассоциирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Функциональная неграмотность как объект психолингвистики / Пищальникова В.А. [и др.]. М.: Р.Валент, 2022.

2. Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
3. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021.
4. Степыкин Н. И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
5. Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
6. Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
7. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. Т. 1: От стимула к реакции. М.: АСТ: Астрель, 2002.
8. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) / ред. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. М.: Московский институт лингвистики, 2014.
9. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова и др. М.: Спутник+, 2020.

REFERENCES

1. Pishchalnikova, V. A. et al. (2022). Funkcional'naya negramotnost' kak ob'ekt psiholingvistiki = Functional illiteracy as an object of psycholinguistics. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
2. Panarina, N. S. (2017). Psiholingvisticheskoe modelirovanie mekhanizma realizatsii precedentnost = Psycholinguistic modeling of the mechanism of precedent implementation: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Pishchal'nikova, V. A. (2021). Istoriya i teoriya psiholingvistiki = History and theory of psycholinguistics. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
4. Stepykin, N. I. (2021). Rechevoe dejstvie kak psiholingvisticheskij mekhanizm porozhdeniya i aktualizatsii smysla = Speech action as a psycholinguistic mechanism for generating and actualizing meaning: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Yao CHzhipen (2019). Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya "vezhlivost'" / "礼貌" v russkom i kitajskom yazykah = The content specifics of the ethical concept of "politeness" / "礼貌" in Russian and Chinese: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Hlopova, A. I. (2018). Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej = Verbal diagnostics of the dynamics of basic values: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimceva, N. V. et al. (2002). Russkij associativnyj slovar' = Russian associative dictionary. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)
8. Shaposhnikova, I. V., Romanenko, A. A. (2014). Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok) = Russian regional associative dictionary (Siberia and the Far East). Moscow: Moskovskij institut lingvistiki. (In Russ.)
9. Pishchal'nikova, V. A. et al. (2020). Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej = Bilingual associative dictionary of basic values. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры общего и сравнительного языкознания

Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета,

заведующий Лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatolievna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,

Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,

The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University,

Head of the Psycholinguistics Laboratory, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Содержание понятия «Toleranz» в немецкой лингвокультуре

А. И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

chloпова_anna@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является установление содержания понятия «Toleranz» в немецкой лингвокультуре. Исследование строится на сопоставлении данных лексикографических источников и результатов ассоциативного эксперимента. Полученные результаты показали, что респонденты не имеют четкого представления об исследуемом понятии, оно осознается ими в качестве навязанной ценности, имеющей различные функции. Понятие «Toleranz» является преимущественно коммуникативной категорией, которая ввиду непонимания и отсутствия точного определения подвергается критике носителей лингвокультуры.

Ключевые слова: ценность, свободный ассоциативный эксперимент, немецкая лингвокультура, толерантность, понятие

Для цитирования: Хлопова А. И. Содержание понятия «Toleranz» в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 57–65. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_57

Original article

Content of the Concept of “Tolerance” in German Linguoculture

Anna I. Khloпова

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

chloпова_anna@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to establish the content of the concept of “Toleranz” in German linguistic culture. The study is based on a comparison of data from lexicographic sources and the results of an associative experiment. The results obtained showed that in the minds of German speakers there is no clear idea about the concept under study, it is perceived by them as an imposed value that has various functions. It is rather a communicative category, which, due to misunderstanding and lack of a precise definition, is criticized by the carriers of linguistic culture.

Keywords: value, free associative experiment, German linguistic culture, tolerance, concept

For citation: Khloпова, A. I. (2023). Content of the concept of “Tolerance” in German linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 57–65. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_57

ВВЕДЕНИЕ

Толерантность является одним из наиболее спорных понятий конца XX – начала XXI веков. Понятие «толерантность» появилось в мировой культуре в XVI веке и трактовалось изначально как «веротерпимость». Однако со временем оно значительно изменило свое значение. Ученые обращаются сегодня к исследованию политической толерантности, межкультурной, миграционной, ментальной и т. д. Толерантность является объектом исследования философов, социологов, лингвистов. Понятие «толерантность» Е. А. Сумина называет лингвокультурным концептом (2007), Е. Ю. Шамсутдинова – коммуникативной категорией (2006), Н. И. Формановская – особым коммуникативным механизмом (2004). При этом ученые отмечают межличностную и коммуникативную направленность существования этого понятия. Наличие культурно-обусловленного содержания и национально-культурной специфики этого понятия в разных социумах подчеркивает С. Г. Воркачев (2007). Ученые признают также тесную связь толерантности с этическими и моральными нормами и правилами коммуникации. Однако вопрос, является ли *толерантность* ценностью, остается до сих пор спорным. Исследуя концепт «толерантность», И. А. Стернин утверждает, что «базой для формирования толерантной установки является сформированность концепта *толерантность* в сознании человека и, прежде всего, в его коммуникативном сознании» [Стернин, 2003, с. 331].

Целью данной статьи является установление актуального содержания понятия «толерантность» в немецкой лингвокультуре. Несмотря на то, что в 1995 году на 28-й Генеральной конференции ЮНЕСКО «толерантность» была признана «общеевропейской ценностной константой», представляется целесообразным установить, можно ли определить данное понятие как ценность, а значит, установить сформированность или несформированность означенного понятия в сознании представителей лингвокультуры.

Для достижения поставленной цели мы сопоставляем данные лексикографических источников и результаты свободного ассоциативного эксперимента.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования мы используем данные лексикографических источников (для установления инвариантного значения), а также данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями немецкой лингвокультуры

в 2022 году. Роль свободного ассоциативного эксперимента подчеркивается многими лингвистами: «Свободный ассоциативный эксперимент стал в отечественной психолингвистике одним из основных методов сбора эмпирических данных при моделировании ассоциативного поля, которое, в свою очередь, используется для решения самых разных теоретических и прагматических задач» [Пищальникова и др., 2019, с. 3]. Ассоциативный эксперимент проводился в форме google-анкет в 2022 году. Условия проведения эксперимента стандартные: респонденты должны были реагировать на 15 слов-стимулов первым пришедшим на ум словом. Одним из стимулов было слово *Toleranz*. Всего в эксперименте приняли участие 600 носителей немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. На основе анализа всего массива ассоциатов можно установить стратегии ассоциирования. Актуализация, как правило, происходит на основе четырех признаков: понятийного, эмоционально-оценочного, предметного и операционального. Ввиду большого количества разнородных реакций-представлений мы выделяем на их основе дополнительные интегративные признаки.

ПРОВЕДЕННЫЙ АНАЛИЗ

Слово *Toleranz* происходит от латинского *tolerantia* «способность терпеть, терпение, снисходительность». Оно появилось в немецком языке в середине XVI века и означало «терпимость», позже – «уважение, великодушие, непредубежденность», а с XIX века также «допустимое отклонение от того, что принято». Данные этимологического словаря отмечают изменения в значении исследуемого слова, которые проявляются в появлении нового, специального значения¹.

Сопоставляя представленные выше дефиниции, отметим, что слово *Toleranz* представлено в толковых словарях немецкого языка в трех значениях: 1) *Duldsamkeit, tolerante Gesinnung* (терпимость, толерантное отношение); 2) *zulässige Abweichung von einem vorgeschriebenen Maß* (допустимое отклонение от установленной меры); 3) *physische Widerstandsfähigkeit* (физическая переносимость)².

¹ Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Toleranz – Schreibung, Definition, Bedeutung, Etymologie, Synonyme, Beispiele // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/Toleranz>

² Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976. URL: Toleranz – Schreibung, Definition, Bedeutung, Etymologie, Synonyme, Beispiele // DWDS ; Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1986. 1493 S. ; Paul H. Deutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. 1130 S. ; DUDEN. Universalwörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/>

Однако объяснение слова *Toleranz* при помощи слова *Duldsamkeit* представляется не вполне однозначным ввиду того, что его также можно толковать по-разному. Неоднозначным является также определение «толерантное отношение». Такие определения не объясняют слово и не показывают его в речевом контексте, они являются лишь попыткой перевода заимствованного слова на родной язык и свидетельствуют о неприсвоенности слова. Дефиниции, представленные только в двух словарях (Paul, 1992; Duden, 1998), представляют *толерантность* как *уважение чужого мнения и готовность принимать его*.

Однако, на наш взгляд, лексикографические источники не показывают реальное содержание слова и не могут зафиксировать динамику значения слова. Это возможно установить только на основе исследования реализации слова в контексте, а также в речевой деятельности носителей лингвокультуры. Поэтому на основе словарей Duden и The Free Dictionary выделим те актуальные признаки, которые устойчиво воспроизводятся в синтагматике исследуемой лексемы, разделив их на группы, соответствующие структурным компонентам значения слова (всего 36)¹.

Понятия – 2 лексемы (5,5 %):

verstanden (поняты)
Verständnis (понимание)

Понятийные реакции синонимичны исследуемому понятию согласно словарю синонимов немецкого языка². *Толерантность* трактуется в данном случае как понимание другого мнения, восприятие его наличия, что частично соответствует дефинициям, представленным в толковых словарях.

Представления

- призыв к толерантности – 8 лексем (22 %):

aufrufen (призывать)
einfordern (требовать)
erziehen (воспитывать)
lehren (учить)
fordern (требовать)
Offenheit (открытость)

plädieren (выступать за что-то)
predigen (проповедовать, поучать)
werben (рекламировать);

- толерантность как ценность – 6 лексем (17 %):

Demokratie (демократия)
Freiheit (свобода)
Liberalität (либеральность)
Menschlichkeit (человечность, гуманность)
Respekt (уважение)
Tradition (традиция);

- искусственный характер толерантности – 6 лексем (17 %):

demonstrieren (демонстрировать)
eintreten (ввести)
fördern (поддерживать, поощрять)
Fremdwort (иностранное слово)
praktiziert (внедренный)
sprichwörtlich (пресловутый);

- толерантность между людьми – 4 лексемы (11 %):

gegenseitig (по отношению друг к другу)
interreligiös (межконфессиональный)
konfessionell (конфессиональный)
multikulturell (многокультурный);

- отрицательное отношение к толерантности – 3 лексемы (8 %):

falsch (неправильно)
nullen (обнулять)
repressiv (репрессивный, подавляющий);

- проявление толерантности – 2 лексемы (5,5 %):

oral (устная)
üben (упражняться);

- религиозная толерантность – 2 лексемы (5,5 %):

Geist (дух)
religiös (религиозный)
weltanschaulich (идеологический);

- масштабы толерантности – 2 лексемы (5,5 %):

Grenze (граница)
grenzenlos (безграничная);

Toleranz; DUDEN. Das Bedeutungswörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2002. 1103 S.

¹ DUDEN. Universalwörterbuch. 2022, October 19. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung>; The Free Dictionary. 2022, October 20. URL: <https://de.thefreedictionary.com/toleranz>

² Duden. Synonymwörterbuch. 2022.

- наличие толерантности в обществе – 1 лексема (3 %):

gelebt (живая).

Прежде чем анализировать сочетаемость лексемы *Toleranz*, необходимо отметить, что выделенные интегративные признаки с одной стороны представляют эту лексему как положительную (48 % от общего количества реакций), с другой – как отрицательную (52 % от общего количества реакций). 17 % от общего количества лексем представляют *толерантность* как ценность, которая находится в одном ряду с такими гражданскими ценностями как демократия, свобода, либеральность, человечность, уважение. В предыдущих исследованиях нами было доказано, что ассоциативные поля ценностей пересекаются между собой. Данное обстоятельство позволяет считать исследуемое понятие ценностью. Однако следует отметить, что упомянутые ценности не входят в ранг морально-этических, а *толерантность* понимается в том числе как политическая и правовая потребность, которая формируется на основе признания основных свобод человека. 8,5 % от общего количества лексем свидетельствуют о необходимости толерантности для эффективного коммуникативного контакта. Несмотря на то, что изначально понятие «толерантность» было применимо в религиозной сфере и понималось в том числе как «умение принять прежде всего религиозные отличия», что отмечено и на основе современной лексической сочетаемости (5,5 % от общего количества реакций), в XXI веке, когда интенсивно развиваются различные этнокультурные контакты, именно *толерантность* призвана быть своеобразной основой для межличностного общения и социального взаимопонимания. Однако существование толерантности как фактора социальной коммуникации также не дает возможность говорить о *толерантности* как о ценности. В таком случае *толерантность* является скорее коммуникативной категорией и участвует в организации коммуникативного процесса. Определение границ толерантности невозможно, а ее существование в обществе представляется важным и необходимым. В то же время следует отметить чрезвычайно противоречивый и амбивалентный характер исследуемого понятия: «толерантность – одна из самых противоречивых ценностей современного общества» [Хомяков, 2003, с. 25]. Такой вывод можно сделать и на основе лексической сочетаемости. Наибольшее количество лексем (22 % от общего количества) объединены признаком «призыв к толерантности». Ценности, принимаемые в обществе как характерные и

важные, априори не нуждаются в популяризации или пропаганде. Являясь базой существования индивида и этноса, они признаются как «основные жизненные смыслы, которыми индивиды руководствуются в своей повседневной жизни, которые определяют отношение индивидов к окружающей их действительности и определяют модели социального поведения» [Андреева и др., 2014, с. 92]. Люди предпочитают поступать в соответствии со сложившейся в социуме и одобряемой им системой ценностей, что определяет их социальный комфорт. Лексемы, объединенные интегративным признаком «искусственный характер толерантности», напротив, указывают на непонимание исследуемого понятия, о чем свидетельствует в том числе лексема *Fremdwort* (иностранное слово), а также на несформированность этого понятия в коммуникативном сознании носителей языка, на непризнание его в качестве ценности. Сочетаемость лексем характеризует *толерантность* как понятие насилие вводимое и даже внедряемое в общество. Кроме того, сочетаемость лексемы указывает на неестественный и показной характер толерантности (5,5 % от общего количества реакций), которая насилие прививается обществу. 8 % лексем свидетельствуют об отрицательном отношении к толерантности, респонденты считают ее фальшивой, насильственной, что не может быть характеристикой ценности, которая должна иметь исключительно положительный характер.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Чтобы установить психологически актуальное содержание понятия «Toleranz» в немецкой лингвокультуре, обратимся к данным проведенного с немецкими респондентами свободного ассоциативного эксперимента.

Понятия – 353 реакции:

Akzeptanz (принятие)	116
Respekt (уважение)	97
Offenheit (открытость)	77
Intoleranz (нетолерантность)	46
Rassismus (расизм)	4
akzeptieren (учитывать)	2
Verständnis (понимание)	2
Achtung (внимание)	
Anerkennung des Menschseins (признание человеческой сущности)	
Annehmen (принятие)	
Beziehung (отношение)	
Duldsamkeit (терпимость)	
Empathie (эмпатия)	

Erduldung (терпение)
 forgiveness (прощение)
 Geduld (терпение)
 Kompromiss (компромисс)

59 % от общего количества реакций – понятия. Такое значительное количество понятийных реакций свидетельствует о непонимании, непринятии толерантности. Респонденты дают в качестве реакций синонимичные или близкие по значению слова. О неусвоенности понятия свидетельствует неодинаковость таких реакций. Респонденты определяют *толерантность* понятиями, которые не имеют одного и того же значения, поскольку относятся к разным категориям. Поэтому объединить реакции-представления на слово-стимул *Toleranz* с помощью интегративных признаков не представляется возможным. Различные идейные установки категории толерантность отмечают также А. В. Ленец и Н. Г. Терюха [Ленец, Терюха, 2019]. 8,3 % от общего количества реакций – антонимы. Следует отметить, что антоним *Intoleranz* (*нетолерантность*) (7,6 %) является однокоренным, а значит, формальным, неосознанным.

Представления:

- толерантность как ценность – 169 реакций:

wichtig (важный)	69
Gleichheit (равенство)	66
Liebe (любовь)	4
notwendig (необходимый)	4
Tugend (добродетель)	3
essenziell (существенный)	2
Freundlichkeit (дружелюбие)	2
Grundwert (базовая ценность)	2
selbstverständlich (само собой разумеется)	2
ein hohes Gut (высшее благо)	
frei (свободный)	
Freiheit (свобода)	
Friede (мир)	
Frieden (мир)	
Gutmütigkeit (добродушие)	
Höflichkeit (вежливость)	
Intelligenz (ум)	
Menschlichkeit (человечность)	
Notwendigkeit (необходимость)	
Ruhe (спокойствие)	
Sanftmut (мягкость)	
sehr sehr wichtig (очень-очень важно)	
Vergebung (прощение)	
Vertrauen (доверие)	
Werte (ценности)	

Wertschätzung (оценка ценностей)
 Wichtigkeit (важность)

- искусственный характер толерантности / неоднозначный характер толерантности – 14 реакций:

Ambiguität (двусмысленность, неоднозначность) 2
 bedingt (условно)
 Definitionssache (вопрос дефиниции)
 Demonstration (демонстрация)
 Druck (давление)
 Gesellschaftskitt (социальный цемент)
 kann man lernen (можно научиться)
 Machbarkeit? (осуществимость?)
 Neugier (любопытство)
 Nur etwas (только что-то)
 situationsbedingt (обусловлен ситуацией)
 übertreiben (преувеличивать)
 vielleicht (возможно)

- толерантность между людьми – 12 реакций:

Menschen (люди)	3
Gesellschaft (общество)	2
miteinander (по отношению друг к другу)	2
alle (все)	
Ausländer (иностранец)	
beidseitig (с обеих сторон)	
gemeinsam (вместе)	
Mensch (человек)	

- призыв к толерантности – 6 реакций:

Muss bestehen bleiben (нужно сохранить)	2
sollte jeder haben (должна быть у каждого)	2
Muss jeder haben (должен иметь каждый)	
sollte unbedingt sein (обязательно должна быть)	

- толерантность как важное качество человека – 5 реакций:

Charakterstärke (сила характера)
 Fairness (честность)
 Fertigkeit (умение)
 Offen (открытый)

- толерантность как принятие разнообразных проявлений – 5 реакций:

Diversität (разнообразие)	2
fördert Diversität (способствует разнообразию)	
für Vielfältigkeit (для разнообразия)	
Vielfalt (разнообразие)	

- масштабы толерантности – 6 реакций:

Grenze (граница) 2
 ausbaubar (расширяемый)
 gering (небольшое количество)
 Nicht uneingeschränkt (не безграничен)
 weitgehend (далеко идущий)

- сексуальная толерантность – 5 реакций:

LGBTQ (ЛГБТК) 2
 Regenbogen (радуга) 2
 Berlin (Берлин)

- толерантность как основа отношений – 5 реакций:

Fundament (фундамент)
 Grundlage (основа)
 grundlegend (фундаментальный)
 respektvoll (преисполненный уважения, уважающий)
 Voraussetzung fürs Leben (предпосылка для жизни)
 wichtiger Bestandteil des Lebens (важная часть жизни)

- религиозная толерантность – 3 реакций:

Religion (религия) 3

- сопутствующие толерантности социальные явления – 3 реакции:

Flüchtlingskrise (миграционный кризис)
 Migration (миграция)
 Zusammenhalt (сплоченность)

- политическая толерантность – 2 реакции:

Politik (политика) 2

- толерантность как составляющая культуры – 2 реакции:

Kultur (культура)
 Kulturen (культуры)

- проявление толерантности – 2 реакции:

Gleichgültigkeit (равнодушие)
 Schweigen (молчание)

- принятие болезненной зависимости – 1 реакция:

Alkohol (алкоголь)

- место существования толерантности – 1 реакция:

Schule (школа)

Эмоционально-оценочные реакции

- положительное отношение к толерантности – 3 реакции:

gut (хорошо)
 Gutmensch (благодетель)
 ja (да)

- отрицательное отношение к толерантности – 10 реакций:

Blödsinn (глупость)
 gegen (против)
 gibt es nicht (ее нет)
 Schwäche (слабость)
 Stress (стресс)
 aber gefährlich (но опасна)
 kann ausgenutzt werden (может быть использована)
 Wohl kaum (нет ее) .

Данные ассоциативного эксперимента частично совпадают с результатами анализа лексической сочетаемости и свидетельствуют об определенно неоднозначном характере исследуемого понятия. 28 % от общего количества реакций представляют *толерантность* как категорию ценностную в соответствии с выводами, полученными при анализе лексической сочетаемости. Респонденты ставят *толерантность* в один ранг с морально-этическими ценностями: с любовью, миром, доверием и др., отмечая при этом аксиологический характер исследуемого понятия. Ядерная реакция *wichtig* (11,5 % от общего количества реакций) интенсифицирует важную роль толерантности для опрошенных респондентов. Кроме того, реакции, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, представляют *толерантность* как важное качество человека, благодаря которому строится коммуникация между людьми. Поэтому *толерантность* является основой бесконфликтных человеческих отношений и функционирования культуры в целом, что было отмечено на основе анализа сочетаемости лексики.

В качестве объекта толерантности респонденты называют людей и общество в целом, а также иностранцев (1 реакция). Такое незначительное

количество реакций представляется неожиданным ввиду того, что проблема мигрантов в современной Германии в 2022 году особенно актуальна. В качестве референта терпимости выступают также представители сексуальных меньшинств, о чем свидетельствует 1 % от общего количества реакций. Повсеместно известно «толерантное отношение» представителей немецкой лингвокультуры к геям и лесбиянкам, а также традиционный гей-парад, проводимый в Берлине. Однако количество таких реакций незначительно (1 % от общего количества реакций), что позволяет сделать иные выводы: нейтральное или негативное отношение к представителям сексуальных меньшинств воспринимается преимущественно как норма. Отметим, что реакции *Gleichgültigkeit* (равнодушие) и *Schweigen* (молчание) свидетельствуют об уравнивании понятий «равнодушие», «молчание» и «толерантность».

1 % от общего количества реакций представляет *толерантность* как качество, благодаря которому индивид способен принимать «инаковость» других индивидов, что отмечалось и в дефинициях толковых словарей. Отметим, однако, что характер такого восприятия может быть различным: пассивным или активным. При пассивном восприятии «инаковости» возникает необходимость терпеть то, что неприятно индивиду, становится податливым. Активный характер связан с заинтересованностью индивида в чужом мнении и решении. С. С. Тахтарова, исследуя концепт «*Toleranz*», уравнивает *заинтересованность* и *толерантность* и находит *толерантность* важной частью этикета и правил вежливого поведения [Тахтарова, 2008]. Однако, на наш взгляд, *толерантность* невозможно приравнять ни к понятию *терпение*, ни к понятию *заинтересованность*. Терпение носит насильственный характер, но не может считаться ценностью. При терпеливом отношении предполагается «внутренняя реорганизация взглядов и представлений, существующих в сознании толерирующего субъекта, а также неизбежное изменение и приспособление к существующей системе “инаковости”» [Валитова, 1997, с. 76]. Заинтересованность, являясь временной характеристикой индивида, также не сопоставима с *толерантностью*.

Реакции, объединенные признаком «искусственный характер толерантности» (2,3 % от общего количества реакций) подтверждают неоднозначность исследуемого понятия и полное его непонимание респондентами. При этом респонденты указывают на насильственное прививание этого понятия обществу и считают его частью идеологии, «выражающей интересы только определенных социальных групп и задающей программу действий для власти» [Макаревич, 2016, с. 135]. На

это указывают реакции, объединенные интегративными признаками «искусственный / неоднозначный характер толерантности», «призыв к толерантности», «показной характер толерантности». *Толерантность* респонденты считают социальным цементом, функцией которого является объединение общества единой идеей толерантности.

Последствия толерантности также неоднозначны для опрошенных респондентов. С одной стороны, *толерантность*, будучи провозглашенной ценностью, имеет консолидирующую функцию и призвана объединять общество, с другой – она может привести к недовольству большим количеством иностранцев в стране. Согласно данным, полученным в ходе проекта FEMAGE, носители немецкой, финской, эстонской, австрийской, польской, словенской, чешской лингвокультуры не довольны большим наплывом иностранцев. Недовольство преимущественно относится к конкуренции на рабочем рынке, к роли женщины в обществе, к праву голоса на выборах и т.д. При этом доказано, что 2/3 из 21000 опрошенных респондентов не относятся к мигрантам толерантно [Mangelnde Toleranz gegenüber Immigranten in Europa, 2022].

Несмотря на то, что в ассоциативном эксперименте выделено незначительное количество эмоционально-оценочных реакций, отрицательные реакции преобладают. Респонденты считают *толерантность* глупой (*Blödheit* – *глупость*), полагают, что ее можно использовать не во благо, а также указывают на ее отсутствие в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к полученным результатам, отметим, что данные анализа лексической сочетаемости и ассоциативного эксперимента сопоставимы. Полученные данные свидетельствуют о неоднозначном характере исследуемого понятия, которое, с одной стороны, понимается как ценностная категория, сопоставимая с такими ценностями как дружба и любовь. Она является чрезвычайно важной для коммуникации. В то же время она не понимается и не принимается обществом. Данные ассоциативного эксперимента показали, что в сознании носителей немецкого языка нет четкого представления об исследуемом понятии, оно осознается ими в качестве навязанной ценности, имеющей различные функции, в том числе консолидирующую. Несмотря на то, что *толерантность* в принципе способствует плодотворному межличностному общению, она является, скорее, коммуникативной, нежели ценностной, категорией, которая ввиду отсутствия точного определения подвергается критике носителей лингвокультуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стернин И. А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. С. 324–337.
2. Пищальникова В. А. [и др.]. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / В. А. Пищальникова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. С. Панарина, Н. С. Степыкин, А. И. Хлопова, С. Н. Шевченко. М.: Р-Валент, 2019.
3. Хомяков М. Б. Философские аспекты проблемы толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2003. С. 15–29.
4. Андреева Е. Л. [и др.]. Изменение ценностных установок модернизируемого общества / Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер, П. Л. Глухих // Ценности и смыслы. 2014. Вып. 1 (29). С. 89–100.
5. Ленец А. В., Терюха Н. Г. Коммуникативно-прагматическая категория «толерантность» как ценностная константа в современной немецкой лингвокультуре (на материале газеты «Die Zeit») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. Вып. 4. С. 5–14.
6. Тахтарова С. С. Концепт 'Toleranz' в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. Вып. 1. С. 64–71.
7. Валитова Р. Р. Толерантность как этическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
8. Макаревич Э. Ф. Идеология как единство ценностей // PolitBook. 2016. Вып. 3. С. 134–150.
9. Mangelnde Toleranz gegenüber Immigranten in Europa // CORDIS. Forschungsergebnisse der EU. 2022, November 26. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/27170-eu-project-finds-low-levels-of-immigration-tolerance-around-europe/de>

REFERENCES

1. Sternin, I. A. (2003). Tolerantnost' i kommunikaciya = Tolerance and communication. In: Philosophical and linguoculturological problems of tolerance. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU. P. 324–337. (In Russ.)
2. Pishchal'nikova, V. A. et al. (2019). Associativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics: monograph / V. A. Pishchal'nikova, K. S. Kardanova-Biryukova, N. S. Panarina, N. S. Stepykin, A. I. Khlopova, S. N. Shevchenko. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
3. Khomyakov, M. B. (2003). Filosofskie aspekty problemy tolerantnosti = Philosophical aspects of the problem of tolerance. In Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti (pp. 15–29). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
4. Andreeva, E. L., Ratner, A. V., Gluhikh, P. L. (2014). Izmenenie cennostnykh ustanovok moderniziruemogo obshchestva = Changing the value orientations of a modernized society. Values and meanings, 1(29), 89–100. (In Russ.)
5. Lenets, A. V., Teryukha, N. G. (2019). The communicative and pragmatic category of tolerance as a value constant in modern German linguoculture: the case of the newspaper Die Zeit. Philology, pedagogy, and psychology, 4, 5–14. (In Russ.)
6. Takhtarova, S. S. (2008). The concept «tolerance» in the German linguo-culture. Issues of Cognitive Linguistics, 1, 64–71. (In Russ.)
7. Valitova, R. R. (1997). Tolerantnost' kak eticheskaya problema = Tolerance as an ethical issue: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Makarevich, E. F. (2016). Ideology as a unity of values. PolitBook, 3, 134–150. (In Russ.)
9. Mangelnde Toleranz gegenüber Immigranten in Europa. (2022, November 26). CORDIS. Forschungsergebnisse der EU. <https://cordis.europa.eu/article/id/27170-eu-project-finds-low-levels-of-immigration-tolerance-around-europe/de>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка

доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khloпова Anna Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German language

Associate Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Leading Researcher of the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	24.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	30.01.2023	accepted for publication

КОММУНИКАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_66

Эмодзи как средство проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков)

Лю Цици^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, 602680780@qq.com

²Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Китай

Аннотация. В статье рассматриваются эмодзи, представляющие собой средство проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации. Исследование проводится на материале русского и китайского языков в приложениях ВКонтакте и Sina Weibo. На основе использования методов компонентного и контекстного анализов выявлены функции эмодзи и роль контекста в интернет-коммуникации. Доказано, что эмодзи участвуют в формировании неpolitкорректных регистров межличностного общения, отражая многогранность эмоциональности как общечеловеческой и этноспецифичной реалии.

Ключевые слова: эмодзи, речевая агрессия, интернет-коммуникация, контекст, функции

Для цитирования: Лю Цици. Эмодзи как средство проявления агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 66–70. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_66

Original article

Emoji as a Manifestation Means of Verbal Aggression in Russian and Chinese Internet Communication

Liu Qiqi^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, 602680780@qq.com

²Xinjiang Normal University, Urumqi, China

Abstract. The article deals with emoji, which is a means of manifestation of verbal aggression in Internet communication. The study is conducted on the material of the Russian and Chinese languages in the VK and Sina Weibo applications. The study reveals the functions of emoji and the role of context in Internet communication based on the component and contextual analyses. It is shown that emoji participate in the formation of non-politically correct registers of interpersonal communication, reflecting both universal and ethnically specific realities.

Keywords: emoji, verbal aggression, Internet communication, context, functions

For citation: Liu Qiqi. (2023). Emoji as a manifestation means of verbal aggression in Russian and Chinese internet communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 66–70. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_66

ВВЕДЕНИЕ

С бурным развитием Интернета такие платформы социальных сетей, как Facebook, Twitter, Instagram, ВКонтакте, Wechat, Weibo (микроблог), постепенно стали значимыми площадками для обмена информацией между людьми. В связи с этим обмен информацией между пользователями социальных сетей становится все более удобным, формы общения становятся все более разнообразными, содержание общения приобретает все новые характеристики. Как отмечает В. И. Карасик, «практика компьютерных эхо-конференций свидетельствует о том, что предпринимаются попытки, с одной стороны, каким-то образом зафиксировать эмоциональное настроение отправителя речи в виде 'смайлика' – комбинированного пунктуационного знака, изображающего человеческое лицо, а с другой стороны, в информационном обмене резко возрастает роль гипертекста, т. е. вспомогательного инструментария, позволяющего ускорить получение нужной информации» [Карасик, 2004, с. 349]. В интернет-коммуникации текст, голос, картинки, эмодзи и др. являются основными носителями для обмена информацией между пользователями. Среди них особенно заметно использование и развитие эмодзи, они постепенно превращаются в один из основных языков общения в интернет-коммуникации. По мнению О. В. Дубровской, «эмодзи – язык идеограмм и смайлов, используемый в электронных сообщениях и на веб-страницах для выражения идеи или эмоции» [Дубровская, 2016, с. 102]. Состав эмодзи, или смайлов (от англ. smiley – «улыбающийся»), постоянно пополняется по мере роста числа цифровых резидентов и пользователей социальных сетей на смартфонах, с их помощью выражают такие эмоции, как радость, удивление, печаль, но в специфических контекстах их также используют для проявления речевой агрессии.

В этой связи большой интерес представляют комментарии к публикациям 新浪体育 (Спорт Sina), который разместил в микроблоге Sina (Sina Weibo)¹ новость о том, что на олимпийских соревнованиях по художественной гимнастике в Токио чемпионкой стала израильская спортсменка Лина Ашрам из Израиля, а представительница Олимпийского комитета России Дина Аверина заняла 2-е место, а также информация об этом событии на официальной странице Международного Олимпийского комитета России в ВКонтакте². Обе публикации вызвали большое количество

откликов читателей, которые представляют собой исключительно информативный объект исследования, именно с точки зрения проявления агрессии и использования эмодзи в интернет-общении. Данное исследование было осуществлено в соответствии с критериями А. И. Михайловой, согласно мнению которой, «в структуре агрессивного действия (или поведения) важными являются цель (стимул и установка) субъекта и негативное последствие, заключающееся в причинении объекту физического или эмоционального ущерба, вреда» [Михайлова, 2018, с. 58].

Методологическими источниками исследования послужили многочисленные публикации по проблемам речевой агрессии (Щербинина, 2013; Potapova et al., 2021; Комалова, 2016; Радченко, 2009; Курьянова, 2018; Михайлова, 2018), а также работы, посвященные феномену эмодзи (Danesi, 2016; Дубровская, 2016; Крылов, 2017). Цель данной статьи заключается в выявлении функций эмодзи в агрессивной китайско- и русскоязычной интернет-коммуникации, а также в рассмотрении семантики эмодзи в различных контекстах интернет-коммуникации. Актуальность исследования обусловлена интересом современного языкознания к интернет-дискурсу, к речевой агрессии в разных сферах жизни и другим вопросам, которые непременно возникают в процессе изучения эмодзи.

РЕАЛИЗАЦИЯ АГРЕССИИ ПРИ ПОМОЩИ ЭМОДЗИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Сетевое общение – это своего рода общение на виртуальной сцене, которая, по сути, является моделированием реальной жизни. Вербальное общение в такой среде также является отображением реального вербального общения. Без привлечения паралингвистических компонентов участники сетевой коммуникации были бы вынуждены вести довольно однообразный полилог, набирая текст на клавиатуре. Появление эмодзи кардинально изменило характер межличностного общения в Интернете. Поскольку в повседневной жизни в общении между людьми часто употребляются междометия, различные интонации, жесты и другие средства имплицитного или явно декодируемого выражения эмоционального состояния, подобный инструмент был необходим и в виртуальной интернет-коммуникации, в которой эмодзи, правда, лишь отчасти выполняли функцию передачи эмоции. По мнению известного канадского лингвиста, специалиста в области семиотики Марселя Данези, одна из основных функций эмодзи – фатическая (phatic function), «их (эмодзи) основное назначение – поддерживать дружеское и

¹ URL: https://weibo.com/1638781994/Ksn1Kic3W?refer_flag=1001030103_&type=comment#_rnd1648030398194

² URL: https://vk.com/id692180070?w=wall-48940689_1098493

веселое общение» [Danesi, 2016, с. 20]. Но в агрессивном интернет-дискурсе эмодзи способны и на иное – повысить степень агрессии и стать заменой вербальных средств ее выражения.

Когда сетевые резиденты пишут комментарии, они не видят и не слышат друг друга, а эмодзи служат имитацией интонации и жеста. Они не только являются носителями эмоции и смысла, но и ассоциируются с мимикой авторов, что делает виртуальные посты более выразительными. Коммуниканты стремительно создают с их помощью гармоничную атмосферу, чтобы реализовать свои коммуникативные цели. Но в агрессивном дискурсе эмодзи скорее носят дисгармоничный характер и повышают накал агрессии. Это подтверждают следующие примеры русских и китайских комментариев анализируемой ситуации:

- 1) 政治元素玷污了奥林匹克精神! 🗨️ – Политические элементы испортили олимпийский дух! 🗨️
- 2) 充斥着政治意味的体育令人作呕 🤢 – От спорта с политическим оттенком меня тошнит 🤢
- 3) 裁判瞎了 🤡 – Судья слеп 🤡
- 4) Судей на мыло! 🤡🤡🤡👉👉👉
- 5) A ответил B: Заткнись, в каждой бочке затычка
B ответил A: А твоей в жо 🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡

Поскольку в разных приложениях одни и те же эмодзи изображаются по-разному и в различных культурах одни и те же эмодзи могут обладать различным смыслом, важно сопоставить эмодзи по стандарту кодирования символов Юникод (Unicode)¹. Этот стандарт предложен некоммерческой организацией «Консорциум Юникода», которая устанавливает унифицированную и уникальную двоичную кодировку для каждого символа в каждом языке, чтобы соответствовать требованиям межъязыкового и кроссплатформенного преобразования.

К. А. Попова отмечает в этой связи, что «эмотиконы служат не только для изображения мимики, которую не может увидеть интернет-собеседник, но и как некоторые символы, сами по себе имеющие значение» [Попова, 2021, с. 184]. Эмодзи «👉» и «👇» (большой палец вниз) связаны с отказом, ужасом, дизлайком и смертью. Эмотикон «🤢» и «🤡» (рвущее лицо с открытым ртом) ассоциируется с тошнотой, рвотой и отравлением. «🤡» и «🤡» (лицо, надувшее губы) означают злость, ярость,

гнев, ненависть, негодование и бешенство. «👉» (развернутая рука с выставленным средним пальцем) заменяет известное вульгарное выражение. В приведенных комментариях эти эмодзи вполне выразительно представляют эмоции говорящего и подчеркивают степень агрессивности поста. Пользуясь подобными эмодзи, автор комментария стремится причинить реципиенту как можно больше психологического ущерба.

В то же время, для виртуального общения справедливо ставшее уже хрестоматийным суждение А. А. Реформатского: «Люди в речевом общении имеют дело не с изолированными словами, как в словаре, а с целым, где слова выступают в связи с другими словами обстановкой речи» [Реформатский, 2004, с. 112]. Несмотря на многочисленные попытки кодификации, эмодзи представляют собой полисемантические элементы, и в этом отношении к ним применима характеристика агрессивной коммуникации, данная Ю. В. Щербининой: «Определение высказывания как агрессивного или неагрессивного нередко представляется сложным и затруднительным. Квалифицировать высказывание как выражающее агрессию возможно лишь с учетом целого комплекса обстоятельств общения» [Щербинина, 2013, с. 58]. Данная совокупность обстоятельств объясняет, почему в разнообразных контекстах интернет-коммуникации некоторым эмодзи, обладавшим исключительно позитивной или нейтральной эмоциональной окраской, придали агрессивный оттенок, значительно расширив или изменив их интерпретацию. Подобное расширение возможно проследить на следующих примерах интернет-комментариев:

- 6) 这届奥运会好脏 🤡 各种黑幕. – Эта Олимпиада грязная 🤡 разнообразные подоплеки интриги.
- 7) 日韩绝配 天生一对 🤡 – Япония и Корея – идеальная пара 🤡
- 8) 今年看来体育就是政治 🤡 – На этой Олимпиаде доказывается то, что спорт действительно является политикой 🤡
- 9) Сколько шекелей?)))) 🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡🤡
- 10) Какой уровень морального уродства и социальной деградации вы демонстрируете 🤡
- 11) Вот так рушатся олимпийские мечты, судьи – придурки, протесты мы не принимаем, с потерей ставим на первое место, завываем за грязные

¹ URL: <https://unicode-table.com/ru/>

ноги👉 Сложность у Авериных 9,5 баллов, вы понимаете как это много?

Принятые интерпретации эмодзи «😊», «😄», «😁» – «улыбка», «очень радоваться», «до свидания». Обычно «😊» ассоциируется со счастьем и радостью, но в китайской интернет-коммуникации, в особенности среди молодежи, этому эмодзи придали значение недоверия и подозрения.

«Идеальная пара» в бытовой жизни сопровождается восхищением, имеет позитивную эмоциональную окраску, но в данном контексте является средством выражения едкой иронии. Китайские интернет-пользователи полагают, что несправедливое судейство в отношении российских спортсменов на Олимпийских играх в Токио было также характерно в отношении китайских спортсменов на Олимпиаде в Пхенчхане.

По мнению К. А. Поповой, «эмотиконы могут не только изображать эмоцию или выражение лица пишущего, но и полностью менять смысл предложения» [Попова, 2021, с. 102]. Так, эмодзи «😊» обычно используется для завершения диалога, но в данном контексте обозначает разочарование и отвращение. Эмотикон «😄» (лицо со слезами радости) обозначает улыбку, смех, веселье, а выражение «Сколько шекелей (это стоит)?» само по себе не имеет никакой агрессивной коннотации, но в данном случае их комбинация – это намек на то, что Израиль, возможно, дал взятку судьям, чтобы его гимнастка заняла первое место.

«👏» (хлопающие ладони) обычно заменяют аплодисменты, крики «браво», «хорошо», одобрение, подобно эмотикону «👍» (большой палец поднят), который означает чаще всего одобрение, отлично, лайк, пощадку. Однако в примерах 9–11 лексемы «уродство», «деградация», «грязные» привносят в пост отрицательные, иронические и издевательские нотки, и в данном контексте эти эмодзи приобретают характер агрессивного комментария.

Как пишет Ю. В. Крылов, «многие эмодзи функционально экономят время и силы: вставить картинку автомобиля быстрее, чем набирать на виртуальной клавиатуре соответствующее слово» [Крылов, 2017, с. 50]. С одной стороны, использование эмодзи экономит время желающему выплеснуть на просторы Интернета свою негативную энергию; с другой стороны, в агрессивной интернет-коммуникации эмодзи выступают в качестве репрезентантов лексем с агрессивным оттенком либо служат фрагментами фраз, как, например, в следующих комментариях:

12) 美国日本👉 – Америка и Япония👉

13) Судьи👏👏👏👏👏👏!!!!!!👍👍👍👍👍

14) Евреи👏👏

15) 以色列背后不就是美国吗? 这是日本👏帮主人家的党羽啊 – Разве Америка не стоит за Израилем? Япония-припешник помогает прихвостню хозяина

В примере 12 «👏» заменяют «ужасные», слова презрения в адрес Америки и Японии. Используемые в примерах 13–14 эмодзи «👏» и «👍» часто используются как эрзац обценной лексики для выражения недовольства и отвращения. В китайской культуре лексема «走狗» (припешник, прихвостень) часто семантически связана с «подручным злодеем», что добавляет всему посту выразительности. В примере 15 эмодзи.

«👏» заменяет слово «собака», при помощи которого автор комментария недвусмысленно указывает на то, что Израиль и Япония – прихвостни США. В приведенных примерах эмодзи не только служат субститутами вербальных элементов поста, но и придают фразам более выразительный, агрессивный характер за счет уже сложившегося узуса интернет-коммуникации, либо благодаря коннотациям лексем, которые эти эмодзи заменяют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмодзи как относительно новый элемент общения в эпоху Интернета привнесли свежесть и интерес в коммуникацию сетевых резидентов (особенно на социальных платформах). В нередкой для данных платформ агрессивной интернет-коммуникации автор комментария или поста может использовать эмодзи не только для повышения степени агрессии, но и заменять лексемы с агрессивной семантикой либо коннотацией для экономии времени и сил. Интернет-язык в этом отношении представляет собой крайне динамичную среду, демонстрируя влияние различных факторов, в том числе личностного, социального и контекстуального. Изучение эмодзи в пространстве сетевой коммуникации включает не только в рассуждения о порождении смысла, с теоретической или логической точки зрения, но и в актуальные для современной лингвистики дискуссии о характере эволюции виртуальной коммуникации, степени ее предсказуемости и возможностях ее кодификации. Эмодзи как проявление и дитя креативности участников интернет-общения также переживают процессы семантической эволюции, участвуя в формировании неpolitкорректных регистров межличностного общения, отражая тем самым многогранность эмоциональности как общечеловеческой и, в то же время, этноспецифичной реалии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
2. Дубровская О. В. Эмодзи как средство невербальной молодежной коммуникации // Вестник Белорусского государственного университета. Филология. Журналистика. Педагогика. 2016. № 2. С. 101–103.
3. Михайлова А. И. Средства выражения речевой агрессии в русскоязычном песенном дискурсе: прагматический, этический, лингвopsихологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2018.
4. Danesi M. The Semiotics of Emoji. London: Bloomsbury Academic, 2016.
5. Попова К. А. Анализ языковых способов выражения сочувствия в жанре Интернет-комментария в немецком языке: дис... канд. филол. наук. М., 2021.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2004.
7. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2013.
8. Крылов Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 50–52.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Dubrovskaya, O. V. (2016). Emoji as a way of non-verbal youth communication. Vestnik of Belarusian State University. Philology. Journalism. Pedagogy, 2, 101–103. (In Russ.)
3. Mihajlova, A. I. (2018). Sredstva vyrazheniya rechevoj agressii v russkoyazychnom pesennom diskurse : pragmaticheskij, eticheskij, lingvopsihologicheskij aspekty = Means of Expressing Verbal Aggression in Russian Song Discourse: Pragmatic, Ethical, Linguistic and Psychological Aspects: PhD in Philology. Omsk. (In Russ.)
4. Danesi, M. (2016). The Semiotics of Emoji. London: Bloomsbury Academic.
5. Popova, K. A. (2021). Analiz yazykovykh sposobov vyrazheniya sochuvstviya v zhanre Internet-komentariya v nemeckom yazyke = Linguistic ways of expressing empathy in the internet commentary in German: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Reformatskij, A. A. (2004). Vvedenie v yazykovedenie = Introduction to Linguistics: Textbook for Universities. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
7. Shcherbinina, Yu. V. (2013). Rehevaya agressiya. Territoriya vrazhdy = Verbal aggression. Territory of enmity. Moscow: Forum. (In Russ.)
8. Krylov, Yu. V. (2017). Emoji Semantics in Virtual Dialogue. Vestnik of Omsk State Pedagogical University. Humanities, 2 (15), 50–52. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цици

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков
Московского государственного лингвистического университета,
преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков
Синьцзянского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Qiqi

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics, Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University, Lecturer, Department of the Russian Language,
Institute of Foreign Languages, Xinjiang Normal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Вербальные и невербальные средства оценки в блогосфере (на материале китайских блогов культурной направленности)

Лю Юйхань

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
719027619@qq.com

Аннотация. В статье описываются вербальные и невербальные средства оценки существующей в блогосфере культурной направленности Китая. Автор выявляет основные единицы оценки на примере двух типов блогов: официальные блоги учреждений культуры и неофициальные блоги, которые ведет один человек или несколько людей, объединенных одними интересами. Результаты исследования позволили выявить основные закономерности в использовании вербальных и невербальных средств в зависимости от положительной и отрицательной оценки в данных типах блогов.

Ключевые слова: блог, блогосфера, средства оценки, культура, вербальные средства, невербальные средства

Для цитирования: Лю Юйхань. Вербальные и невербальные средства оценки в блогосфере (на материале китайских блогов культурной направленности) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 71–76. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_71

Original article

Verbal and Non-Verbal Assessment Tools in the Blogosphere (based on Chinese cultural blogs)

Liu Yuhan

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
719027619@qq.com

Abstract. The article describes verbal and non-verbal assessment tools in the contemporary Chinese blogosphere of a cultural strand. The author points out main assessment tools based on two types of blogs: official cultural institutions blogs and non-official blogs, written by a person or a group of people who share the same interests. The results of the research allowed to discover the main patterns in the use of verbal and non-verbal tools depending on positive and negative assessment in these types of blogs.

Keywords: blog, blogosphere, assessment tools, culture, verbal tools, non-verbal tools

For citation: Liu Yuhan. (2023). Verbal and non-verbal assessment tools in the blogosphere (based on Chinese cultural blogs). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 71–76. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_71

ВВЕДЕНИЕ

Неотъемлемым компонентом современной блогосферы является реакция подписчиков на информацию, размещенную в блоге. Эмоциональные оценки означенной информации выражаются, как правило, в комментариях. При определении термина «оценка» мы исходим из положений исследователей Д. Томпсона и С. Ханстона, согласно которому оценка включает взгляды, отношения и чувства автора / говорящего по отношению к объекту или предложению [Thompson, Hunston, 2000]. В современной китайской интернет-лингвистике распространено мнение о том, что:

с现实社会中的传统语言交流相比, 网络交流可以让人们不受时间和空间的限制, 促进“地球村”的形成 [王盈秋, 2005]. – Интернет-коммуникация по сравнению с традиционным вербальным общением в реальном обществе позволяет людям общаться без ограничений во времени и пространстве, стимулирует формирование глобальной деревни¹.

Граждане в интернет-общении используют язык, который уже сформировался в виде нового языка – интернет-языка. Этот язык имеет свои особенности: он зависит от визуального представления, и в то же время имеет произвольность разговорного стиля языка и смешивает различные символические выражения [施春宏, 2010]. Возможности современной интернет-коммуникации позволяют выразить оценку с помощью вербальных и невербальных средств. Ху Вэньчжун определяет эти виды средств следующим образом:

Язык, распространенный среди пользователей сети в интернет-коммуникации, уже сформировал свою новую форму – интернет-язык. Ее особенностью является то, что язык полагается на визуальное представление, и в то же время имеет произвольность разговорного стиля языка и смешивает различные символические выражения [施春宏, 2010]. Возможности современной интернет-коммуникации позволяют выразить оценку с помощью вербальных и невербальных средств. Ху Вэньчжун определяет эти виды средств следующим образом:

Все, что не является языком, называется невербальным общением [胡文仲, 1999, с. 94–95]. – Все коммуникативные действия, в которых не используется язык, в совокупности называются невербальной коммуникацией.

Оценочная позиция в эмоциональном отношении может быть положительной, а также отрицательной; может быть прямой, а также косвенной [杨信彰, 2003]. – Оценка может быть положительной или отрицательной, может быть выражена прямо или эвфемистически.

Блогосфера культурной направленности Китая насчитывает большое количество блогов, которые условно можно отнести к двум типам:

официальные блоги учреждений культуры и индивидуальные блоги, т. е. блоги, которые ведет один человек или несколько людей в соответствии со своими интересами. В случае если аккаунт блога используется несколькими людьми, в конце публикации часто отмечают автора каждой публикации и в описании аккаунта блога размещается информация об участниках блога. Содержание публикаций неофициального блога, который ведет один человек, зависит от личной позиции блогера и разделяемых им ценностей. А блог, управляемый несколькими людьми, в определенной степени позволяет избежать этого.

Блоги культурных организаций в основном ведутся на платформе Sina weibo, как правило, оценка размещается в рубрике рецензий на культурные мероприятия, таких как спектакли, художественные выставки, книги и т. д.

Основной целью официальных блогов культурных учреждений является онлайн-рекламирование для поддержки офлайн-эксплуатации учреждения культуры, что приводит к относительно сходству контента и выражений оценки блогов культурных учреждений.

Анализ культурной блогосферы показал интересную закономерность: после того, как крупный индивидуальный блогер пересылает информацию официального блога учреждения культуры на главную страницу своего блога, количество комментариев к информации, которую транслирует индивидуальный блогер, значительно превышает количество комментариев к официальному блогу. Данные показатели чаще всего не зависят от того, комментирует ли индивидуальный блогер официальную информацию.

После обновления платформы Sina Weibo в 2022 году зона комментариев платформы имеет не только функцию автоматической фильтрации экстремальных комментариев, но и функцию отображения расположения IP пользователей. Как считают эксперты, открытие последней из указанных функций призвано укрепить связь между киберпространством и реальным миром, что, в свою очередь, способствует укреплению самодисциплины, уменьшению доли некорректного поведения участников сетевой коммуникации. Методы оценки в официальных блогах организации культуры более ограничены в связи со спецификой платформы Sina Weibo и ограниченностью социального статуса учреждений, а методы оценки неофициальных блогов более разнообразны. Их вариативный характер позволяет более точно отражать взгляды читателей на публикации в блогах.

Контент индивидуальных блогов очень обширен. Каждый блогер имеет для себя четкое

¹ Здесь и далее перевод наш. – Л. Ю.

представление о том, какую нишу он занимает в сетевой коммуникации. Тематика блога основана на характере его собственного позиционирования. Например, блог «мы покажем вам выставки» (帶你看展覽¹) делится информацией о хороших выставках, которые проходят в ближайшее время, искусствоведческими знаниями, оценивает картины, представляет художников и т. д. Содержание блога «Гравитация истории мысли» (思想史万有引力²) в основном предназначено для обсуждения текущих событий и горячих тем с помощью западного философского мышления и ознакомления с историей западной философии. Содержание блога «Русская литература bot» (俄罗斯文学bot³) состоит в том, чтобы делиться отрывками из русских литературных произведений и онлайн-ссылками на лекции по русской литературе в крупных учебных заведениях. Кроме того, некоторые блогеры, такие как HuiArtChannel⁴ также представляет молодых китайских художников и их личные творческие работы. Некоторые культурные блогеры также рекламируют и продают прикладные произведения искусства, такие как фотоальбомы, аксессуары, книги и т. д.

На второй крупной китайской платформе Douban, позволяющей пользователям оценить фильмы, книги или песни на этой платформе, можно выделить короткие комментарии и длинные тематические блоги. Заинтересованные пользователи могут обсуждать с блогерами актуальные темы, взаимодействовать с ними в области комментариев к постам. С 26 июля 2022 года на платформе Douban также начали внедрять механизм отображения расположения IP пользователей. Платформа Douban имеет очевидную функцию оценки, поэтому мы можем найти более обширный корпус на этой платформе. Кроме того, платформа Douban не имеет механизма фильтрации агрессивных комментариев, что позволяет выявить максимум статистических данных о негативной оценке и максимум средств оценки.

¹ URL: <https://weibo.com/u/1990271545>

² URL: <https://weibo.com/u/6024510089>

³ URL: <https://weibo.com/u/6094354794>

⁴ URL: <https://weibo.com/u/7014681898>

《第一炉香》到底香不香?

不散评论 第一炉香 ★★★★★ 2020-09-10 18:03:27

作者: NoNoNos

Рис. 1

© 本文版权归作者所有，不取 所有，任何形式转载请联系作者。

Рис. 2

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ОЦЕНКИ В БЛОГОСФЕРЕ КУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КИТАЯ

В настоящей статье было проанализировано 34 блога культурной направленности Китая, в том числе 16 официальных блогов учреждений культуры и 18 индивидуальных блогов. Из них 15 блогов ведет один человек и три блога – несколько человек. Анализ блогосферы выявил различные способы выражения положительной оценки.

1. Невербальные средства оценки выражаются следующими образами:

- 1) через рейтинг (звезды) в социальных сетях, где размещаются блоги, например, в Douban. Комментарий к рисунку 1: Фильм «Любовь после любви» интересный?
- 2) в конце публикации есть кнопка одобрения / неодобрения и возможность поделиться информацией. На этих кнопках также показана статистика одобрения (815 человек), неодобрения (45 человек) и количество репоста (126 раз).
- 3) используются смайлики «нравится / супер / лайк» 😊 😍 🤔, кроме этого, в Китае еще используется уникальное эмодзи с иероглифом «赞», который обозначает «одобряю, согласен, за, круто».

Рис. 3

- 4) кроме вышеуказанных слов, читатели еще используют знак «+1» в сетевой коммуникации «+1» имеет относительно фиксированное значение, т. е. пользователь аккаунта социальной Сети, оставивший комментарий, согласен с точкой зрения публикации, на которую он ссылается.
- 5) мы обнаружили, что некоторые читатели дают свои положительные оценки о содержании блога, делясь музыкой в комментариях, чтобы взаимодействовать с автором блога и выражать настоящие чувства после прочтения блога. Например, в одной публикации официального блога «Театральный фестиваль Wuzhen» автор процитировал стихотворение «Раньше время шло медленно», а читатель процитировал одноименную песню «Раньше время шло медленно» в комментариях, и таким образом дал положительную оценку.

2. В качестве вербальных средств оценки чаще всего используются следующие:

- 1) аббревиатуры с положительной оценкой, такие как YYDS (Yong yuan de shen -永远的神) – популярное словосочетание в Интернете, дословный перевод – «Вечная легенда», которое часто используют фанаты, чтобы оценить своих кумиров как вечная легенда в своей сфере; его круг применения продолжает расширяться; его можно использовать не только для восхваления персонажей, но и для восхваления стран, учреждений и организаций, а затем расширяется до восхваления событий, дел, вещей и т. д.;
- 2) междометие с положительной оценкой «哇wa/哇塞wa sai» – «вау», которое выражает сильное удивление с примесью восторга и радости, обычно произносится при приливе положительных эмоций;
- 3) прилагательные с положительной оценкой, такие как «好hao» – «хороший», «棒bang» – «крутой», «美mei / 漂亮piao liang» – «красивый», «厉害li hai» – «сильный»;
- 4) особые-словосочетания, которые используются в сети, например, «绝了jue le», «简直了jian zhi le», которые выражают удивление и восхищение, обозначают превосходную степень качества; оба словосочетания происходят из китайских диалектов, и стали широко распространяться в Интернете;
- 5) смешанное китайско-английское словосочетание – «疯狂打call», служащее для выражения одобрения и поддержки; первоначальное значение данного словосочетания состоит в том, что зрители, присутствующие на концерте,

следуют ритму и берут лайстики, чтобы выполнить соответствующие действия поддержки; в интернет-коммуникации это слово выражает благосклонное отношение к разным вещам

3. Сочетание вербальных и невербальных средств оценки.

В комментариях используются изображения и текст, связанные с содержанием публикации. Они служат для того, чтобы выразить положительную оценку содержанию поста. Например, в комментариях официального блога «Театральный фестиваль Wuzhen» была размещена фотография местности, где проходил фестиваль, с надписью: «До встречи в следующем году!».

Отрицательная оценка также выражается вербальными и невербальными способами.

1. К числу основных вербальных средств относятся:

- 1) пиньинь – стандартная система транскрипции китайских иероглифов латинскими буквами, которая используется для чтения иероглифа; блогеры предпочитают использовать пиньинь взамен ненормативных слов, например, заменяя инвективную лексику: «уе» – это транскрипция иероглифа «嘍», который означает чувство рвоты;
- 2) омонимы взамен ненормативных слов отрицательной коннотации, например:

太损 (язвительный) 了! – 太笋 (молодой бамбук) 了!
Перевод: Слишком язвительные слова!

Как мы видим, из примера первый и третий иероглифы остаются неизменными. Изменился лишь второй иероглиф фраз и то – только в форме написания. Произносятся иероглифы в первой и во второй фразе одинаково.

- 3) при написании блогов культурной направленности, авторы используют устойчивые выражения отрицательной коннотации высокого стиля взамен простой речи. Например, блогер использует выражение «битва при Ватерлоо» взамен «неудача в критический момент». Но такая лексика используется очень редко.
2. К числу невербальных средств относятся:
- 1) многоточие – знак препинания в китайском языке в виде шести поставленных точек «……», в категории оценки обозначает «без слов» или «пропуск ненормативной лексики»

Примером может послужить следующий комментарий:

太胖了, 真的..... 每一个浑圆的胳膊, 结实的双下巴, 两人油腻的演出都在敲打着我心 – Актриса слишком толстая ... меня тошнит от ее двойного подбородка, толстых рук и выступления главных героев¹.

- 2) смайлики: грустный 😞, которого тошнит 🤢 или который плачет 😭 – используются для выражения негативной оценки;
- 3) читатель цитирует предложение из текста блога и добавляет в конце вопросительный знак «?», используя данный метод, выражает сомнения относительно точки зрения автора. Примером может послужить следующий комментарий к спектаклю «Игрок»:

游戏男孩? 拉倒吧别坑钱了 – Игрок? Да ладно.

Обращаясь к рецензиям официальных блогов учреждений культуры Китая мы обнаружили большое количество примеров невербальных негативных оценок таких, как пиньинь взамен ненормативных слов, смайлики, многоточие и т. д. Например, публикации официального блога издательства «Народное образование»² под названием «Уведомление о исправлении ошибок по проблемам иллюстраций в учебниках математики для начальных классов» последовали следующие комментарии:

我记得小时候读书时里面的插画都好美好健康, 总是幻想我在哪片草原了, 我是哪个哪个人物等等... 现在的我只想yue – Я до сих пор помню, что в детстве все иллюстрации в учебнике были очень красивые и имели правильные и положительные смыслы, я часто представляла себя как главный герой из этих иллюстраций ... а теперь меня тошнит (yue) от них.

Или: «ТМ» (Транскрипция ненормативного выражения):

我们是关心我们祖国的未来, 关心祖国的花朵, 还有别整什么道歉那一套, 这书就是故意的, 太明显了, 审核组都通过? 这书能出版出来一定是整个出版社都同意了, 准备接受法律的追究把! – Мы переживаем за будущее нашей страны, за наших детей, нет ли смысла извиниться за то, как вы проверяли этот учебник перед выпуском? Все

участники вашего издательства были согласны с выпуском такого учебника, вас ждет судебное дело!

Следующим комментарием был текст:

我们拒绝你们的道歉🙄把祖国的花朵当儿戏呢🙄你们不配称人民! 教育! 出版社! 🙄🙄🙄! – Мы отказываемся от ваших извинений (эмодзи с вопросительным знаком).

Как вы можете так легкомысленно относиться к цветочкам нашей страны (эмодзи с вопросительными знаками). Вы не заслуживаете своего названия – издательство «Народное! образование!!» (эмодзи возмущение).

Следующим примером негативной оценки является комментарий к публикации официального блога телевидения провинции Хунань³, которая называется «письмо-извинение за аварию в съемке шоу квеста». Основной особенностью такого комментария является использование нескольких смайликов подряд, занимающих промежуточное положение между словами:

不是第一次了🙄🙄🙄现在才道歉🙄🙄🙄 – Это уже не первый раз🙄🙄🙄поздно извиняться🙄🙄🙄

Другим примером негативной невербальной оценки является использование негативных по своим значениям эмодзи, например:

安全不能保障 还录什么录啊🙄 – Если вы не можете обеспечить безопасность актеров, лучше не снимайте дальше (эмодзи «возмущение»).

Показательным примером негативной оценки является комментарий к публикации официального блога образования города Дан «Объяснение ситуации с учителем города Дан»⁴, где в блог была выложена фотография подарков. Комментарий:

这个做, 做老师都没幸福感了..... 教师节还有什么意义 – Учителя не могут чувствовать радость на дне учителя какой смысл еще имеет день учителя

Комментарий:

给老师送给花都不行了??? 老师这职业不配收花吗? – Разве нельзя дарить цветы учителям??? Учителя не заслуживают букетов???⁵

¹ Здесь и далее перевод наш. – Л. Ю.

² URL: <https://weibo.com/pep01>

³ URL: <https://weibo.com/hntv>

⁴ URL: <https://weibo.com/u/5368764419>

⁵ Здесь перевод наш. – Л. Ю.

Комментарий:

至于吗... – Почему дело дошло до такого?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в оценке информации культурной направленности присутствуют как вербальные средства оценки, так и невербальные. Они существуют как в комментариях официальных блогах учреждений культуры, так и в блогах, созданных как отдельными блогерами или группой блогеров.

Проведенный анализ комментариев показал, что явной тенденции к выбору вербальных или невербальных средств оценки не существует.

Положительная оценка выражается, прежде всего, вербальными средствами. Негативная оценка, напротив, выражается преимущественно невербальными средствами. Так, мы обнаружили, что в официальных блогах учреждений культуры комментаторы чаще всего прибегают к невербальным знаковым единицам или к эфемистическим выражениям. Они систематически выражают отрицательную оценку текста / блога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Thompson G., Hunston S. Evaluation: an introduction // Hunston S., Thompson G. Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford: Oxford University Press. 2000. P. 1–27.
2. 王盈秋 [Ван Инцю]. 网络交际的语用探讨 [Прагматика интернет-коммуникации] // 辽宁教育学院学报 [Журнал института учебного администрирования провинции Ляонин]. 2005. № 5. P. 115–116.
3. 施春宏. 网络语言的语言价值和语言学价值 // 语言文字应用. 2010. № 3. S. 70–80 / Ши Чуньхун. Лингвистическая ценность и лингвистическая ценность интернет-языка // Прикладная лингвистика. 2010. № 3. С. 70–80.
4. 胡文仲 [Ху Вэньчжун]. 跨文化交际学概论 [Введение в межкультурную коммуникацию]. [М.,] 1999. С. 94–95.
5. 杨信彰. 语篇中的评价性手段 [Ян Синьчжан. Средства оценки в дискурсе] // 外语与外语教学 [Иностранные языки и преподавание иностранных языков]. 2003. № 1. С. 11–14.

REFERENCES

1. Thompson, G., Hunston, S. (2000). Evaluation: an introduction. In: Hunston S., Thompson G. Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford: Oxford University Press.
2. 王盈秋. (2005). 网络交际的语用探讨. 辽宁教育学院学报(05), 115–116. = Wang Yingqiu. (2005). Pragmatics of Internet Communication. Journal of Liaoning Institute of Education Administration, 5, 115–116. (In Chin.)
3. 施春宏. (2010). 网络语言的语言价值和语言学价值. 语言文字应用(03), 70–80. = Shi Chunhong. (2010). Linguistic Value and Linguistic Value of Internet Language. Language and Character Application, 3, 70–80. (In Chin.)
4. 胡文仲. (1999). 跨文化交际学概论, 94–95. = Hu Wenzhong. (1999). Introduction to Intercultural Communication, 94–95. (In Chin.)
5. 杨信彰. (2003). 语篇中的评价性手段. 外语与外语教学(01), 11–14. = Yang Xinzhang. (2003). Evaluative Means in Discourse. Foreign Language and Foreign Language Teaching, 1, 11–14. (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Юйхань

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Yuhan

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Эпистемологические образ-схемы конструирования событий в научно-популярном кинодискурсе: полимодальный анализ

Н. А. Овагимян

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
n.ovagimian@linguanet.ru*

Аннотация. В статье представлена методика полимодального анализа событий в научно-популярном дискурсе на материале англоязычных документальных фильмов. Три типа событий (события окружающей среды, события взаимодействия человека и окружающей среды и события взаимодействия людей между собой) исследуются с применением инструментария образ-схем, что позволяет установить эпистемологические характеристики события.

Ключевые слова: образ-схема, событие, полимодальный анализ, научно-популярный дискурс, эпистемологическое измерение, документальный фильм

Для цитирования: Овагимян Н. А. Эпистемологические образ-схемы конструирования событий в научно-популярном кинодискурсе: полимодальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 77–84. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_77

Original article

Epistemic Image-Schemata of Event Construal in Popular Science Film Discourse: a Multimodal Analysis

Nare A. Ovagimian

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
n.ovagimian@linguanet.ru*

Abstract. The article advances the multimodal analysis of events in the discourse of science documentaries in English. Three event types (environmental events, human-environment interaction events, and interpersonal events) are analysed with the help of image-schemata, which helps identify the epistemic characteristics of events.

Keywords: image-schema, event, multimodal analysis, popular science discourse, epistemic construal, documentary film

For citation: Ovagimian, N. A. (2023). Epistemic Image-Schemata of Event Construal in Popular Science Film Discourse: a Multimodal Analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 77–84. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_77

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, интерес к феномену события обусловлен, в частности, тем, что в его конструировании задействованы центральные для лингвистической науки категории пространства, времени, оценки (см. обзоры в [Демьянков, 1983; Ирисханова, Киосе, 2016; Заботкина, 2017; Киосе, 2022]). Исследование событий в языке и иных, в том числе сложных семиотических системах (например, в полимодальном дискурсе), позволяет сделать выводы об особенностях протекания познавательных процессов человека и, более конкретно, конструирования объектов, действий и отношений. В данном ракурсе на первый план выходит эпистемологическая проблема организации самого знания о дискурсивном событии, а именно о его структуре и механизмах, о его компонентах и связях между ними. В настоящем исследовании предпринимается попытка описания эпистемологических оснований дискурсивного события в разных семиотических модальностях с применением теории образ-схем [Johnson, 1987; Lakoff, 1987], привлечение которой на современном этапе позволило создать расширенный инвентарь образ-схем [Grady, 2005; Nampe, 2005]. Предположительно, разные типы дискурсивных событий (события окружающей среды, события взаимодействия человека и окружающей среды и события взаимодействия людей между собой) задействуют разные образ-схемы; при этом их выбор будет диктоваться семиотической модальностью (например, речью, звуковым сопровождением, динамическим изображением). Однако для проведения подобного анализа требуется разработка алгоритма исследования, позволяющего применить инвентарь одних и тех же образ-схем для анализа семиотических модальностей и типов событий. Эта задача последовательно решается в данной работе. Таким образом, исследование нацелено на разработку и тестирование алгоритма полимодального анализа эпистемологических образ-схем дискурсивного события. В качестве материала анализа выбран научно-популярный кинодискурс, так как в нем в полимодальном формате реализуются разные типы событий, имеющие специфические особенности конструирования относительно пространства и времени.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОБЫТИЯ

Как известно, в философии событие чаще определяется через его онтологические характеристики.

Событие – это нечто происходящее, изменяющееся, лишенное оценочного компонента, демонстрирующее уникальность и имеющее свое имя¹. Событие часто противопоставляется объекту: оно может иметь четкие временные рамки и размытые пространственные границы, тогда как объекты, наоборот, существуют в определенных пространственных границах и не имеют четких временных рамок, для событий также характерна динамика изменений во времени [Casati, Varzi, 2020]. При этом объекты являются составной частью большинства событий: безобъектные события встречаются относительно редко, как и бессобытийные объекты [там же]. Событие также рассматривается в оппозиции факту, однако если событие и объект характеризуются протяженностью в пространстве и времени, факт абстрактен и атемпорален. В языке это противопоставление рассматривал З. Вендлер [Vendler, 1957], который считал, что события можно описать с помощью полностью номинализованных групп, в то время как факт может выражаться с помощью неполностью номинализованных групп, таких как клаузы со словом *that* или герундиальные конструкции. Разграничивая понятия события и факта, Н. Д. Арутюнова относит первое к онтологическим объектам (ситуациям, процессам и др.), а второе – к объектам эпистемического плана (пропозициям, суждениям и др.) [Арутюнова, 1988, с. 8].

Таким образом, вопрос онтологии событий тесно связан с вопросом их эпистемологического конструирования и репрезентации в языке. Представляется очевидным, что одно и то же онтологическое событие может быть конструировано по-разному, например, в фокус может быть выведена агентивность или намеренность движения, объекту может быть «приписан» анимализм, а человеку, напротив, – неодушевленность. Различия в эпистемологическом конструировании событий объясняются разницей в их интерпретации, но не онтологией самих событий.

В когнитивной лингвистике понятие события широко исследуется именно в аспекте эпистемологии, применяется различный инструментарий (моделирование работы механизмов и операций, концептуальная метафора и метонимия) для анализа конструирования. В данной работе предпринимается попытка анализа дискурсивного события с помощью образ-схем, одного из ключевых методов

¹ The Cambridge Dictionary of Philosophy. Ed. by Robert Audi. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; The Oxford Dictionary of Philosophy. 3rd ed. Ed. by Simon Blackburn. Oxford: Oxford University Press, 2008; Философский словарь. Под ред. А. Конт-Спонвиля; пер. с фр. Е.В. Голвиной. М.: Этерна, 2012; Новая философская энциклопедия. Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2010.

когнитивного анализа. Как известно, понятие образ-схемы было введено в работах М. Джонсона и Дж. Лакоффа в 1987 году [Johnson, 1987; Lakoff, 1987]. По М. Джонсону, образ-схемы представляют собой динамические модели, лежащие в основе процессов восприятия и движения, которые придают цельность и структуру нашему опыту [Johnson, 1987, с. xiv]. Образ-схемы – это прото- или до-концептуальные структуры, которые возникают благодаря регулярно повторяющимся движениям тела человека при взаимодействии с окружающим миром; они отражают результаты сенсорного и моторного опыта, приобретаемого из разных коммуникативных и семиотических модальностей. Первичный инвентарь образ-схем, предложенный в указанных выше работах (например, образ-схемы CONTAINER, FORCE, MOTION), впоследствии дополняется рядом других образ-схем [Peña, 1999]; также исследуются их трансформации в контексте [Hampe, 2005] и возможности уровневой репрезентации [Grady, 2005]. Для анализа событий в разных семиотических модальностях в научно-популярном кинодискурсе мы воспользуемся инвентарем образ-схем, предложенным в данных работах.

АЛГОРИТМ АНАЛИЗА

Как мы указали выше, основной задачей настоящего исследования является разработка и тестирование алгоритма полимодального анализа эпистемологических образ-схем дискурсивного события. В данной работе с помощью образ-схем анализируются три типа событий: события окружающей среды, события взаимодействия человека и окружающей среды и события взаимодействия людей между собой; эти типы событий оказались широко представлены в анализируемом полимодальном материале.

В качестве единицы анализа события в речи принимается клауза. При определении типа образ-схем, лежащих в основе конструирования данных событий в речи, мы ориентировались на семантику предиката, выраженного глаголом или именем и составляющего вершину клаузы. При этом мы опирались на двуступенчатую процедуру концептуального анализа, предложенную в [Беляевская, 2008]: на первом этапе проводится анализ словарных дефиниций глагола или имени, на втором – анализ их контекстуального значения в конкретной клаузе, выделяются компоненты значения, которые будут служить основой для установления образ-схем более высокого уровня [Grady, 2005], принадлежащим одной из трех групп: группа силового взаимодействия (FORCE), группа движения в пространстве (SPATIAL MOTION) и группа баланса

(BALANCE) [Johnson, 1987]. На заключительном этапе анализа конкретизируются и описываются образ-схемы, лежащие в основе языковой репрезентации события.

За единицу анализа события в визуальном компоненте принимается кадр. Образ-схема, лежащая в основе конструирования события в визуальном компоненте, определяется не только по содержанию кадра (референтное событие), но и по формальному признаку (текстовое событие) [Демьянков, 1983]. То есть анализируется событие или события, находящиеся на всем участке кадра, включая передний и задний план, а также способ движения камеры, распределение элементов кадра (предметов, людей и их движения) по его пространству.

Материалом анализа послужили начальные фрагменты продолжительностью около 5 минут из 10 англоязычных научно-популярных фильмов по физике, математике, химии и биологии, произведенных в 2011–2019 гг. общей длительностью 56 минут 13 секунд. Анализ типов событий и образ-схем проведен с применением процедуры ручного аннотирования в программе ELAN. Представим процедуру разметки (см. рис. 1).

Для разметки видео создано восемь слоев: слой «default», где размещены субтитры к фильму, слои для выделения событий в речи и в кадре, а также слои для указания типа и образ-схемы конструирования каждого события. В последнем слое указывается тип звука (диегетический или недиегетический).

ДЕМОНСТРАЦИЯ АЛГОРИТМА АНАЛИЗА

Образ-схемы конструирования события окружающей среды

Вначале рассмотрим пример анализа события данного типа в речи и в изображении. В клаузе *all forms of energy are destined to degrade and fall apart* событие описывается тремя словами: прилагательным *destined*, а также глаголами *degrade* и *fall apart*. В семантике всех трех слов лежит образ-схема SOURCE-PATH-GOAL [Johnson, 1987, с. 113–117]: значение данных слов предполагает наличие источника (в семантике слова *destined* источник – сущность, которая контролирует ситуацию) или начального момента (в семантике глаголов *degrade* и *fall apart* начальным будет состояние цельности, порядка, сложности), траектории и конечного результата. Конечный результат, предполагаемый семантикой слова *destined*, выражается в значении глаголов, следующих за ним. В семантике глаголов *degrade* и *fall apart* есть и указание

Таблица	Полный текст	Субтитры	Лексикон	Комментарии	Распознаватель	Метаданные	Регулировка
▼ default							
Аннотация							
21	Could something here mysteriously effect something there?						
22	A century of discoveries in physics reveals a strange counterintuitive microworld of atoms and tiny particles that challenges our intuitive understanding						
23	It's known as quantum mechanics.						
24	This strange theory has enabled us to develop the remarkable technologies of our digital age.						
25	But it makes a very troubling prediction called 'quantum entanglement'.						
26	Entanglement is this very powerful but strange connection that exists between pairs of particles.						
27	Even if they are very far apart, in a way they're always coordinated.						
28	Nature's fundamental building blocks could be connected and influence each other instantaneously as if the space between them doesn't exist.						
29	As if two objects can mirror each other without any apparent connection.						
30	Einstein called it 'spooky action at a distance'.						
31	He rejected the idea and tried to prove it couldn't be real.						

Quantum Ri...	00:02:12.000	00:02:14.000	00:02:16.000	00:02:18.000	00:02:20.000	00:02:22.000	00:02:24.000
default [45]	It's known as quantum mechanics.		This strange theory has enabled us to develop the remarkable technologies of our digital age.				
Событие [79]	It's known as quantum mechanics.		This strange theory has enabled us to develop the remarkable technologies of our digital age.				
Тип события [79]	1102		1102				
Образ-схема 1 [79]	1224		1207				
Событие (кадр) [100]	2102		2102		2102		
Тип события (к) [100]	2215, 2226		2216, 2226		2202, 2215, 2222		
Образ-схема 1 [100]					2202, 2215, 2216, 2222		
Тип звука [100]					2202, 2215, 2230		

Рис. 1. Пример разметки фильма для анализа образ-схем конструирования событий (Einstein's Quantum Riddle, 2019)

на направленность движения сверху вниз, описываемого образ-схемой UP-DOWN [Johnson, 1987, с. xiv].

События, выраженные в представленной клаузе, также конструируются с помощью образ-схемы LINK: слово *destined* выражает значение неразрывной связи между объектом (*forms of energy*) и конечным результатом (*degrade and fall apart*) [Johnson, 1987, с. 117–119]. Семантика слова *fall apart* предполагает, что благодаря связи составных элементов объекта друг с другом (образ-схема LINK) в изначальном состоянии ему было присуще некоторое равновесие (образ-схема BALANCE [Johnson, 1987, с. 74–98]), которое, однако, нарушается из-за разрыва этих связей (образ-схема SPLITTING [Johnson, 1987, с. 126]). Более того, за счет наречия *apart* семантика глагола *fall apart* предполагает центробежное движение составных частей (образ-схема

CENTER-PERIPHERY [Johnson, 1987, с. 124–125], а также существование в изначальном состоянии элементов объекта как частей одного целого (образ-схема PART-WHOLE [Johnson, 1987, с. 126]).

Что касается слова *degrade*, то кроме уже указанных образ-схем, выражающихся с его помощью, можно выделить образ-схему SCALE [Johnson, 1987, с. 121–124], так как предполагается, что что-то ухудшилось и воспринимается как нечто «меньшее» с точки зрения его ценности, весомости.

Данный эпизод синхронизируется в визуальном компоненте с двумя кадрами. В первом кадре (1,28 секунды) изображение представляется мутным из-за пара, который оказывается на переднем плане (образ-схемы FRONT-BACK [Lakoff, 1987, с. 275] и SUPERIMPOSITION [Johnson, 1987, с. 126]) (см. рис. 2а). Во втором кадре (4,4 секунды) видим

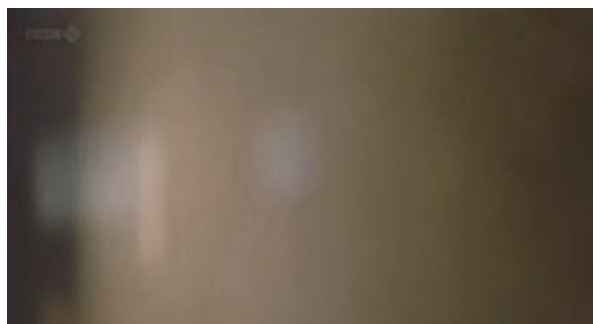

Рис. 2а

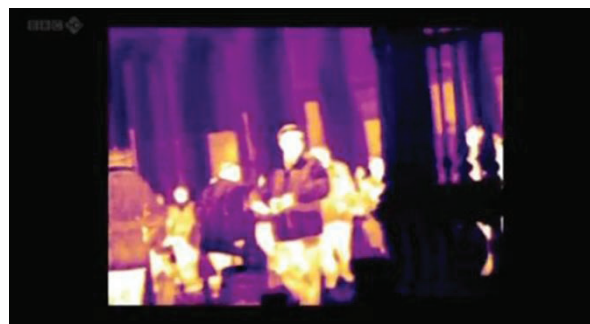

Рис. 2б

Рис. 2а и 2б. Кадры, синхронизированные с речью в клаузе *all forms of energy are destined to degrade and fall apart* (Order and Disorder. The Story of Energy, 2012)

оживленную городскую площадь в темное время суток в инфракрасном излучении (см. рис. 26). Здесь можно выделить образ-схемы OBJECT (люди, машины и другие предметы городского ландшафта, с которыми они взаимодействуют) [Johnson, 1987, с. 126], ANIMATE MOTION, LOCOMOTION [Hampe, 2005, с. 2; Mandler, 1992; Dodge, Lakoff, 2005], BALANCE (некоторые люди стоят, другие передвигаются, а третьи несут некий большой предмет) и SOURCE-PATH-GOAL. Динамика кадра создается не только его содержанием, но и способом съемки: камера находится в постоянном движении (слева направо по кадру), будто бы располагаясь в движущемся автомобиле (что подчеркивается еще и звуком, характерным для такой ситуации).

Как можно заметить, общими образ-схемами конструирования события окружающей действительности в речи и синхронизированных с ним событий в изображении являются SOURCE-PATH-GOAL и BALANCE.

Конструирование события такого типа может происходить и только в изображении (без речи). В кадре (5,16 секунды), представленном на рисунке 3, демонстрируется вспышка на солнце: из недр звезды происходит резкий выброс корональной массы в окружающую атмосферу.

В данном кадре (см. рис. 3) событие конструируется с помощью образ-схем CONTAINMENT / CONTAINER (солнце высвобождает в окружающую среду содержащиеся в себе массы) [Johnson, 1987, с. 21–23] и PART-WHOLE (часть солнца отделяется от целого). Такое «высвобождение» также предполагает движение по определенной траектории, что свидетельствует об актуализации образ-схемы SOURCE-PATH-GOAL. Корональная масса прорывается через поверхность звезды (образ-схема SURFACE [Johnson, 1987, с. 126]) стремительно и резко, подталкиваемая внутренними силами солнца (образ-схема COMPULSION [Johnson, 1987, с. 45]). Данное событие в изображении не сопровождается событием в речи.

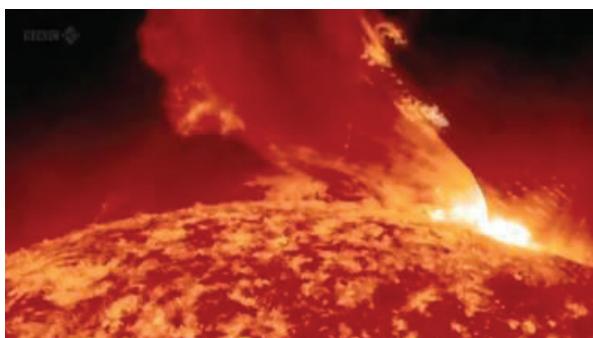

Рис. 3. Конструирование события окружающей среды в кадре
(Order and Disorder. The Story of Energy, 2012)

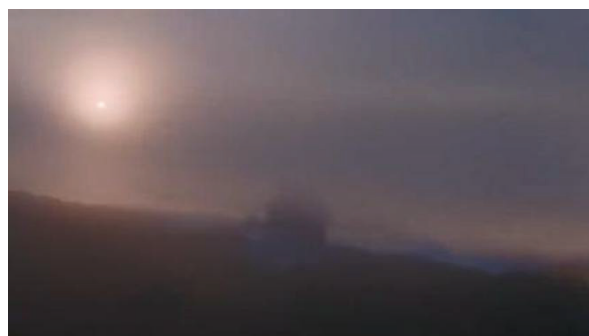

Рис. 4а

Рис. 4б

Рис. 4а и 4б. Кадры, синхронизированные с речью в клаузе *but a startling phenomenon is revealing* (Einstein's Quantum Riddle, 2019)

Образ-схемы конструирования события взаимодействия человека и окружающей среды

Рассмотрим особенности конструирования данного типа события в речи и в изображении на примере клаузы *but a startling phenomenon is revealing* с вершиной клаузы, выраженной глаголом *reveal*. В данной клаузе событие представляется через образ-схемы SURFACE и REMOVAL OF RESTRAINT [Johnson, 1987, с. 46–47], так как происходит некоторое «раскрытие», снятие покрыва над чем-то, то есть предполагается, что объект был «в контакте» с покрывом (образ-схема CONTACT [Johnson, 1987, с. 126]), но потом этот контакт был нарушен. Наконец, покров, снимаемый с поверхности, в определенном смысле проходит по некой траектории (образ-схема SOURCE-PATH-GOAL).

Данное событие в речи синхронизируется с двумя событиями в кадре: в первом случае (1,47 секунды) мы видим изображение обсерватории на склоне горы в утреннем тумане (см. рис. 4а). Здесь образ-схемами конструирования события являются образ-схемы OBJECT, так как в центре кадра обсерватория, а также SOURCE-PATH-GOAL, так как видим движение утреннего тумана в ускоренной съемке. В момент произнесения слова *revealing*

кадр сменяется изображением обсерватории изнутри (открываются створки купола телескопа) (см. рис. 46) (1,57 секунды). Событие конструируется с помощью образ-схем SOURCE-PATH-GOAL, CENTER-PERIPHERY, CONTAINMENT / CONTAINER, OBJECT, REMOVAL OF RESTRAINT, SURFACE.

Таким образом, все три события (одно в речи, два в кадре) описывают взаимодействие человека с окружающей средой, и общими образ-схемами их конструирования являются SURFACE, REMOVAL OF RESTRAINT и SOURCE-PATH-GOAL.

Далее приведем пример конструирования события такого типа, в котором используются разные образ-схемы в речи и в изображении. Рассмотрим рисунок 5.

В данном кадре (продолжительность 1,67 секунды) ученый работает над установкой в лаборатории. Здесь можно выделить образ-схемы UP-DOWN, CONTACT, а также OBJECT: взгляд специалиста направлен сверху вниз на детали установки, с которыми он вступает в контакт и с помощью зрения, и с помощью осязания. Также очевидно, что действия ученого имеют целенаправленный характер, поэтому можно говорить об образ-схеме SOURCE-PATH-GOAL. Речевое событие, синхронизирующееся с данным событием в кадре, выражено в клаузе *that must be perfectly aligned to make measurements on tiny subatomic particles*. Из семантики слова *aligned* выводится образ-схема STRAIGHT [Cienki, 1998]; также можно выделить образ-схему ENABLEMENT [Johnson, 1987, с. 47], связанную с пассивным залогом глагола *align*, а также модальным глаголом *must*. В данном случае не выделяются общие образ-схемы событий в речи и в кадре.

Образ-схемы конструирования события взаимодействия людей между собой

В качестве примера данного типа события рассмотрим событие, в котором устанавливается контакт

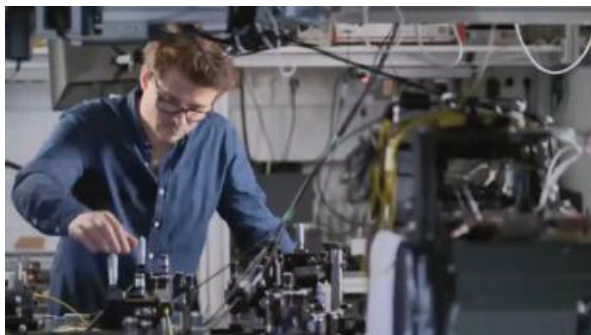

Рис. 5. Конструирование события взаимодействия человека и окружающей среды в кадре (Einstein's Quantum Riddle, 2019)

Рис. 6. Конструирование события взаимодействия людей между собой (Order and Disorder. The Story of Energy, 2012)

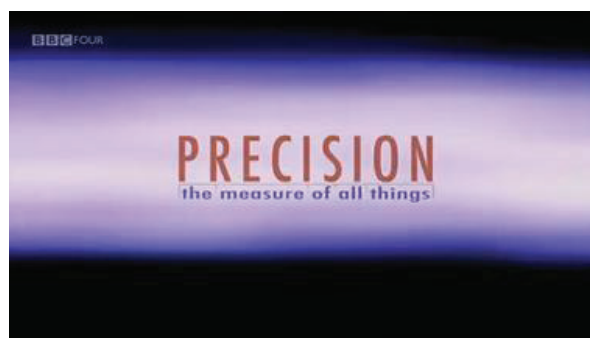

Рис. 7. Конструирование события взаимодействия людей между собой в тексте и в изображении (Precision: The Measure of All Things. Time and Distance, 2013)

со зрителем. Так, в клаузе *I'd like to begin this story with one of the most intriguing characters in the history of science* ведущий непосредственно указывает на свое «взаимодействие» со зрителями через дискурс, устанавливает с ними контакт. Образ-схемами конструирования события здесь служат схемы COMPULSION, так как ведущий «запускает» процесс повествования, а также PART-WHOLE в связи с тем, что глагол *begin* указывает на начальный этап, то есть предполагается, что это только часть всей истории. Данный отрывок синхронизируется в кадре (45,58 секунды) с изображением ведущего на белом фоне, произносящего речь и сопровождающего ее жестами (образ-схема ANIMATE MOTION) (см. рис. 6).

На рисунке 7 также представлено событие данного типа в речи (в тексте) и в изображении, однако в этом случае речевая модальность оказывается доминирующей.

В данном кадре (см. рис. 7) продолжительностью 8 секунд мы видим, как на экране на фоне светлой

полосы появляется название фильма. Здесь можно выделить образ-схемы STRAIGHT и SOURCE-PATH-GOAL, так как небольшое движение внутри светлой полосы (до появления надписи) направлено прямо слева направо по кадру. При появлении названия фильма на фоне светлой полосы действует образ-схема SUPERIMPOSITION. Наконец, надпись вместе со светлой полосой на темном фоне создают некоторый сбалансированный образ (образ-схема BALANCE).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События, представленные в речевом и визуальном компоненте научно-популярного документального

кино, могут анализироваться с помощью образ-схем, что позволяет выявить специфику репрезентации трех типов событий в каждой модальности, общие черты, а также отношения между способами конструирования событий, синхронизирующихся в фильме. Задействованные при этом в речи и в изображении образ-схемы могут как совпадать, и тогда можно говорить о дублировании, так и дополнять друг друга, и тогда речь идет о комплементарных отношениях между ними. В то же время ритм смены событий в кадре и в речи разный, и если в визуальном компоненте всегда присутствует событие, то между речевыми событиями существуют паузы. Поэтому на первый план выходят то одна модальность, то другая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста. М.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.
2. Ирисханова О. К., Киосе М. И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 151–180.
3. Заботкина В. И. Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / отв. ред. В. И. Заботкина. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2017.
4. Киосе М. И. Теории конструирования события в когнитивной семантике и их экспериментальная верификация // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 59–65.
5. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
6. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
7. Grady J. E. Image schemas and perception: Refining a definition // From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics. 2005. V. 29. P. 35–55.
8. Hampe B. Image schemas in cognitive linguistics: Introduction // From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics. 2005. V. 29. P. 1–12.
9. Casati R., Varzi A. C. Events // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/events/>
10. Vendler Z. Verbs and times // The philosophical review. 1957. V. 66. № 2. P. 143–160.
11. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
12. Peña, S. Subsidiarity relationships between image-schemas: an approach to the force schema. // Journal of English Studies. 1999. № 1. P. 187–207.
13. Беляевская Е. Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 554. С. 140–146.
14. Mandler J. M. How to build a baby: II. Conceptual primitives // Psychological review. 1992. V. 99. № 4. P. 587–604.
15. Dodge E., Lakoff G. Image schemas: From linguistic analysis to neural grounding // From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics. 2005. P. 57–91.
16. Cienki A. STRAIGHT: An image schema and its metaphorical extensions // Cognitive Linguistics. 1998. Vol. 9. № 2. P. 107–150.

REFERENCES

1. Dem'yankov, V. Z. (1983). "Sobytiye" v semantike, pragmatike i v koordinatakh interpretatsii teksta = An "Event" in Semantics, Pragmatics and in the Coordinates of Text Interpretation. Moscow: Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka, 42(4), 320–329. (In Russ.)

2. Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I. (2016). Tekhnologii transfera mezhdistitsiplinarnykh terminov v lingvistiku = Technologies of transfer of interdisciplinary terms into linguistics. In Feschenko, V. V. (ed.), *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* (pp. 151–180). Moscow: Kulturnaya revoliutsia. (In Russ.)
3. Zabolotkina, V. I. (2017). *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* = Representation of events: an integrated approach from the position of the cognitive sciences. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (YaSK). (In Russ.)
4. Kiose, M. I. (2022). *Teorii konstruirovaniya sobytiya v kognitivnoi semantike i ikh eksperimental'naya verifikatsiya* = Theories of event construal in cognitive linguistics and their experimental verification. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 3(50), 59–65. (In Russ.)
5. Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: University of Chicago Press.
6. Lakoff, G. (2008). *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Grady, J. E. (2005). Image schemas and perception: Refining a definition. *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*, 29, 35–55.
8. Hampe, B. (2005). Image schemas in cognitive linguistics: Introduction. *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*, 29, 1–12.
9. Casati, R., Varzi, A. C. (2020). Events. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/events/>
10. Vendler, Z. (1957). Verbs and times. *The philosophical review*, 66(2), 143–160.
11. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt* = Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Peña, S. (1999). Subsidiarity relationships between image-schemas: an approach to the force schema. *Journal of English Studies*, 1, 187–207.
13. Belyaevskaya, E. G. (2008). Komponentnyi analiz vs kontseptual'nyi analiz = Componential vs conceptual analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 554, 140–146. (In Russ.)
14. Mandler, J. M. (1992). How to build a baby: II. Conceptual primitives. *Psychological review*, 99(4), 587–604.
15. Dodge, E., Lakoff, G. (2005). Image schemas: From linguistic analysis to neural grounding. *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*, 29, 57–91.
16. Cienki, A. (1998). STRAIGHT: An image schema and its metaphorical extensions. *Cognitive Linguistics*, 9(2), 107–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овагимян Наре Армени

старший преподаватель кафедры английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovagimian Nare Armeni

Senior Lecturer, Department of English, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	23.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	18.01.2023	
	30.01.2023	

Вербализация библейского мотива «Гордость» в детективном дискурсе (на материале рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God»)

М. К. Оводова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ovodova.mary@yandex.ru*

Аннотация. В статье проводится лингвостилистический и интертекстуальный анализы детективного рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God» (Молот Господень). Данный тип анализа служит для выявления вербализации у Честертона библейских мотивов. Имея символическую функцию, мотив постоянно проявляется в тексте через аллюзию, отдельные языковые единицы, таким образом производя на читателя определенный эффект. В исследуемом тексте нередко встречаются несколько мотивов, главные и второстепенные, они переплетаются, дополняя и раскрывая друг друга. Применяемый в статье метод лингвостилистического и интертекстуального анализа показывает, как мотивы реализуются через иконические знаки, языковые аллюзии, метафоры.

Ключевые слова: художественный текст, мотив, библейский мотив, аллюзия, символизм, вербализация

Для цитирования: Оводова М. К. Вербализация библейского мотива «гордость» в детективном дискурсе (на материале рассказа Г. К. Честертона «The Hammer of God») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 85–91. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_85

Original article

Verbalization of the Biblical Motif of “Pride” in the Detective Discourse (based on the story “The Hammer of God” by G. K. Chesterton)

Maria K. Ovodova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ovodova.mary@yandex.ru*

Abstract. The given article presents linguostylistic and intertextual analyses of the detective story by G. K. Chesterton in the context of the verbalization of biblical motifs in the detective text. The motif itself, having symbolic function, usually manifests itself in text through allusions, separate linguistic units, the combination of which produces an indelible effect on readers. One can find more than one motif in the examined text, which are main and secondary, intertwining and complementing each other. Linguostylistic and intertextual analyses employed in the article show the realization of the motif in the text through symbols, allusions, metaphors.

Keywords: literary text, motif, biblical motif, allusion, symbolism, verbalization

For citation: Ovodova, M. K. (2023). Verbalization of the biblical motif of “pride” in the detective discourse (based on the story “The Hammer of God” by G. K. Chesterton). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 85–91. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_85

ВВЕДЕНИЕ

Со времени появления перевода Библии на английский язык, сюжеты и мотивы из нее плотно вошли в художественную английскую литературу. Система библейских образов и языка Библии лежат в основе многих литературных произведений, моделируя стиль и систему персонажей. Сказанное в равной степени относится и к созданию детективных произведений. В основном писатели ориентировались на перевод Священного Писания, сделанный под руководством Короля Якова в 1611 году (King James Version of Bible), на тексты из которого делаются ссылки также в этой статье, например, на книгу Притчей и Послание Иакова.

Детективные рассказы принято относить к массовой литературе, к произведениям, которые написаны для развлечения публики. Особенностью таких произведений является комбинирование эксплицитно выраженных элементов, а также элементов, которые читатель должен достраивать при интерпретации текста, то есть проявляющиеся имплицитно. В Универсальной научно-популярной энциклопедии (Энциклопедия Кругосвет) встречается следующее определение детектива: это художественное литературное произведение, в основе которого лежит вечный конфликт между добром и злом, что проявляется в раскрытии преступления¹. Победа добра над злом в детективном жанре проявляется в раскрытии преступления. Исходя из данного факта, можно полагать, что авторы детективных произведений имеют различные возможности использования библейских сюжетов и мотивов. На лингвистическом уровне библейские реминисценции в детективах проявляются в использовании как особых лексических единиц, так и определенных лингвистических приемов, например, лингвистических аллюзий, библейских фразеологизмов.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что на сегодняшний день она исследована лишь фрагментарно. Комплексный анализ библейских мотивов в детективной прозе с лингвистической точки зрения позволяет выявить набор приемов и лексических единиц, с помощью которых авторы трансформируют и переплетают мотивы и сюжеты Библии с интригой детективного произведения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным методом исследования в работе служит лингвостилистический и интертекстуальный анализы текста, которые включают в себя

определение свойств и особенностей отдельных лексем и частей текста в их связи с содержанием Библии, в частности с интерпретацией мотива «гордость». Кроме того, применяется лексикографический анализ для изучения отдельных библейских понятий, в частности *гордость*.

МОТИВ В ЛИНГВИСТИКЕ

В литературоведении и лингвистике в настоящее время существует множество определений термина *мотив*. Сходство дефиниций в основном заключается в том, что мотив – это постоянно повторяющийся элемент в тексте. Английский литературовед У.Фридман в своем эссе «Литературный Мотив: Определение и Анализ»² приводит определение из словаря «Читательский Гид по литературным терминам», данное К. Бенсоном и А. Ганзом. Мотив рассматривается как простая единица или элемент текста; тема, которая проходит через ряд работ; повторяющийся элемент в рамках одного произведения [Freedman, 1971, с. 124].

В основной части нашего исследования мы опираемся на это определение мотива, поскольку собранный нами языковой материал, где наблюдается систематическое повторение конкретных элементов в тексте, подтверждает справедливость данной дефиниции, позволяя разделить эту точку зрения.

Мотив составляет основу в описании событий, персонажей, окружающего пейзажа. У. Фридман пишет, что мотив проскальзывает в лексику автора, в диалоги персонажей, в выбранную систему образов, часто даже тогда, когда символизируемый референт не употребляется в произведении [Freedman, 1973, с. 125]. Морган уточняет, что мотив может быть сформирован шаблоном связанных выражений или группой лексем, а также буквальными и переносными ссылками на данные понятия или объекты, будь то животные, музыка и т. д. [Morgan, 2015, с. 196]

Мы можем предположить, что с лингвистической точки зрения мотив рассматривается как употребление в тексте постоянно повторяющихся элементов. Это могут быть образы, аллюзии, символы, которые служат вербализацией мотива в детективном тексте.

Символ обладает более насыщенной живописной образностью. В литературе каждый символ функционирует бесконечно разнообразно. С одной стороны, он может относиться к той или иной ограниченной области, иначе говоря, быть частичным символом, с другой, иметь предельно обобщенный смысл [Лосев, 1982, с. 439]. Например,

¹ Кругосвет : энциклопедия. URL: krugosvet.ru/enc

² Здесь и далее перевод наш. – М. О.

образы священника Отца Брауна и преподобного Уилфреда в анализируемом рассказе Г. К. Честертон являются символами двух противоположных христианских понятий «искренности» и «фарисейства», т. е. лицемерия.

Повторяющимися элементами в дискурсе также являются аллюзии. Аллюзии, согласно британскому лингвисту-семиотику Дж. Лайонсу, равнозначны отношению, которое возникает между словами и объектом. В данное «описание включается отношение языка и мира, в отсутствие пользователей языка» [Цит. по: Brown, Yule, 1988, с. 28]. Лайонс также отмечает, что именно говорящий делает ссылку на тот или иной предмет, используя определенные выражения, наделяет это выражение референцией. Подтверждение такой точки зрения мы находим у П. Ф. Стросона «Аллюзия – это то, для какой цели говорящий использует выражение» [Цит. по: Brown, Yule, 1988, там же].

В качестве примера вербализации и переплетения библейских мотивов мы приведем рассказ Г. К. Честертон «Молот Господень» (The Hammer of God) [Chesterton, 2006]. Такой выбор объясняется личными предпочтениями автора статьи, а также наглядностью проявления в нем мотива «гордость». Интересно отметить, что сам автор был верующим человеком, и каждый его рассказ из серии рассказов о патере Брауне несет в себе определенную христианскую мораль.

МОТИВ «ГОРДОСТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «МОЛОТ ГОСПОДЕНЬ»

В рассказе Г. К. Честертон вербализация библейского мотива гордости осуществляется через аллюзии, символы и языковые портреты персонажей. За основу Честертон берет стих из Библии, из книги Притч, делая его основным мотивом в своем произведении, при этом не давая прямой отсылки на Библейский текст, но имплицитно постоянно указывая на него:

Pride goeth before destruction, and an haughty spirit before a fall [Holy Bible, Pr 16:18].

Иначе говоря, гордость приводит к гибели, а надменность, что в английском переводе звучит как *haughty spirit*, ведет к падению.

The little village of Bohun Beacon was perched on a hill so steep that the tall spire of its church seemed only like the peak of a small mountain.

Мотив гордости, самовозвышения выражается в рассказе через противопоставление предлогов: *up, down*; прилагательные: *big, little / small*; через образы Церкви, горы. При этом само слово *pride* в тексте не встречается, но проявляется через аллюзии (*giant, huge, force, monstrous, look down*), приведенные в тексте, и контекстуальные синонимы (*height, haughty spirit, grossness*).

В тексте положение самого священника в пространстве, а именно его физическое передвижение вверх на колокольню или вниз, на площадь перед церковью, символически репрезентирует духовное положение героя.

He **went up** to a pew in the gallery, which brought him under a coloured window which he loved and always quieted his spirit.

The curate **followed** the cobbler **down** a short winding stair which brought them out at an entrance rather **higher** than the street.

Wilfred Bohun gave but one glance, and **ran down** the steps into the yard; And with that he (Father Brown) turned his back and **stumped up** the steps after the curate (Rev. Wilfred). They **went down** the winding stairs in utter silence...

Мотив гордости (*pride*) вербализуется в рассказе через метафорический образ Церкви, с живописного описания которой и начинается повествование:

That the **tall** spire of its church seemed only like the **peak** of a **small mountain**.

Начало рассказа заставляет читателя визуализировать высокий шпиль здания, стоящего на холме, на что указывают такие лексические единицы, как *tall, peak, the belfry* (*высокий, вершина, колокольня*). Символизм здесь заключается в том, что первое, что представляется глазам читателя, будет церковный шпиль, поскольку он репрезентирует в данном рассказе гордого священника. При этом автор сразу проводит оппозицию, использование линейного расположения слов *peak* и *small* в одном контексте имплицитно указывает на основной мотив рассказа – противопоставление гордости и смирения, надменности и кротости.

Словосочетание «*of a small mountain*», является символическим выражением важности концепта «смирения», который перекликается со словами патера Брауна в конце рассказа «*Humility is the mother of giants*» («Смирение – мать великих»).

В этом оксюморе прослеживается аллюзия на следующий стих из Библии:

Humble yourselves in the sight of the Lord, and he shall lift you up [Holy Bible, Jas 4:10]. – Смирись пред Господом, и Он вознесет вас (Синодальный перевод).

Этим явным противопоставлением образов двух священников, отца Уилфреда и отца Брауна, писатель поляризует две концептуальные группы, опираясь на христианские ценности: гордые и смиренные.

Образ отца Брауна, выраженный в языковых единицах: *the short priest, the little priest, not an interesting man to look at* (маленький священник, совсем не интересный человек) репрезентирует смиренного, праведного человека.

Для вербализации образа священника Уилфреда Боэна Честертон берет за основу библейский образ фарисеев, которых Христос называл лицемерами, внешне праведными, но внутренне полными пороков:

...hypocrites, blind guides, "...ye also outwardly *appear righteous* unto men, but within ye are *full of hypocrisy and iniquity*" [Holy Bible, Mt 23:28].

В процитированном предложении существительные *hypocrisy, iniquity* выступают контекстуальными синонимами мотиву гордости (*pride*). У Честертонна наблюдается переплетение основного мотива с второстепенным, который служит дополнением и только закрепляет у читателя ментальную модель созданного в самом начале образа лицемерного возгордившегося священника.

Мотив фарисейства находит свою вербализацию в языковом портрете старшего брата:

His brother the curate had also the yellow hair and the elegance, but he was *buttoned up to the chin in black*, and his face *was clean-shaven, cultivated*, and a *little nervous*. He *seemed* to live for nothing but his religion.

Используемое причастие *buttoned up* (застегнутый) указывает не только на внешнюю подтянутость священника, но иконически выражает внутреннее его состояние – закрытость и подчеркнутую правильность.

Значительную роль играет цвет облачения священника, который в данном контексте является символом отрешенности от внешнего мира. В католичестве черный цвет священства означает смирение, мертвость плоти и плотских радостей. С другой стороны, черный цвет ассоциируется с

тьмой, мраком, смертью. Автор недаром приводит в описании Уилфреда точное указание цвета, тем самым давая скрытую подсказку читателю, что здесь таится двойной смысл. При этом отец Браун на контрасте воспринимается как образ светлого и праведного человека. Ориентируясь на культурные фоновые знания читателя, автор не описывает в этом рассказе одежду патера, которая, классически, является черной.

Глагол *seemed* указывает на поверхностность, что находит отражение в лицемерном образе фарисеев, которые молятся напоказ в различных местах, уже получив свою награду. В библейском тексте мы читаем:

And when thou prayest, thou shalt not be as the *hypocrites* are: for they *love to pray standing* in the synagogues and *in the corners of the streets*, that they may be seen of men. Verily I say unto you. They have their *reward* [Holy Bible, Mt 6:5].

The Rev. Wilfred was almost *trembling with the excitement of his own glimpse of the truth*. "Don't you see; don't you see," he cried feverishly; "that is the only theory that covers both the queer things, that answers both the riddles. The two riddles are the *little* hammer and the *big* blow..."

Приведенный отрывок речи священника вновь указывает на мотив фарисейства. Словосочетание *his own truth* отсылает читателя к образу гордого человека, который всегда выносит свой суд, имеет свою правду. Нервное состояние *was almost trembling with the excitement* выразилось в лексическом повторе вопроса (прописанный без соответствующего синтаксического знака), имплицитно показывающее возмущение героя, его возбуждение: *Don't you see; don't you see*. Подтверждением такого предположения служит отмеченная автором интонация произнесенных слов, с усиливающим эффектом наречием *he cried feverishly*.

В рассказе церковь представляет собой метафору, которая является олицетворением настоящей природы человеческого лицемерного смирения. Здесь Церковь представляется многозначным символом: с одной стороны – это возгордившийся священник Боэн, а с другой стороны возвышенность над земной суетой, уход в иной, высший мир, иначе говоря, обобщенный, абстрактный характер означаемого. Как мы можем заметить, в начале рассказа церковь описана холодными, возвышенными, отстраненными красками.

He was anxious to forget such *grossness* in the cool twilight of his tall Gothic cloisters; but on that

morning it was fated that his still round of religious exercises should be everywhere arrested by small shocks.

Следующие выражения *the cool twilight of his tall Gothic cloisters; purification and new thoughts; a blue window with an angel carrying lilies*, представляют собой символическую репрезентацию гордого, отстраненного человека. Опираясь на культурные фоновые знания читателя о библейских принципах, автор имплицитно указывает на гордую человеческую неприступную, моральную чистоту, которой не могут добиться простые люди.

В кульминации рассказа, эта чистота оказывается страшной, вызывая болезненные ощущения, и даже более того, призывающей к самоубийству – самому страшному греху. Здесь мы наблюдаем градацию для усиления эффекта.

The lines of the Gothic building plunged outwards into the void with a **sickening** swiftness **akin** to **suicide**.

Автор прибегает к такому стилистическому приему как сравнение (simile), снова делая аллюзию на библейский стих о падении гордых, которые, словно бешеные кони, устремились вниз:

...Titan energy... it always seems to be rushing away, **like the strong back of some maddened horse**...

The whole atmosphere was **dizzy and dangerous** ... and **the whole** of that old church, as tall and rich as a cathedral, seemed to sit upon the sunlit country like a cloudburst.

Символическая репрезентация падения передается прилагательными *dizzy* и *dangerous*, которые отсылают читателя к стиху из книги Притч Соломона, приведенном вначале. *As tall and rich as a cathedral* – прилагательные *tall* и *rich* в приведенном контексте эксплицитно указывают читателю на основной мотив гордости, а сравнение *church... as a cathedral* символически репрезентирует величие священника, который, добившись успеха, может быть уподоблен великому собору, вызывающему восхищение.

Кульминацией рассказа, а также моральной точкой, которая раскрывает мотив, является монолог отца Брауна, произнесенный на высоте церковной башни:

Heights were made to be **looked at**, not to be **looked from**... – Вершины созданы для того, чтобы ими любоваться, но не для того, чтобы смотреть с них...

И тут же прибавляет:

...**Humility** is the mother of **giants** – ...смирение – мать великих.

Мы находим еще одну аллюзию к Писанию:

Humble yourselves in the sight of the Lord, and he **shall lift you up** [Holy Bible, Js 4:10].

Автор делает акцент на оппозиции гордости. Честертон в произведении создает ментальную модель, в центре которой смирение – добродетель, что эксплицитно выражается в тексте. Слово *humility* (смирение), а также отдельные лексические единицы *small* и *short* непосредственно указывают на это.

...dizzy places, where the whole world seemed to **turn** under him like a wheel, his brain **turned** also, and **he fancied he was God**. So that, though he was a good man, **he committed a great crime**."

Глагол *turn*, используемый в зевгме *world seemed to turn under him* и *his brain turned also*, создает комический эффект. Автор иронизирует над пороком возгордившегося священника, при этом, не теряя трагизма всей сложившейся ситуации. Интересно отметить, что в описании атмосферы разговора, уже существует намек на такое состояние человека, приводя образ бешеных коней *some maddened horse*, которые задают читателю направление падения и гибели.

Далее Г. К. Честертон делает аллюзию на книгу «Бытие», где змей, искушая Еву, говорил об их преображении в богов, знающих добро и зло:

And the serpent said unto the woman, Ye shall not surely die: For God doth know that in the day ye eat thereof, then your eyes shall be opened, and ye shall be as **gods, knowing good and evil** [Holy Bible, Ge 3:4-5].

Патер Браун предостерегает священника, находящегося в очень опасном состоянии. Поставив себя на место Бога, он позволил себе распоряжаться жизнью другого человека, то есть возвысил себя, и разум его помутился (*his brain turned also*). Стихи, приведенные из книги Бытия, указывают на то, что человек с вкушением запретного плода становится судьей над всеми, знающим добро и зло, т. е. имеющим право управлять судьбами людей. Но это глубокое заблуждение человека, на что указывает словосочетание *he thought* в начале отрывка. Эта отсылка на ошибочное человеческое

понимание задает тон всему монологу отца Брауна, все начинается с мысли, перерастая в действие:

...He *thought* it was given to him *to judge* the world and strike down the sinner. He *would never have had* such a thought if he had been kneeling with other men upon a floor. But *he saw* all men walking about like *insects*...

Используемое в отрывке сослагательное наклонение прошедшего времени эксплицитно указывает на бесповоротность совершенного греха, причиной которого явилась гордость. Если бы священник был как всякий молящийся, смиренно склонившим колени на полу церкви, не произошло бы падение его души.

Итак, в приведенных выше фрагментах наблюдается кульминация мотива «гордость» (*pride*). Это выражено в таких словах и выражениях, как: *and he fancied he was God, thought it was given to him to judge, strike down, insect, poisonous insect*.

Стоит отметить, что в глазах гордого человека другие люди становятся малы и незначительны. Здесь писатель использует метафору *insects*, как разницу между размером человека и насекомого, при этом мы видим градацию образов: *insect, poisonous insect, a green beetle* (насекомое, отвратительное насекомое, зеленый жук). Иначе говоря, в глазах героя, чем грешнее человек, тем больше он воплощает в себе грязные, земные страсти.

Конец рассказа посвящен признанию священника в братоубийстве. Примечательно то, что отец Браун сопровождает отца Уилфреда с колокольни вниз: *they went down the winding stairs*. В данном

предложении Честертон символически описывает путь смирения *humility*, именно то, что противопоставляется гордости. Направление их пути – предлог *down* – свидетельствует не только о том, что физически они спустились с лестницы, но имплицитно указывает на то, что Уилфред изменил свое внутреннее устройство от превознесенного к умышленному, от гордого к смиренному. Оппозиция образов героев, которая указана в начале текста, исчезает, перед глазами читателя предстает духовно переродившийся человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в рассказе Честертон вербализуется главный мотив «гордости» через символические знаки, лингвистические аллюзии к Священному Писанию, через особую систему выбора лексических единиц, используемых в языковых портретах персонажей. При этом сам мотив не выражен словом или фразой, непосредственно указывающих на него.

Также отметим, что все используемые аллюзии, тонко подобранные лексические единицы, а также появление основного мотива в кульминационном монологе рассказа делает его эффективным и целостным, а второстепенные мотивы логически вытекающими из основного. Второстепенный мотив фарисейства раскрывается в речевом портрете старшего брата – священника и вплетается в основной мотив «гордости», дополняя и раскрывая его. Исследование переплетения мотивов в детективной прозе представляется одной из перспектив дальнейшей работы в этом направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алякринский О. А., Зверев А. М. и др. Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет: официальный сайт. М., 1998. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura
2. Freedman W. The literary motif: A definition and evaluation // *Novel: A Forum on Fiction*. 1971. Vol. 4 (2). P. 123–131.
3. Morgan J. M. How do motifs endure and perform & Motif theory for the study of Biblical narratives // *RB: Université de Fribourg*. T. 122 (2). 2015. P. 194–216.
4. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
5. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
6. Chesterton G. K. The Hammer of God // Chesterton G. K. The Complete Father Brown Stories. London: Wordsworth classics, 2006. P. 133–146.
7. Holy Bible. King James Version. Vereeniging: Christian Art Publishers, 2016.

REFERENCES

1. Alyakrinsky, O. A., Zverev, A. M. (1998). Universal'naya nauchno-populyarnaya enciklopediya Krugosvet = Universal popular science Encyclopedia Circumnavigation: official website. Moscow. https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura (accessed 24.11.2022). (In Russ.)

2. Freedman, W. (1971). The literary motif: A definition and evaluation. *Novel. A Forum on Fiction*, 4(2), 123–131.
3. Morgan, J. M. (2015). How do motifs endure and perform? Motif theory for the study of Biblical narratives. *RB: Université de Fribourg*, 122(2), 194–216.
4. Losev, A.F. (1982). *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniyu = Sign. Symbol, Myth. Works on linguistics*. Moscow: Moscow University Press.
5. Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Chesterton, G. K. (2006). The hammer of God. *The complete Father Brown Stories* (pp. 133–146). London: Wordsworth classics.
7. Holy Bible. King James Version (2016). Vereeniging: Christian Art Publishers.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оводова Мария Кирилловна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovodova Maria Kirillovna

Postgraduate student at the Department of General and Comparative Linguistics,

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрана после рецензирования
принята к публикации

23.12.2022
18.01.2023
30.01.2022

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ЖЕСТ И КОММУНИКАЦИЯ

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_92

Полимодальное поведение переводчиков-синхронистов при удаленном переводе: результаты пилотного эксперимента

О. Д. Зубков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, stabh7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу полимодального поведения переводчиков-синхронистов при удаленном переводе. Выявлено влияние объема рабочей памяти и качества стимула на полимодальное поведение переводчиков. Проведен эксперимент с последующим аннотированием речи и жестов переводчиков. В ходе анализа переводческих трудностей и способов их преодоления сделаны выводы о том, что увеличение объема рабочей памяти влияет на снижение количества трудностей, модификаций и на рост количества жестов.

Ключевые слова: синхронный перевод, удаленный формат работы, жестовое поведение, трансформации, переводческие трудности

Для цитирования: Зубков О. Д. Полимодальное поведение переводчиков-синхронистов при удаленном переводе: результаты пилотного эксперимента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2(870). С. 92–99. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_92

Original article

Multimodal Behaviour of Simultaneous Interpreters in Remote Work: a Pilot Study

Oleg D. Zubkov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, stabh7@gmail.com

Abstract. The paper analyses multimodal behavior of interpreters during remote work. We explore the effects of working memory and stimulus quality on interpreters' multimodal behavior. An experiment followed by annotation of interpreters' speech and gestures was conducted. The article examines the interpreting difficulties and ways of overcoming them. It concludes that an increase in working memory volume influences a decrease in the number of difficulties and modifications and an increase in the number of gestures.

Keywords: simultaneous interpretation, remote work, gestures, modifications, interpreting difficulties

For citation: Zubkov, O. D. (2023). Multimodal Behavior of Simultaneous Interpreters in Remote Work: A Pilot Study. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 92–99. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_92

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании мы прибегаем к анализу полимодального поведения переводчика-синхрониста, работающего в удаленном устном формате. Как известно, в условиях синхронного перевода переводчик сталкивается с повышенной когнитивной нагрузкой [Gile, 1995; Gile, 1999], обусловленной многими факторами, в том числе низким качеством звука и изображения (презентации) при предъявлении информации [Seeber, 2017]; при этом уровень когнитивной нагрузки может определяться и когнитивно-психологическими особенностями самого переводчика. С опорой на результаты работ, посвященных выявлению типов трудностей, маркеры которых обнаруживаются в полимодальном (речевом и жестовом) поведении переводчика-синхрониста [Ирисханова и др., 2019; Cienki, Iriskhanova, 2020; Леонтьева, Агафонова, Петров, 2020], в настоящем исследовании предпринимается попытка установить влияние 1) фактора качества исходного стимула, а также 2) фактора объема рабочей памяти на полимодальное поведение переводчика. Для решения данной задачи был проведен пилотный эксперимент, в ходе которого получено 12 проб перевода, которые были далее подвергнуты анализу с целью установления трудностей, их распределения в языковом и жестовом поведении, а также были предварительно определены модификации в переводном тексте, используемые после моментов фиксации этих трудностей в жестах и речи участников эксперимента. В качестве гипотез исследования выдвинуты следующие:

- 1) с ростом показателя рабочей памяти переводчиков-синхронистов будет снижаться количество трудностей и, соответственно, количество переводческих модификаций;
- 2) при предъявлении стимула с низким качеством, будет увеличиваться количество трудностей, обнаруживаемых в полимодальном поведении переводчика;
- 3) с увеличением показателя рабочей памяти будет снижаться количество жестов переводчика.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА ПОЛИМОДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ-СИНХРОНИСТОВ

Одними из первых исследований в области когнитивной нагрузки применительно к работе устного переводчика, стали работы французского лингвиста Даниэля Жилья [Gile, 1995]. В указанной работе

термин «когнитивная нагрузка» (в данном случае названный «моделями усилий», “modèles d’efforts”) применяется к сфере синхронного перевода; при этом определяются факторы, усиливающие нагрузку, а именно многозадачность (слушание и анализ; воспроизведение речи), сопровождаемая активацией рабочей памяти, приводящая к их «конкуренции» (“compétition”). В последующих работах (например, в [Gile, 1999]) Жилья разрабатывает теорию «натянутого каната» («tightrope hypothesis»), согласно которой в ходе синхронного перевода потребление синхронистом когнитивных ресурсов достигает своего абсолютного предела, а превышение этого порога приведет к резкому снижению как качества перевода, так и здоровья переводчика (отметим, что при создании этой гипотезы ученый использует ресурсную теорию внимания когнитивного психолога Д. Канемана [Kahneman, 1973]). Согласно иной теории когнитивной нагрузки при синхронном переводе («модели когнитивной нагрузки», «Cognitive Load Model») швейцарского лингвиста Килиана Зиберера [Seeber, 2011], опирающегося на работы психолога К. Уикенса [Wickens, 1984], в случае одновременного выполнения нескольких задач ресурсы не соревнуются, но «накладываются» друг на друга, при этом переводчики-синхронисты работают не на абсолютном максимуме своих когнитивных возможностей, а на относительном. При том, что обе теории могут быть применимы к анализу когнитивной нагрузки в процессе синхронного перевода, мы полагаем, что первая скорее будет использоваться для ранжирования роли самих когнитивно-психологических факторов, влияющих на качество перевода, в то время как вторая – для исследования поведения переводчика в ситуации преодоления трудностей. Поэтому в настоящей работе мы опираемся на подход К. Зиберера, согласно которому целесообразно системное изучение разных ресурсов, в нашем случае, языкового и жестового поведения, а также факторов, определяющих успешность перевода [Seeber, 2017]. Отметим, что в работах [Stachowiak-Szymczak, 2019] отмечается, что синхронный перевод есть «воплощенная» («embodied») когнитивная деятельность, т. е. она опирается на ментальные образы предметов, конструируемые в ходе физического (телесного) опыта. В этом случае деятельность переводчика не только полимодальна, но и кроссмодальна: опыт, полученный из одной модальности, может активировать образ предмета из другой, облегчая таким образом решение поставленной когнитивной задачи.

Распределение языковых и жестовых характеристик поведения синхронного переводчика, определяемое когнитивной нагрузкой в переводе,

исследуется в научной школе О. К. Ирисхановой [Ирисханова и др., 2019]. В данном подходе учитывается многозадачность перевода (установление связей между множественными ментальными образами; декодирование и перекодирование информации из одного языка в другой и т. д.), использование ряда когнитивных процессов и операций (хранение и извлечение информации из кратковременной и долговременной памяти; переключение внимания и т. д.), мультимодальность и мультиканальность синхронного перевода (задействованы аудиально-вербальный, вокально-вербальный и многие другие каналы связи). В ходе анализа полимодального поведения переводчиков исследователи [Леонтьева, Агафонова, Петров, 2020] опираются на особую функцию жестов – поиска слова (гипотеза известна как «Lexical Retrieval Hypothesis», «гипотеза лексического доступа»). Согласно ей, большинство жестов, используемых в речи, необязательно несут коммуникативную направленность, но помогают человеку «найти» необходимое слово.

Однако удаленный формат работы может оказать значительное влияние на распределение этих ресурсов, что обусловлено, в первую очередь, ограничением личного пространства людей при удаленной работе и невозможностью ориентироваться на невербальное поведение говорящего, приводящим к «Зум-выгоранию» («Zoom fatigue», «Zoom burnout»). При этом в настоящий момент экспериментальные исследования, в которых изучаются особенности когнитивной нагрузки переводчика-синхрониста в условиях удаленного перевода, редки. Тем значимее становится выявление факторов, определяющих полимодальное поведение и речевые способы разрешения трудностей именно в синхронном удаленном переводе. В настоящем исследовании мы обращаемся к

двум таким факторам – качеству исходного стимула (звука и изображения) и объему рабочей памяти (как одному из наиболее значимых когнитивно-психологических факторов).

ДИЗАЙН ЭКСПЕРИМЕНТА

Пилотный эксперимент был проведен в октябре–ноябре 2022 года в центре СКоДис (лаборатория ПолиМод) МГЛУ. На данный момент собрано 12 записей синхронного перевода, что суммарно составило более 53 минут видеоматериала (были получены и окулографические данные, однако в данной работе мы их не приводим). Все испытуемые – практикующие переводчики-синхронисты с относительно одинаковым переводческим стажем и набором рабочих языков. В ходе эксперимента проводилась видеофиксация результатов перевода испытуемых. Испытуемым предлагалось синхронно перевести с английского на русский язык две видеозаписи, общий хронометраж которых составляет семь минут и 15 секунд (или же 429 секунд). Обе видеозаписи были подготовлены добровольцами и самими авторами исследования. Видеозаписи представляют собой следующее:

1) выступление англоговорящего спикера на платформе Zoom на тему «Green Hydrogen», с хорошим качеством исходящего от спикера звука и с видеоматериалами (в виде презентации Powerpoint);

2) выступление англоговорящего спикера на платформе Zoom на тему: «Solar Power», с худшим качеством исходящего от спикера звука и с видеоматериалами (в виде презентации Powerpoint), но в этом стимуле презентация была отключена с 1 минуты 10 секунд до 2 минут 15 секунд (~65 секунд).

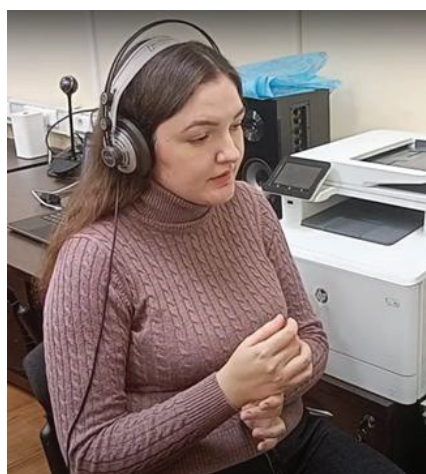

Рис. 1. Полимодальное поведение испытуемых переводчиков-синхронистов

Результаты синхронных переводов испытуемых фиксировались следующим образом: на видеокамеру велась видео- и аудиозапись озвученных испытуемыми переводов, а также их жестового поведения (включающего как жестикуляцию рук, так и мимические жесты). Объем рабочей памяти переводчиков определен с помощью теста N-back, стандартного инструмента измерения рабочей памяти. Глоссарий был представлен переводчикам за сутки до эксперимента. На Рисунке 1 показаны некоторые фрагменты записи полимодального поведения переводчиков, демонстрирующих совместную реализацию речевого и жестового поведения.

Полученные видеозаписи были проанализированы на предмет речевого и жестового поведения испытуемых. Была проведена аннотация речи переводчиков-синхронистов на предмет наличия в ней маркеров переводческих трудностей, а именно: хезитаций, продолжительных пауз, самоповторов, усечений слов или конструкций, заполнителей пауз, замедлений темпа речи, растягиваний слов или звуков [Cienki, Iriskhanova, 2020]. Для анализа жестового компонента поведения переводчиков использована функциональная типология жестов, предложенная в работе А. Ченки [Cienki, 2013]; в настоящей работе мы ограничились установлением факта наличия или отсутствия того или иного функционального типа жеста. Также была проведена аннотация типов переводческих модификаций в речи, которые мы представим ниже.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Непосредственным материалом анализа стала видеозапись продолжительностью около 53 минут. В ходе аннотирования речевого и жестового поведения мы определяли:

1) тип и количество трудностей, руководствуясь типологией А. Ченки и О. К. Ирисхановой [Cienki, Iriskhanova, 2020];

2) наличие или отсутствие функционального типа жеста, руководствуясь типологией жестов А. Ченки [Cienki, 2013];

3) тип переводческой модификации, применяемый переводчиком в ситуации «выхода» из переводческой трудности.

Анализируя переводческие модификации, мы опирались на типы переводческих трансформаций, выделенные в трудах отечественных переводоведов Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975], согласно которому выделяются перестановки, замены, добавления и опущения, и Л. К. Латышева [Латышев, 2008], в работах которого отмечены ошибки в трансляции исходного содержания, искажения, неточности, неясности. В нашем случае,

однако, речь идет не о переводческих трансформациях или ошибках, а о модификациях содержания исходного высказывания как способах преодоления когнитивной трудности, которые скорее применительно к данной ситуации можно назвать «переводческими приемами». В ходе предварительного анализа материала мы выделили следующие типы модификаций:

1) модификация в реме клаузы – любые изменения любых элементов сегмента исходного текста, затрагивающие рему (т. е. новую информацию), например, в:

- (1) *while also being the most abundant in the known Universe.*

Пер.: однако он присутствует везде вокруг нас;

2) модификация в теме клаузы – любые изменения любых элементов сегмента исходного текста, затрагивающие рему (т. е. уже известную информацию), например, в:

- (2) *A single PV device is known as a cell.*

Пер.: Эти устройства известны как ячейки;

3) модификация в группе клауз – изменение последовательности подачи информации в тексте перевода по сравнению с исходным текстом (перестановка клауз местами; опущение клаузы; добавление новой информации, не наблюдаемой в тексте оригинала), например, в:

- (3) *My name is Veronika, and I am a representative of a global alternative energy movement.*

Пер.: Меня зовут Вероника, и я представляю движение, глобальное, альтернативных источников энергии.

Рассмотрим некоторые примеры полимодального поведения переводчиков, использующих подобные модификации как «переводческие приемы» в ситуации преодоления переводческих трудностей. Обратимся к примеру:

- (4) *There are two main types of solar technologies, which are photovoltaics on your right and concentrated solar power systems on your left.*

Пер.: Есть два вида солнечной энергии, это фотovoltaические элементы, которые // жест // вы видите справа, и также // пауза + жест // другой вид используемой солнечной энергии, который вы видите слева.

Рис. 2. «...И также другой вид используемой солнечной энергии, который вы видите слева»

Рис. 4. «...Чтобы... завести турбины»

На рисунке 2 представлена демонстрация полимодального поведения переводчика.

В описанном случае переводчик-синхронист из-за низкого качества звука у оратора вынужден прервать свой перевод, чтобы «дать себе немного времени» на анализ входящего аудио (анализ входящего звука с плохим цифровым качеством требует больших когнитивных усилий). После этой паузы переводчик трансформирует исходный текст, заменив сегмент «concentrated solar power systems» на «другой вид используемой солнечной энергии» (изменив ремю исходного предложения, по нашей классификации – модификация в реме клаузы), сопровождая замену жестом, указывая на левую часть экрана презентации, словно показывая ее невидимому слушателю.

Обратимся к следующему примеру:

- (5) ...with the additional technologies necessary to capture the CO₂ produced when hydrogen is split from methane (or from coal).

Пер.: ...захватывается – // жест // // усечение фразы // он также разлагается // жест // из угля или метана...

В данном случае мы видим, как переводчик начинает перевод сегмента исходного текста, но решает, что выбранная им единица языка не позволит составить эквивалентный текст на языке перевода. После этого переводчик останавливается, усекая фразу, и начинает фразу заново (модификация в группе клауз). При этом он жестикулирует, помогая себе вернуться к прежнему темпу речи.

В примере (6) наблюдаем две модификации в одном сегменте: в группе клауз (упрощение ряда однородных членов предложения: «water desalination, enhanced oil recovery, food processing» в «для опреснения вод, питания и многого другого») и начало фразы заново (модификация в группе клауз):

- (6) ...like water desalination, enhanced oil recovery, food processing, and so on and so forth.

Пер.: ...например // жест //, для опреснения вод, питания и много- // самоповтор // многого другого

В примере (7) можем наблюдать, как переводчик-синхронист допускает в речи паузу, чтобы лучше спрогнозировать далее идущий текст с помощью приема антиципации.

- (7) This heat – also known as thermal energy – can be used to spin a turbine or power an engine to generate electricity.

Пер.: Эта термальная энергия, или отопление, // жест // может быть использована, чтобы // пауза на 4 секунды // // жест // завести турбины...

После этого испытуемый применяет прием опущения (по нашей классификации – модификация в группе клауз), не используя в переводе сегмент «or power an engine to generate electricity», а также жестикулирует, сигнализируя невидимому

ДАННЫЕ ПИЛОТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Испы- туемый	N-back	Стимул 1. «Хороший»			Стимул 2. «Плохой»		
		Трудности, кол-во	Модификации при трудностях, кол-во	Жесты, кол-во	Трудности, кол-во	Модификации при трудностях, кол-во	Жесты, кол-во
1	6/6	11	2	3	9	1	9
2	6/6	13	6	0	13	7	5
3	5/6	10	1	8	12	2	9
4	2/6	12	0	1	10	2	4
5	5/6	16	7	3	19	9	4
6	1/6	28	9	0	30	9	0

слушателю, что презентация продолжается (см. рис. 3).

Приведем еще примеры модификаций. В примере (8) наблюдаем, как переводчик использует прием замены местоимения на конкретное существительное (*it, оно* на «водород»), применяя модификацию ремы. Модификация сопровождается жестом, позволяя переводчику вернуть контроль над ситуацией.

(8) However, the ways to producing it are very diverse...

Пер.: Нужно сказать, при этом, что можно // жест + пауза // по-разному добывать водород...

В примере (9) видим использование синхронистом заполнителей пауз (в данном случае – вводной конструкции «в принципе»), которой нет в исходном тексте (модификация группы клауз), что позволяет переводчику не прерывать поток речи, при этом не переставая анализировать поступающий от оратора звук. Также фиксируем генерализацию сегмента «the conditions outdoors», трансформируемого в «различные неблагоприятные условия».

(9) In order to withstand the test of time and the conditions outdoors...

Пер.: Такие полупроводники, в принципе // за-полнитель паузы //, могут выдерживать различные неблагоприятные условия...

Вполне допустимо, что в данном случае переводчик не смог разобрать, о каких именно условиях идет речь в оригинальном тексте, но

воспользовался фоновыми знаниями и восполнил недостающую информацию.

В таблице 1 приведены данные по результатам анализа N-back (показатель объема рабочей памяти), а также данные по количеству встреченных трудностей, модификациях в речи (только тех, которые сопровождали появления трудностей), а также количеству жестов.

Для анализа значимых различий был применен статистический анализ корреляции Пирсона. При показателе значимости $p=0,01$ значимых показателей обнаружено не было (пороговый коэффициент корреляции равный $r=0,71$ не был преодолен; предполагается, что на это повлиял размер выборки; далее в исследовании она будет расширена). При показателе значимости $p=0,05$ (пороговый коэффициент корреляции равен $r=0,58$) значимые показатели обнаружены. Руководствуясь полученными коэффициентами корреляции, будут проверены гипотезы данного исследования.

Согласно Гипотезе 1, с увеличением показателя рабочей памяти переводчиков-синхронистов будет снижаться количество трудностей и, соответственно, количество переводческих модификаций. Коэффициент корреляции Пирсона при анализе сопряженности результатов задачи N-back, полученных от испытуемых, с количеством встреченных трудностей при переводе стимулов № 1 и № 2, составляет -0.68 и -0.59 соответственно. Из приведенных данных следует, что гипотеза подтверждается.

Согласно Гипотезе 2, при работе синхронистов со стимулом, требующим большего количества когнитивных ресурсов (в нашем случае это Стимул № 2), будет увеличиваться количество трудностей. Суммируя все встреченные переводчиками трудности за стимул № 1 и № 2, мы получаем значения 90 и 93 соответственно; значимых различий

анализ корреляций не выявил. Таким образом, можно сделать вывод, что предъявление стимула, требующего большего потребления когнитивных ресурсов, не означает, что переводчики испытывают больше трудностей. Для окончательного подтверждения или опровержения данной гипотезы требуется увеличение выборки испытуемых.

Согласно *Гипотезе 3*, с увеличением показателя рабочей памяти будет снижаться и количество жестов, произведенных переводчиками в процессе перевода. Коэффициент корреляции Пирсона между результатами задачи N-back и количеством произведенных жестов для стимулов №1 и №2 составил 0.62 и 0.66 соответственно. Таким образом, гипотеза 3 опровергается, т. е. количество жестов увеличилось пропорционально увеличению объема рабочей памяти испытуемых. Этот результат оказался достаточно неожиданным. Возможно, умение управлять своим жестовым поведением отражает особенности функционирования рабочей памяти; данное предположение будет далее проверено на расширенной выборке.

Представляется интересным сравнить полученные данные в ходе пилотного эксперимента в ситуации удаленного перевода с результатами эксперимента в ситуации перевода в обычных условиях. Так, в работе [Леонтьева, Агафонова, Петров, 2020] было проанализировано 120 минут записи синхронного перевода, обнаружено 552 случая трудности (увеличение длительности звука, общее замедление речи или долгие паузы в речи). В настоящем пилотном эксперименте в записи продолжительностью 53 минуты обнаружено 183 трудности. Для установления наличия

статистически значимых различий в результатах был проведен анализ с применением критерия согласия χ^2 . Значение χ^2 составило 2.397 при $p=0,122$. Таким образом, значимых различий между полученными в ходе двух экспериментов результатами в отношении количества трудностей не обнаружено. Приведенные данные свидетельствуют в целом о сходном распределении трудностей в переводе в удаленном и традиционном форматах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного пилотного эксперимента является ряд выводов. Условия удаленного формата работы (в данном исследовании представленные качеством звука, исходящего от оратора, ниже рекомендуемого международными стандартами; перебоями со связью) привели к повышению уровня когнитивной нагрузки у переводчиков, что отразилось в большем количестве встреченных переводческих трудностей и количестве жестов.

Уровень рабочей памяти переводчиков-синхронистов обратно пропорционален количеству трудностей, демонстрируемых в их полимодальном поведении. В дальнейшем будет расширена выборка с учетом уровня владения испытуемыми навыками синхронного перевода. Также будут обработаны окулографические результаты, проанализированы жестовое, глазодвигательное и речевое поведение испытуемых с помощью соответствующего ПО (ELAN, Praat), что позволит получить более точные данные в отношении типов жеста и задействованных модальностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1995.
2. Gile D. Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A contribution // Hermes. Journal of Language and Communication in Business. 1999. Vol. 23, № 12. P. 153–172.
3. Seeber K. G. Multimodal Processing in Simultaneous Interpreting // The Handbook of Translation and Cognition. Hoboken, NJ: John Wiley, 2017. P. 461–475.
4. Ирисханова О. К., Петров А. А., Маковеева А. И., Леонтьева А. В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 100–116.
5. Cienki A., Iriskhanova O. K. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 5–11.
6. Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А. Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 10(839). С. 126–137.
7. Kahneman D. Attention and effort. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.
8. Seeber K. G. Cognitive load in simultaneous interpreting: Existing theories – New models // Interpreting. 2011. Vol. 13 (2). P. 176–204.
9. Wickens C. Processing resources in attention // Varieties of attention VIII / ed. by R. Parasuraman, R. Davies. N.Y.: Academic Press, 1984.

10. Stachowiak-Szymczak K. Eye Movements and Gestures in Simultaneous and Consecutive Interpreting. 1st ed. C.: Springer, 2019.
11. Cienki A. Grammar, Space, Gesture and Cognition // Space in Language and Linguistics / ed. by P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock, B. Szmrecsanyi. Berlin: De Gruyter, 2013. P. 667–686.
12. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
13. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2008.

REFERENCES

1. Gile, D. (1995). Basic concepts and models for interpreter and translator training. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.
2. Gile, D. (1999). Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A contribution. *Hermes. Journal of Language and Communication in Business*, 12(23), 153–172.
3. Seeber, K. G. (2017). Multimodal processing in simultaneous interpreting. In J. W. Schwieter, A. Ferreira (eds.), *The Handbook of Translation and Cognition* (pp. 461–475). Hoboken, NJ: John Wiley.
4. Iriskhanova, O. K., Petrov, A. A., Makoveeva, A. I., Leontyeva, A. V. (2019). Cognitive load in simultaneous interpretation: a multimodal analysis. *Kognitivnie issledovaniya yazika*, 38, 100–116. (In Russ.)
5. Cienki, A., Iriskhanova, O. K. (2020). Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 5–11.
6. Leontyeva, A. V., Agafonova, O. V., Petrov, A. A. (2020). Some characteristics of gestures used with changes of speech tempo in simultaneous interpreting. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(832), 126–137. (In Russ.)
7. Kahneman, D. (1973). *Attention and effort*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
8. Seeber, K. G. (2011). Cognitive load in simultaneous interpreting: Existing theories – New models. *Interpreting*, 2(13), 176–204.
9. Wickens, C. (1984). Processing resources in attention. In R. Parasuraman, R. Davies (eds.), *Varieties of attention VIII*. N.Y.: Academic Press.
10. Stachowiak-Szymczak, K. (2019). *Eye movements and gestures in simultaneous and consecutive interpreting*. C.: Springer. 1st ed.
11. Cienki, A. (2013). Grammar, Space, Gesture and Cognition. In Ed.: P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock, B. Szmrecsanyi. *Space in Language and Linguistics* (pp. 667–686). Berlin: De Gruyter.
12. Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazik i perevod (Voprosy obschei i tchasnoi teorii perevoda) = Language and Translation (Questions of general and particular translation theory)*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.)
13. Latyshev, L. K. (2008). *Tehnologiya perevoda = Technology of Translation*. Moscow: Akademiya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зубков Олег Дмитриевич

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zubkov Oleg Dmitrievich

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
27.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_100

Синхронизация речи-рассуждения и жеста в иммерсивной коммуникации у испытуемых с разным уровнем интро- / экстраверсии

В. О. Потехин

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
vadim.nebarsuk@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты полимодального экспериментального исследования в области иммерсивной коммуникации. В частности, установлен тип, частотность и сопряженность маркеров рассуждения в речи и использований жестов в двух ситуациях иммерсивного общения – с предъявлением стимульного материала и без его предъявления. Анализ выявил значимые различия в распределении речи-рассуждения и жеста, обусловленные не только ситуацией иммерсивной коммуникации, но и уровнем интро/экстраверсии испытуемых.

Ключевые слова: речь-рассуждение, спекулятив, дискурс-анализ, количественный анализ данных, иммерсивность, полимодальность

Для цитирования: Потехин В. О. Синхронизация речи-рассуждения и жеста в иммерсивной коммуникации у испытуемых с разным уровнем интро- / экстраверсии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 100–107. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_100

Original article

Synchronization of Speculative Speech and Gesture in Immersive Communication with Introverted and Extraverted Participants

Vadim O. Potekhin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
vadim.nebarsuk@gmail.com

Abstract. The article outlines the results of a multimodal study into immersive communication. In particular, it aims to establish the type, frequency and contingency of speculative discourse markers on gesture use in two modes of immersive communication, namely with and without a visual stimulus. The analysis has shown significant differences in the distribution of speculative discourse markers and gesture, conditioned by, other than the extent of immersion, an individual's level of intro/extraversion.

Keywords: speculative speech, speculative discourse, discourse analysis, quantitative data analysis, immersion, multimodality

For citation: Potekhin, V. O. (2023). Synchronization of Speculative Speech and Gesture in Immersive Communication with Introverted and Extraverted Participants. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 100–107. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_100

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время получили широкое распространение полимодальные исследования, интегрирующие достижения и методы лингвистики, когнитологии и психологии. Предметом анализа становятся различные аспекты полимодальности: изучается взаимосвязь зрительного и устного модуса в полимодальных коммуникативных ситуациях [Iriskhanova, Cienki, 2018; Kiose, 2020; Kiose, 2021], анализируются особенности распределения внимания при реализации спонтанного описательного дискурса [Ирисханова, Прокофьева, 2017] и, в целом, предпринимается попытка «раскодировать» мыслительную деятельность человека [Величковский, 2006]. На сегодняшний день полученные в данной области результаты позволяют закрепить за полимодальным анализом статус надежного холистического исследовательского метода, объектом которого становятся разные коммуникативные модальности, доступные человеку: вербальная, зрительная и жестовая.

В данном исследовании мы исходим из положения о том, что, участвуя в коммуникации, человек так или иначе вовлекается в происходящее и выстраивает свое полимодальное поведение, реагируя на различные аудиовизуальные стимулы, которые удерживают его интерес и определяют его познавательную деятельность. Иными словами, полимодальная коммуникация имеет свойство быть иммерсивной; она способна трансформировать внешнего наблюдателя стимула в полноценного участника коммуникативной ситуации, «навязанной» стимулом [The road to immersive communication, 2012]. В исследовании мы будем рассматривать иммерсивность как особое свойство коммуникации, которое может проявляться в любом типе дискурса (в разной степени), в нашем случае, в спекулятивном дискурсе, или в дискурсе-рассуждении. Цель работы состоит в изучении распределения дискурсивных маркеров спекулятива и жестов в двух ситуациях иммерсивной коммуникации (с предъявлением и без предъявления стимульного материала), обусловленного уровнем интро- / экстраверсии испытуемого.

ПОЛИМОДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИММЕРСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В контексте данного исследования полимодальное поведение трактуется вслед за [Kendon, 1986; Müller, 2014; Iriskhanova, Cienki, 2018] как совместное использование в дискурсе когнитивно-коммуникативных модальностей (в нашем случае, речи и жеста). Представляется значимым, что полимодальное поведение определяется некоторыми

типами и характеристиками самой коммуникации, например, ее диалогическим и монологическим форматом, социокультурными установками. До сегодняшнего дня такая характеристика коммуникации, как иммерсивность, не становилась объектом полимодального исследования, учитывающего особенности адаптации речи, зрительного внимания и жестового поведения. Косвенно этот вопрос рассматривается в сценической семиотике, где сформировался особый термин «прото-дискурс», или «иммерсивный дискурс» [Jarvis, 2019], который используется при описании техник преодоления «театральности» в сценической игре. В сфере VR-технологий иммерсивность часто трактуется как комплекс проявления сенсорных модальностей человека, погруженного в искусственно созданный (VR, *англ.* virtual reality) или дополненный (AR, *англ.* augmented reality) трехмерный мир, в котором он может менять точку обзора и так или иначе взаимодействовать с объектами 3D-моделирования [Сергеев, 2009; Замков, 2017; The road to immersive communication, 2012; Shilina, Wirth, 2021]. В данных концепциях иммерсивности описаны ее свойства, значимость которых для полимодальной коммуникации мы намереваемся установить в работе.

Важным свойством иммерсивности считается ее технологическая обусловленность, призванная преодолеть «чувство недоверия» [The road to immersive communication, 2012, с. 975] в процессе взаимодействия с виртуальным пространством и уменьшить видимость «дефектов» и сбоев в коммуникации [Shilina, Wirth, 2021, с. 675]. В настоящей работе привлечение к экспериментальному анализу двух ситуаций иммерсивной коммуникации, с предъявлением и без предъявления стимульного материала, нацелено на установление значимости технологичности как ее свойства.

Вторым существенным свойством иммерсивной коммуникации становится ее обусловленность психологией личности. Очевидно, степень иммерсивности будет определяться такими особенностями личности, как степень ее интро/экстраверсии. Соответственно, мы предположили, что тип личности будет влиять на полимодальное поведение испытуемого в двух ситуациях иммерсивной коммуникации. Так, результаты ранее проведенных экспериментальных исследований демонстрируют вариативность в количестве и типе жестов в зависимости от преобладания в человеке интровертных или экстравертных черт личности. В частности, экстраверсия отличается более высокой скоростью реализации жеста, чем интроверсия [Brebner, 1985]. В свою очередь, скорость реализации жеста напрямую коррелирует со скоростью

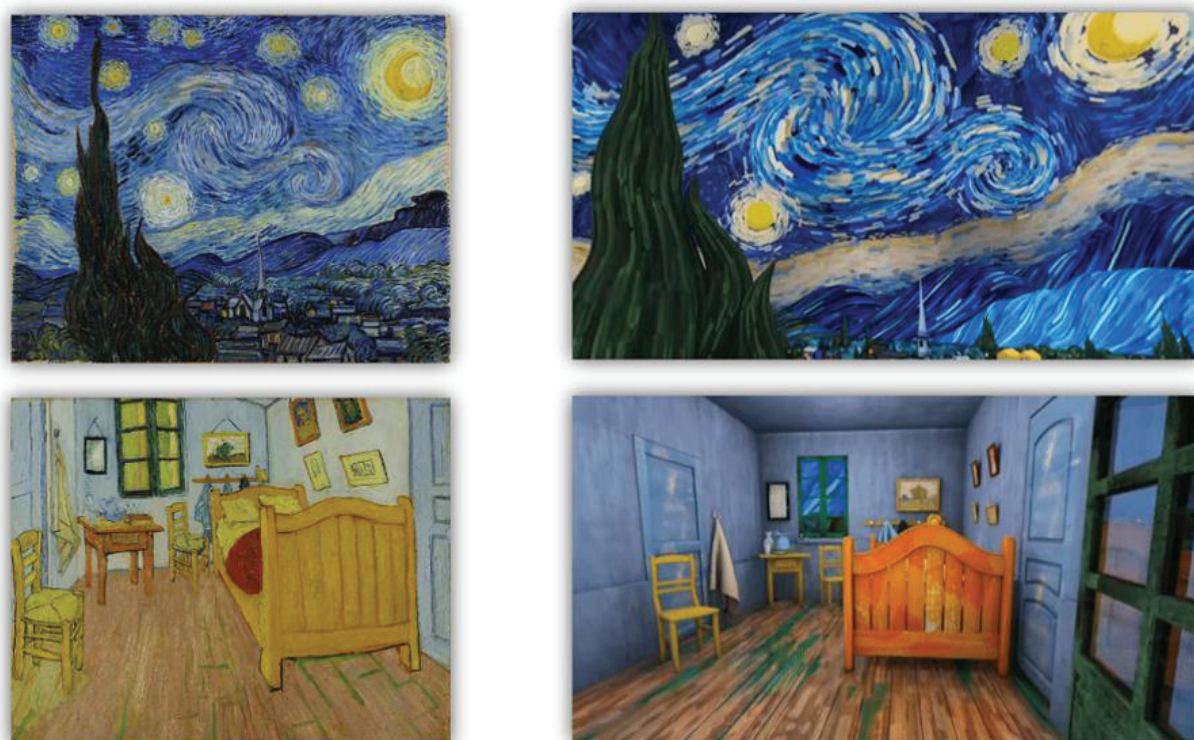

Рис. 1. Сравнение оригинальных полотен Винсента Ван Гога «Звездная ночь» (слева вверху) и «Комната в Арле» (слева внизу) с их виртуальной симуляцией, созданной с помощью 3D-моделирования и нейронных сетей

речепроизводства [Furnham, 1990], а спонтанная речь часто сопряжена с жестом, профилирующим свойства референта [Müller, 2014, с. 1691]. Перечисленные особенности полимодального поведения в условиях разной степени иммерсивности будут подвергаться анализу в исследовании.

ЗАДАЧИ И ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе экспериментального исследования мы намеривались решить ряд задач:

- 1) определить, влияет ли ситуация иммерсивного общения на выбор испытуемым маркеров спекулатива в речи;
- 2) установить частотность использования жестов, сопровождающих спекулативный дискурс, и определить, есть ли корреляция между выбором маркеров спекулатива в речи и выбором жеста, в условиях иммерсивной коммуникации, обусловленной типом личности испытуемого;
- 3) определить, есть ли корреляция между объемом речепроизводства испытуемого и уровнем его интро- / экстраверсии;
- 4) установить наличие или отсутствие зависимости между типом личности испытуемого и его

полимодальным поведением в условиях иммерсивной коммуникации.

Эксперимент был проведен в октябре 2022 года в центре СКОДис (лаборатория ПолиМод) МГЛУ в два этапа, учитывающих две ситуации иммерсивной коммуникации, с предъявлением и без предъявления стимульного материала. К эксперименту было привлечено 15 испытуемых с разным уровнем интро- / экстраверсии. На обоих этапах эксперимента велась видеофиксация полимодального поведения участников. Впоследствии их речь была проаннотирована на предмет присутствия в ней маркеров спекулатива, а также была установлена сопряженность этих маркеров с сопровождающими их жестами. Эксперимент позволил собрать необходимый объем эмпирических данных.

В качестве стимульного материала была подготовлена видеосимуляция перемещения зрителя по интерактивному художественному произведению по мотивам двух знаковых картин Винсента Ван Гога «Звездная ночь» и «Комната в Арле» (см. рис. 1); отметим, что динамика видеосимуляции не может быть передана на рисунке.

Мы полагаем, что восприятие динамического стимула способствует вовлеченности участников в представленную ситуацию (человек как бы идет

по городу, переводит взгляд с одного объекта на другой, перед ним открываются дверь, окно, др., что создается положением и движением камеры). Соответственно, мы сможем наблюдать проявление их иммерсивности в полимодальном поведении, определяемом двумя свойствами такой коммуникации: 1) ее технологичностью, обнаруживаемой в степени иммерсивности ситуации общения и 2) ее психологичностью, обнаруживаемой в уровне интро- / экстраверсии испытуемого.

Таким образом, эксперимент проводился в два этапа: синхронизированно и рассинхронизированно с предъявлением стимульного материала. Перед проведением эксперимента был установлен тип личности участников по шкале интро- / экстраверсии с помощью психологического теста Карла Юнга. Далее результаты психологического тестирования легли в основу разрабатываемых нами гипотез для установления типа, частотности и сопряженности маркеров рассуждения в речи и использования жестов в двух ситуациях иммерсивного общения: с предъявлением стимульного материала и без предъявления стимульного материала.

На первом этапе эксперимента велась видеозапись полимодального поведения участника – интерпретация в свободной форме визуального стимула, синхронизированная с его предъявлением (см. рис. 2).

На втором этапе эксперимента аналогично с помощью видеофиксации был записан рассказ участника об увиденном полотне, рассинхронизированный с предъявлением стимульного материала (см. рис. 3).

Полученные видеозаписи были проанализированы на предмет речевого и жестового поведения участников. В частности, была произведена аннотация речи на наличие в ней маркеров спекулятива (рассуждения) и жестов, синхронизированных со случаями использования заявленных маркеров. На первом этапе эксперимента также велась фиксация визуальной траектории взгляда участника с помощью айтрекера, однако в рамках данной статьи мы не приводим полученные окулографические результаты.

При составлении списка параметров спекулятива в проаннотированных видеозаписях мы руководствовались положениями, разработанными в рамках функционально-смыслового подхода к текстовым единицам [Кибрик, 1991; Longacre, 1983; Fludernik, 1996]. В частности, в этих работах утверждается, что рассуждение характеризуется особыми логическими отношениями между суждениями и специфической языковой структурой. В рассуждении могут быть представлены причинно-следственные и другие отношения обусловленности между членами предметного ряда. Это объяснение можно дополнить коммуникативными установками, выделенными Н. С. Валгиной [Валгина, 2003], такими как доказательство, объяснение, определение, сообщение выводного характера. Маркерами спекулятива в тексте могут служить вводно-модальные слова, условно-временные, уступительные и причинно-следственные связи, отношения противопоставления и сопоставления. Опираясь на понимание речи-рассуждения из учебной литературы, теории текста, а также на

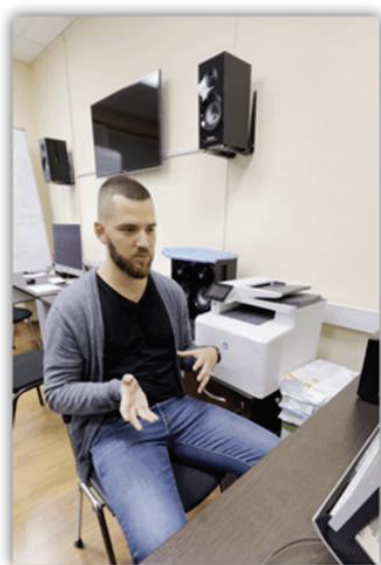

Рис. 2. Динамическое описание стимульного материала, синхронизированное с его предъявлением (*этап 1*)

Рис. 3. Пересказ-интервью, рассинхронизированный с предъявлением стимульного материала (этап 2)

проаннотированный речевой материал, мы выделили следующие типы параметров спекулятива (эксплицированных в виде маркеров), проиллюстрировав их примерами из полученного корпуса:

1. Риторический вопрос: *Что происходит?*;
2. Вводное слово-связка: *собственно говоря, по сути говоря, по-видимому, в целом*;
3. Модальные слова: *возможно*;
4. Слова со значением условно-предположительного сравнения: *как бы, как будто бы, как-то*;
5. Слова, демонстрирующие оценку своего отношения: *интересно, достаточно скудный, пустынный*;
6. Слова и выражения со значением причины, следствия, условия, целеполагания: *потому что, чтобы, поэтому, следовательно, значит*;
7. Риторические образцы, включающие собеседника в рассуждение: *вот знаете*;
8. Слова и выражения со значением степени неопределенности: *поиск слов (mmm, ааа), не знаю, почему-то*;
9. Риторические образцы, включающие себя в рассуждение: *говоря*;
10. Метадискурсивные пояснения: *так, такое ощущение, ну, ну как-то так, вот*.

Так, в анализируемом фрагменте речи одного из участников обнаружены следующие маркеры указанных выше параметров: *по-моему, собственно*

(вводные слова-связки), *потому что* (слово со значением причины, вводящее оборот с констатацией причины), *мне кажется неважным, красивый, неважно, игрушечные, неживые* (слова, демонстрирующие оценку своего отношения), *как будто* (слово со значением условно-предположительного сравнения), *ну* (метадискурсивное пояснение) в:

Виджу картину Ван Гога. **По-моему**, она называется... "Звездная ночь" или "Лунная ночь". Сразу вспоминаю, как я была в Арле во Франции, в этих местах. Очень люблю эту картину и Ван Гога вообще. Э... мне очень нравятся эти яркие краски и, **собственно**, я вижу только их. Всякие здания... я не очень на них сейчас фокусируюсь, ээ... **потому что** мне нравятся сами цвета. Я не могу оторвать взгляд от этого неба. Все остальное мне кажется **неважным**. Синий цвет очень глубокий, **красивый**. Все остальное – **как будто... ну, неважно**, приложение к этому. Мне очень нравится этот цвет. Домики... маленькие, желтые, **как будто игрушечные, неживые**.

Для анализа жестового компонента мы обратились к функциональным концепциям жестового поведения в работах О. К. Ирисхановой и А. Ченки [Iriskhanova, Cienki, 2018], в которых жесты рассматриваются не столько с учетом их структурных характеристик, сколько с учетом их функции в полимодальном поведении. На настоящем этапе исследования принято решение учитывать

совместное использование любого из функциональных типов жеста (дейктического, репрезентирующего, прагматического или адаптера) и параметров речи-рассуждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В эксперименте приняло участие 15 человек, из них восемь участников были определены как экстраверты и семь как интроверты по шкале интро-/экстраверсии К. Юнга. Среднее количество маркеров спекулятива, использованных в речи с предъявлением стимульного материала, составило 22,93; без предъявления стимульного материала – 22,07. Среднее число жестов, сопровождавших эти маркеры с предъявлением стимульного материала, составило 2,93; число жестов, сопряженных с маркерами спекулятива без предъявления стимульного материала – 8,27. Средняя длительность речепроизводства на этапе с предъявленным визуальным стимулом составила 130,13 с.; на этапе без предъявления стимула – 107,07 с. Среднее количество слов по всей выборке участников с предъявлением визуального стимула составило 214,53; без предъявления визуального стимула – 231,13. Нами были выдвинуты четыре гипотезы, валидность которых была проверена статистически: с помощью t -критерия Стьюдента для двух зависимых между собой выборок, и коэффициента корреляции Пирсона для двух независимых выборок.

Согласно гипотезе один, есть различия в использовании маркеров спекулятива в двух этапах иммерсивной коммуникации: с предъявлением стимульного материала и без предъявления стимульного материала. При значении t -критерия Стьюдента равном 0,29, p -вероятность составила 0,776. Таким образом, мы делаем вывод об отсутствии значимых корреляций между двумя заданными параметрами. Следовательно, тип иммерсивности не влияет на использование маркеров спекулятива в речи.

Согласно гипотезе два, есть различия в использовании жестов в двух этапах иммерсивной коммуникации: с предъявлением стимульного материала и без предъявления стимульного материала. При значении t -критерия Стьюдента равном -3,671, p -вероятность составила 0,003, что меньше $p < 0,05$. Таким образом, мы делаем вывод о наличии значимой корреляции между заданными параметрами. Остается констатировать, что тип иммерсивной коммуникации влияет на частотность жестикуляции говорящего.

Гипотеза 3 постулирует наличие различий в использовании слов в двух этапах иммерсивной

коммуникации: с предъявлением стимульного материала и без предъявления стимульного материала. При значении t -критерия Стьюдента равном -0,866, p -вероятность составила 0,401, что указывает на отсутствие корреляции для данной выборки. Таким образом, тип иммерсивности не влияет на количество используемых слов в ответе участника.

Руководствуясь гипотезой 4, мы предположили, что тип личности влияет на использование маркеров спекулятива в речи, использование жеста и количество слов в двух этапах иммерсивной коммуникации: с предъявлением стимульного материала и без предъявления стимульного материала. Для решения этого вопроса использовался корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. При пороговом значении r -Pearson равном 0,46 и значении p -вероятности 0,01 мы установили следующее:

1) в ситуации предъявления стимульного материала тип личности не влияет на выбор маркеров спекулятива в речи (r -Pearson = 0,28);

2) в ситуации предъявления стимульного материала тип личности не влияет на использование жестов, сопровождающих маркеры спекулятива (r -Pearson = 0,37);

3) в ситуации предъявления стимульного материала тип личности влияет на количество использованных слов говорящим (r -Pearson = 0,64);

4) в ситуации непредъявления стимульного материала тип личности влияет на все три параметра: использование маркеров спекулятива (r -Pearson = 0,49), использование жестов, сопровождающих эти маркеры (r -Pearson = 0,59), количество слов в ответе говорящего (r -Pearson = 0,64).

Таким образом, уровень экстраверсии / интроверсии личности напрямую сопряжен с типом и частностью маркеров спекулятива, использованием жестов, сопровождающих эти маркеры, в коммуникативной ситуации с меньшей степенью иммерсивности, иными словами, без предъявления стимульного материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что полимодальное поведение демонстрирует ряд значимых особенностей в распределении речи-рассуждения и жеста, обусловленных ситуацией иммерсивного общения и уровнем интро-/экстраверсии испытуемых. Было обнаружено, что хотя тип иммерсивной коммуникации не сопряжен с выбором дискурсивных маркеров спекулятива, степень иммерсивности коммуникации соотносится с типом и частотностью жестов,

сопровождающих маркеры спекулятива. Уровень экстраверсии / интроверсии личности определяет выбор типа и частотности маркеров спекулятива, частотность использования жестов, сопровождающих эти маркеры, в коммуникативной ситуации с меньшей степенью иммерсивности, иными словами, без предъявления стимульного материала.

В перспективе планируется установление распределения типов жестов в полимодальной коммуникации с разной степенью иммерсивности, а также привлечение окулографических данных, что позволит реконструировать полимодальное поведение говорящего в единстве трех модальностей, речевой, жестовой и глазодвигательной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 25–36.
2. Kiose M. I. The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2020. Vol. 61 (74). P. 161–178.
3. Kiose M. I. Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels // Russian Journal of Linguistics, 2021. Vol. 25(1). P. 147–164.
4. Ирисханова О. К., Прокофьева О. Н. Фокусирование в устном описательном дискурсе: анализ визуальной перцепции, речи и жестов // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXIX. С. 80–87.
5. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. М.: Академия, 2006.
6. The road to immersive communication / J. G. Apostolopoulos et al. // Proceedings of the IEEE. 2012. Vol. 100. P. 974–990.
7. Kendon A. Some reasons for studying gesture // Semiotica. 1986. No 62-1/2. P. 3–28.
8. Müller C. Gestural Modes of Representation as techniques of depiction // Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction / Ed. by C. Müller et al. 2014. Vol. 2. P. 1687–1701. (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.2).
9. Jarvis L. Immersive Embodiment: Theatres of Mislocalized Sensation (Palgrave Studies in Performance and Technology). L: Palgrave Macmillan, 2019.
10. Сепреев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. М.: Народное образование, 2009.
11. Замков А. В. О виртуальном расширении медиареальности // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2351>
12. Shilina M.G., Wirth J. Immersive technologies in media: Towards the concept of generative mediatization? // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2021. Vol. 26(4). P. 672–680.
13. Brebner J. Personality theory and movement. В кн.: Individual differences in movement / ed. by B. Kirkcaldy. Lancaster, England: MTP Press Limited, 1985. P. 27–41.
14. Furnham A. Language and personality // Handbook of language and social psychology / ed. by H. Giles, W. P. Robinson. John Wiley & Sons, 1990. P. 73–95.
15. Кибрик А.А. О некоторых видах знания в модели естественного диалога // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 61–69.
16. Longacre R. E. The grammar of discourse. New York: Plenum Press, 1983.
17. Fludernik M. Towards a 'Natural' Narratology. Abingdon – New York: Routledge, 1996.
18. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003.

REFERENCES

1. Iriskhanova, O. K., Cienki, A. (2018). The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges. Issues in Cognitive Linguistics, 4, 25–36.
2. Kiose, M. I. (2020). The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses. Studies in Logic, Grammar and Rhetoric, 61(74), 161–178.
3. Kiose, M. I. (2021). Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels. Russian Journal of Linguistics, 25(1), 147–164.
4. Iriskhanova, O. K., Prokofieva, O. N. (2017). Focusing spoken descriptive discourse: a study of visual perception, speech and gestures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 29, 80–87. (In Russ.)

5. Velichkovsky, B. M. (2006). Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya = Cognitive Science. Foundations of epistemic psychology: in 2 vols. Moscow: Academia. (In Russ.)
6. Apostolopoulos, J. G. et al. (2012). The road to immersive communication. Proceedings of the IEEE, 100, 974–990.
7. Kendon, A. (1986). Some reasons for studying gesture. Semiotica, 62-1/2, 3–28.
8. Müller, C. (2014). Gestural Modes of Representation as techniques of depiction. In Müller, C. et al. (eds.), Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction (vol. 2, pp. 1687–1701). (Handbooks of Linguistics and Communication Science. 38.2).
9. Jarvis, L. (2019). Immersive Embodiment: Theatres of Mislocalized Sensation (Palgrave Studies in Performance and Technology). London: Palgrave Macmillan.
10. Sergeev, S. F. (2009). Obuchayushchie i professional'nye immersivnye sredy = Teaching and professional immersive environments. Moscow: Narodnoe Obrazovanie. (In Russ.)
11. Zamkov, A. V. (2017). O virtual'nom rasshirenii mediareal'nosti = On the virtual extension of media reality. Mediaskop 3, 7. (In Russ.)
12. Shilina, M. G., Wirth, J. (2021). Immersive technologies in media: Towards the concept of generative mediatization? RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 26(4), 672–680.
13. Brebner, J. (1985). Personality theory and movement. In Kirkcaldy, B. (ed.), Individual differences in movement (pp. 27–41). Lancaster, England: MTP Press Limited.
14. Furnham, A. (1990). Language and personality. In H. Giles & W. P. Robinson (eds.), Handbook of language and social psychology (pp. 73–95). John Wiley & Sons.
15. Kibrik, A. A. (1990). O nekotorykh vidakh znaniya v modeli estestvennogo dialoga = On several types of knowledge in the model of natural dialogue. Voprosy Yazykoznanii, 1, 61–69. (In Russ.)
16. Longacre, R. E. (1990). The grammar of discourse. New York: Plenum Press.
17. Fludernik, M. (1996). Towards a 'Natural' Narratology. Abingdon. New York: Routledge.
18. Valgina, N. S. (2003). Teoriya teksta = Text theory. Moscow: Logos. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потехин Вадим Олегович

старший преподаватель Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Potekhin Vadim Olegovich

Senior Lecturer, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
24.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.13

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_108

Жесты в итальянских развлекательных телевизионных ток-шоу (на материале передачи «Stasera c'è Cattelan...su Rai 2»)

Ф. Руджери

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

federica_ruggeri96@hotmail.it

Аннотация. Исследования жестов относятся к актуальным исследованиям современной лингвистики, в том числе итальянской. В статье представлена краткая история изучения жестов в итальянском языкознании, начиная с XVII века, а также несколько оригинальных классификаций, на основании которых автор выявляет и исследует наиболее употребительные жесты итальянских развлекательных ток-шоу на примере передачи «Stasera c'è Cattelan...su Rai 2». В статье также приводится краткое описание часто используемых жестов.

Ключевые слова: ток-шоу, жесты, жестикуляция, невербальное общение, классификация, культура

Для цитирования: Руджери Ф. Жесты в итальянских развлекательных телевизионных ток-шоу (на материале передачи «Stasera c'è Cattelan...su Rai 2») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 108–113. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_108

Original article

Gestures in Italian Entertainment Talk Shows (on the material of the talk-show «Stasera c'è Cattelan...su Rai 2»)

Federica Ruggeri

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, federica_ruggeri96@hotmail.it

Abstract. Studies about gestures are related to current research in modern linguistics, including Italian. The article presents a brief history of the study of gestures in Italian linguistics, starting from the 17th century, as well as different original classifications on the basis of which the author identifies and investigates the most common gestures in Italian entertainment talk show on the example of the program “Stasera c'è Cattelan...su Rai 2”. In addition, the article provides a summary of more frequently repeated gestures.

Keywords: talk show, gestures, gesticulation, non-verbal communication, classification, culture

For citation: Ruggeri, F. (2023). Gestures in Italian Entertainment Talk Shows. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 108–113. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_108

ВВЕДЕНИЕ

Успех коммуникации во многом определяется правильным соотношением вербальных и невербальных средств коммуникации. Характеризуя невербальную часть коммуникативного процесса, итальянские ученые отмечают, что жесты, мимика, выражения лица позволяют выделять определенные оттенки значения, имплицитно присутствующие в речи собеседников [Lomia, 2014, с. 47]. Особое внимание современная итальянская лингвистика уделяет жестам, так как они являются детерминирующим элементом коммуникации на итальянском языке и живым культурным наследием невербального развития коммуникации в итальянской культуре. Согласно национальному стереотипу итальянцы являют собой эмоциональный народ, который отличается быстрым темпом речи и активным использованием мимики и жестов [там же, с. 50]. Итальянцы пользуются более, нежели 200 жестами в повседневной жизни, каждый из них имеет определенное значение в акте коммуникации. В телевизионных передачах данные коммуникативные элементы в совокупности являются неотъемлемой составляющей диалога и характеризуют речь говорящих в студии.

К сожалению, в современной итальянской научной литературе отсутствуют специальные работы, посвященные анализу жестов в определенном виде дискурса, жанра, в том числе жанра телевизионного ток-шоу. Данная статья призвана отчасти заполнить эту лауну что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕСТОВ В ИТАЛИИ

Интерес к изучению жестов итальянцев в Италии возник довольно давно. Первым письменным исследованием такого рода явился трактат XVII века Дж. Бонифачо (G. Bonifacio) (1547–1635), юриста и историографа из города Виченца (регион Венеция), известный под кратким названием «*L'arte de' cenni*» («Искусство жестов»)¹ [Bonifacio, 1616].

¹ Полное название книги: «*L'arte de' cenni con la quale formandosi favella visibile, si tratta della muta eloquenza, che non è altro che un facondo silentio. Divisa in due parti. Nella prima si tratta dei cenni, che da noi con le membra del nostro corpo sono fatti, scoprendo la loro significatione, e quella con l'autorità di famosi Autori confirmando. Nella seconda si dimostra come di questa cognitione tutte l'arti liberali, e mecaniche si prevagliano. Materia nuova à tutti gli huomini pertinente, e massimamente à Principi, che, per loro dignità, più con cenni, che con parole si fanno intendere.*» («Искусство жестов, с помощью которого слова становятся конкретными жестами, показывает способность выражаться, превращая тишину в насыщенный момент коммуникации. Произведение разделено на две части. В первой части речь идёт о жестях, которые мы воспроизводим нашим телом, о их

Данный трактат имеет политическую подоплеку и основывается на физиогномике, поскольку целью автора являлась декодирование интенций исторических и юридических ораторов. Бонифачо описал более 600 жестов, сопроводив их рядом примеров из литературных и религиозных источников, например, цитатами из произведений Цицерона, Сенеки, Горация и т. д. Основную цель своего трактата Бонифачо определил как выявление значения немых жестов (*cenni muti*) в межличностных отношениях, поскольку они важны для понимания собеседника [там же, с. 563–579].

Другим примером итальянского исследования о жестикуляции является работа А. Де Йорио (A. De Iorio), неаполитанского археолога и каноника – словарь о жестах, опубликованный в 1832 году под названием «*La mimica degli antichi investigata nel gestire napoletano*» («Мимика древних, исследованная в неаполитанских жестах») [De Iorio, 1832]. Книга предоставляет читателю список жестов с их графическими объяснениями, нарисованными неаполитанским художником Г. Джиганте (G. Gigante). Новизна работы Де Йорио заключается в том, что автор предложил сопоставительный анализ жестов неаполитанцев и других народностей, населяющих Италию. Кроме того, история жестов рассматривается в диахроническом аспекте.

Таким образом, эти два автора заложили основы исследования жестикуляции в итальянской культуре. На их работы опираются последующие поколения итальянских лингвистов, занимающихся данным вопросом, такие как Ф. Каон (F. Caon), П. Диадори (P. Diadori), И. Погджи (I. Poggi), Е. Кальдоньетто (E. Caldognetto), А. Соберо (A. Sobrero), М. Бонаиуто (M. Bonaiuto).

За последние 30 лет в итальянской лингвистике появились новые теоретические работы, посвященные классификации и интерпретации жестов. И. Поджи в своей работе «*Le parole del corpo. Introduzione alla comunicazione multimodale*» («Слова тела. Введение в мультимодальную коммуникацию») [Poggi, 2006], утверждает, что для понимания значения определенного жеста необходимо рассматривать его «семантику» и «фонологию», особенно при создании словарного источника *Gestionario* (это слово представляет собой объединение слов «gesti» – жесты и «dizionario» – словарь). Следует также отметить словарь итальянских кодифицированных жестов [Nobili, 2016].

значении и о мнении других известных авторов. Во второй части показывается, что среди всех семи свободных и механических, оно самое высокое. Данное искусство является новой дисциплиной, подходящей людям, но особенно князьям, которые, для уважения их достоинства, говорят больше жестами, чем словами».)

Лингвисты И. Поджи (I. Poggi) и Е. Кальдоньетто (E. Caldognetto) в работе «Mani che parlano» («Говорящие руки») называют жесты «ковербальными», поскольку они активно сопровождают устную речь. Ученые предложили их классификацию, в основе которой лежат функции жестов, выделяя, таким образом, следующие :

- символические жесты – жесты, отражающие культуру определенного народа;
- мимические жесты – жесты, используемые говорящим для передачи определенной эмоции;
- пантомимические жесты – жесты, используемые для спонтанной передачи определенного понятия, которое сформировано в голове говорящего, но по разным причинам не высказано вербально;
- пиктографические жесты – жесты, описывающие форму референта;
- дейктические жесты – жесты, чья функция заключается в указании на положение референта в пространстве. Они используются в том случае, когда референт присутствует в данном пространстве физически;
- батонические жесты – быстрые движения руки, при которых главными элементами являются ритм и движение;
- иллюстративные жесты – жесты, иллюстрирующие информацию, переданную говорящим вербальным образом;
- пространственные жесты – жесты, указывающие на местонахождение референта. Они используются также при его отсутствии;
- коммуникативные жесты – жесты, передающие точное значение того, что говорящий в тот момент излагает словами. При этом говорящий сознательно или бессознательно учитывает их разделение на кодифицированные (т. е. уже давно присутствующие в представлении говорящего) и творческие (т. е. жесты, придуманные в момент разговора) [Bonaiuto, Maricchiolo, 2010, с. 65].

Изучение жестов в настоящее время происходит с учетом разных параметров, например, их географического распространения [Sobrero, 1993, с. 431–432] или их места в рамках межкультурной коммуникации. К последнему можно отнести словарь П. Диадори (P. Diadori) «100 Gesti degli italiani» («100 жестов у итальянцев»), в которой подробно описаны 100 наиболее известных жестов, типичных для итальянцев [Diadori, 1990].

Этому словарю последовал труд Ф. Каона «Il Dizionario dei gesti degli italiani» («Словарь о жестах итальянцев. Межкультурная перспектива») [Caon, 2010]. Эта работа является инновационной,

поскольку соединяет в себе несколько важных функций: коммуникативную, глоттодидактическую и межкультурную функции. Построение и содержание словаря направлено на использование элементов итальянского невербального общения начиная с начального уровня.¹

Интересной представляется классификация Каона, также основанная на функциональном потенциале жестов. Это жесты, выражающие эмоции, чувства, собственные мысли и впечатления; жесты, с помощью которых можно прощаться, благодарить, отказываться от чего-нибудь и т. д.; жесты, выполняющие инструментально-регулятивную функцию. С их помощью можно воздействовать на собеседника. Последнюю группу образуют референциальные жесты, описывающие реальность [Caon, 2010].

АНАЛИЗ ЖЕСТОВ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПЕРЕДАЧЕ «E POI C'È CATTELAN...SU RAI 2»

В качестве материала исследования мы выбрали передачу «E poi c'è Cattelan» («И потом есть Каттелан») и ее продолжение «Stasera c'è Cattelan... su Rai 2» («Сегодня вечером будет Каттелан...на 2 канале»). К анализу мы привлекли восемь выпусков первого сезона передачи, транслируемых в 2022 году. Эта передача соответствует всем критериям жанра ток-шоу, поскольку ее показ осуществляется ночью, точнее, с 23:00 до 23:30 (с 6 октября 2022 года она начинается в 23:45), длительность – 60–70 минут, три раза в неделю (во вторник, в среду и в четверг). Программа снимается в Турине, поэтому сама студия имеет на заднем плане урбанистическую панораму. На передачу приглашаются обычно известные личности из музыкальной, развлекательной, кинематографической и других популярных сфер. Передачу сопровождает музыкальная группа Street Clerks, в ней принимает участие помощник ведущего, Майк Леннон, многообещающий рэпер итальянской музыкальной индустрии.

Исследование жестов мы осуществляли следующим образом: просматривая передачи указанного периода, мы отмечали жесты и вербальные компоненты, которыми они сопровождаются (при наличии), фиксируя время их использования. Далее найденные жесты были распределены по группам, в соответствии с классификацией Поджи и Кальдоньетто. В рамках данной классификации мы планируем исследование жестов в развлекательных передачах российского телевидения.

¹ URL: <https://www.italy.it/recensione/f-caon-dizionario-dei-gesti-degli-italiani-una-prospettiva-interculturale> (дата обращения: 02.10.2022).

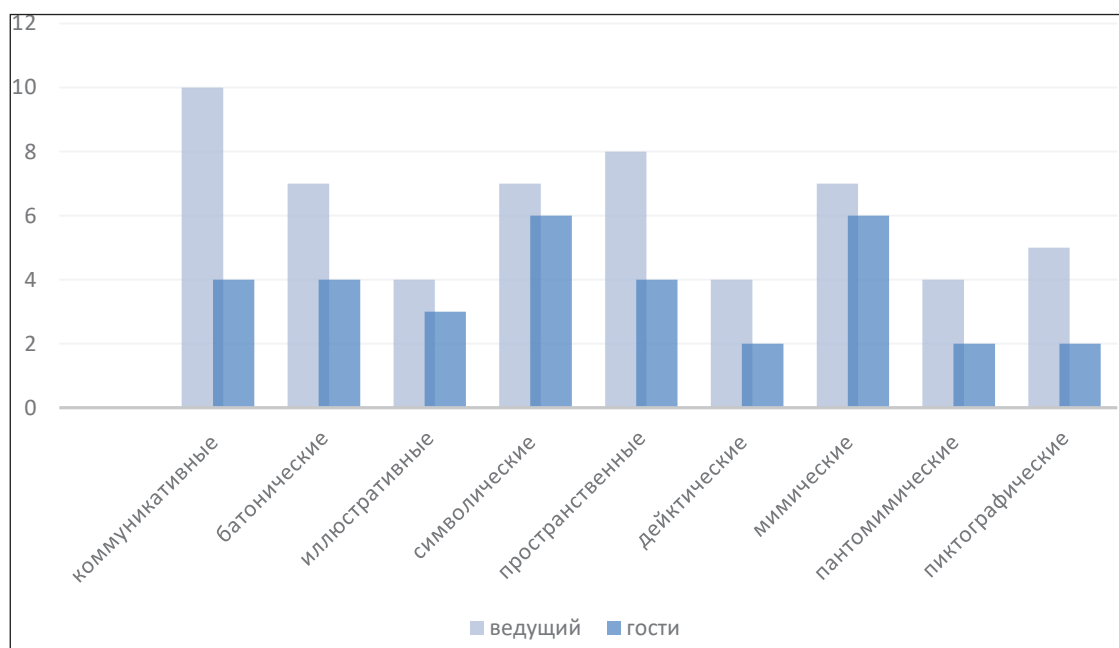

Диаграмма 1. Жесты в итальянской передаче Stasera c'è Cattelan...su Rai 2

Всего нами было отмечено 85 жестов, большинство которых делал ведущий передачи. Ему принадлежат почти 52 жеста, а гостям разных выпусков гораздо меньше, примерно 33 жеста. Некоторые из жестов были использованы соведущим передачи.

По нашему наблюдению, в течение выпуска ведущий использует жесты в разные моменты передачи, но больше всего во время своих монологов, между первым и вторым интервью и в начале передачи, перед появлением первых гостей. В эти моменты ведущий занимает центральную часть сцены и поэтому очень свободно двигается при монологах. Не исключается наличие жестов и во время интервью. В связи с этим мы можем сказать, что во время монолога обычно ведущий пользуется символическими жестами, т. е. жестами, традиционными в итальянской культуре, иллюстративными жестами, т. е. показывающими конкретно его интенцию, и батоническими жестами, требующими вербального сопровождения. В течение интервью происходит смена жестов, и участники передачи пользуются преимущественно пространственными жестами, т. е. показывающими то место, где находится референт, например при входе гостей в студию.

В набор жестов гостей передачи входят коммуникативные, мимические и иллюстративные жесты, особенно часто они используются при описании какого-то факта, касающегося личной жизни или деятельности приглашенных. Использование данных жестов со стороны гостей мы фиксировали

особенно часто во время интервью, но иногда они использовались в других рубриках передачи или в играх.

Результаты наших наблюдений и группировка жестов представлены в диаграмме 1.

ОПИСАНИЕ ТИПИЧНЫХ ЖЕСТОВ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТОК-ШОУ

Наиболее часто в программе используются коммуникативные жесты. Одним из примеров является жест, связанный с выражением «Chapeau!» (Мое почтение!), в выпуске от 20.09.2022 (мин. 08:53), где указательный палец левой руки прикасается к большому пальцу, объединяясь, чтобы взять какую-то вымышленную шапку из головы. При этом рука говорящего движется вперед.

Примером символического жеста является жест «щепотка», один из самых популярных жестов итальянской культуры, имеющий значение «несогласия». Его используют, намекая на то, что интенции нашего собеседника не совпадают с нашими. В одной из передач гость Фабио Каресса, итальянский спортивный комментатор, использует данный жест, сопровождая его словами «Но ты куда?». Данный жест представляет собой руку с пальцами, закрытыми в щепотке и качающуюся снизу вверх. Такой жест воспринимается зрителем и ведущим как выражение иронии.

Пример иллюстративного жеста мы находим в выпуске передачи от 21.09.2022 (мин. 09:47), где ведущий использует его для имитации движения

рыб, намекая на рыбное итальянское блюдо, которое обычно долго переваривается. Используя второй иллюстративный жест в выпуске от 21.09.2022 (мин. 07:53), ведущий делает вид, что открывает бутылку воды. На самом деле, он хотел показать, как можно украсть воду из мини-бара в отеле, основываясь на своем опыте. Вербальный компонент *Aprite la bottiglia...* (*открывайте бутылку...*) становится не столь важным.

Среди мимических жестов в передаче можно найти жест рук с открытыми ладонями в виде тарелки,двигающимися назад. Этим жестом обычно сообщают о каком-то незаконном действии, которое всё равно можно делать, не беря на себя никакой ответственности. И в данном случае, вербальный компонент представляется излишним, поскольку значение уже ясно:

In ogni caso, io ve l'ho detto (*Алессандро Каттелан*). – На всякий случай, я вам сказал (*перевод: Федерика Руджери*).

Второй мимический жест данного выпуска (мин. 09:17) мы находим у ведущего, обе руки которого были подняты в знак сдачи в плен, сопровождаясь при этом словом *Amen* (*Аминь*). Сам по себе жест передает смысл снятия с себя всякой ответственности за какое-нибудь действие или происшествие.

Пространственные и дейктические жесты мы обнаружили в выпуске от 21.09.2022 (мин. 05:39). Ведущий указывает на своего соведущего Майка Леннона в начале передачи, протягивая к нему руки, чтобы представить его публике. Указывая на своего соведущего, Каттелан направляет взгляд зрителей к Майку Леннону. В данном случае, вербальный компонент, а именно название по имени и фамилии, считается особо важным, поскольку привлекает внимание зрителей к определенной личности в студии.

Вторым примером пространственного жеста является протягивание обеих рук в левую сторону, показывающее что-то рядом с ведущим. Данный быстрый жест, направленный направо и налево, обычно используется при выражении *туда и сюда* (*di qua e di là*). Вербальным компонентом в данном контексте было:

Не надо новых кандидатов избрать в Великобритании (*Алессандро Каттелан*). – Non c'è bisogno di votare per nuovi candidati in Gran Bretagna (*перевод: Федерика Руджери*).

Примером дейктического жеста является жест, присутствующий в выпуске от 20.09.2022 (мин.

03:35), при котором ведущий приветствует всех гостей, которые в студии находятся, двумя открытыми руками, протянутыми к публике. Данный жест характеризует начало выпуска и сопровождается вербальным компонентом:

Buonasera a tutti! (*оригинал: Алессандро Каттелан*). – Всем добрый вечер! (*перевод: Федерика Руджери*)

Батонические жесты присутствуют в передаче постоянно, так как сопровождают устные высказывания. Например, в выпуске от 20.09.2022 ведущий складывает пальцы в виде щипцов (мин. 32:43) и при этом с сарказмом высказывается о недавней смерти королевы Елизаветы, говоря:

In Gran Bretagna esiste un protocollo di emergenza in caso di morte di un monarca (*оригинал: Алессандро Каттелан*). – В Великобритании существует экстренный протокол в случае смерти одного монарха (*перевод: Федерика Руджери*).

Примером пантомимических жестов служит жест из выпуска от 20.09.2022 (мин. 33:19), когда ведущий шутил о проведенных в тот день выборах в Италии, говоря:

Dobbiamo essere sinceri parlando del più grande scandalo politico del nostro Paese (*оригинал: Алессандро Каттелан*). – Мы должны быть честными и поговорить о том, что в нашей стране большой политический скандал (*перевод: Федерика Руджери*).

При этом у ведущего сжатые пальцы рук плотно примыкают к внутренней части ладони, как будто он сжимает какой-то воображаемый предмет обеими руками.

Среди пиктографических жестов стоит упомянуть жест гостя из музыкальной сферы Лацца (*Lazza*) из выпуска от 22.09.22 (13:53), который он использовал во время интервью. Отвечая на вопрос о том, как началась его карьера в музыкальной сфере, он вспомнил свою первую музыкальную клавиатуру, подаренную его бабушкой. Гость показывает руками размер маленькой клавиатуры, говоря:

Mio nonno mi ha regalato la prima Bontempi (*оригинал: Лацца*). – Мой дедушка подарил мою первую Бонтемпи (*перевод: Федерика Руджери*).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволил нам сделать следующие выводы: большинство из 85 жестов были сделаны ведущим передачи,

Алессандро Каттеланом в разные моменты телепередачи. Больше всего было использовано коммуникативных, батонических, мимических и иллюстративных жестов при интеракции с гостями, а также пространственных и символических жестов во время его монолога. Батонические жесты характеризуют и данную часть передачи.

Широкий выбор жестов наблюдается у итальянских гостей передачи, но их жестикация

включает больше символических, батонических и пиктографических жестов.

Таким образом, полагаем, что использование большого количества жестов именно со стороны ведущего может быть связано не только с его личностными характеристиками, но и с желанием привлечь к телепередаче как можно большее количество зрителей, используя при этом национально-культурную особенность жителей Италии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lomia N. Le particolarità della comunicazione paralinguistica sull'esempio della cultura italiana. Ilia: E-Scripta Romanica, 2014.
2. Bonifacio G. L'arte de' cenni. Vicenza: Ex libris Marchionis Salsae, 1616.
3. De Iorio A. La mimica degli antichi investigata nel gestire napoletano. Napoli: Stamperia e cartiera del Fibreno, 1832.
4. Poggi I. Le parole del corpo. Introduzione alla comunicazione multimodale. Roma: Carocci, 2006.
5. Nobili C. Repertori lessicografici dei gesti italiani tra edito e inedito. Proposta del Gestibolario. Falun: Pisa University Press, 2016.
6. Bonaiuto M. Maricchiolo F. La comunicazione non verbale. Roma: Carocci, 2010.
7. Sobrero A. La Pragmatica in Sobrero A. Introduzione all'Italiano contemporaneo Le strutture (a cura di Sobrero A.). Bari: Laterza, 1993.
8. Diadori P. Senza parole. 100 gesti degli italiani. Roma: Bonacci, 1990.
9. Caon F. Dizionario dei gesti degli italiani. Una prospettiva interculturale. Perugia: Guerra, 2010.

REFERENCES

1. Lomia, N. (2014). Le particolarità della comunicazione paralinguistica sull'esempio della cultura italiana. Ilia: E-Scripta Romanica.
2. Bonifacio, G. (1616). L'arte de' cenni. Vicenza: Ex libris Marchionis Salsae.
3. De Iorio, A. (1832). La mimica degli antichi investigata nel gestire napoletano. Napoli: Stamperia e cartiera del Fibreno.
4. Poggi, I. (2006). Le parole del corpo. Introduzione alla comunicazione multimodale. Roma: Carocci.
5. Nobili, C. (2016). Repertori lessicografici dei gesti italiani tra edito e inedito. Proposta del Gestibolario. Falun: Pisa University Press.
6. Bonaiuto, M., Maricchiolo F. (2010). La comunicazione non verbale. Roma: Carocci.
7. Sobrero, A. (1993). La Pragmatica in Sobrero A. Introduzione all'Italiano contemporaneo. Le strutture (a cura di Sobrero A.). Bari: Laterza.
8. Diadori, P. (1990). Senza parole. 100 gesti degli italiani. Roma: Bonacci.
9. Caon, F. (2010). Dizionario dei gesti degli italiani. Una prospettiva interculturale. Perugia: Guerra.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руджери Федерика

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruggeri Federica

Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Lecturer at the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
26.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'276.3, 81'221.22
DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_114

Жестовое поведение при употреблении инвективной лексики в устном нарративе: гендерный аспект

М. В. Томская¹, А. А. Рябухина (Рашина)²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹scog@linguanet.ru, ²anastasiarashina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности вербально-жестового поведения мужчин и женщин при использовании инвективной лексики. Анализ видеозаписей в программе ELAN выявил различия как в количестве употребляемой инвективной лексики, так и в применении мужчинами и женщинами жестов одновременно с инвективной лексикой. Установлено, что в устном нарративе современные молодые женщины в целом чаще используют инвективную лексику, тогда как молодые мужчины чаще прибегают к obscenным (нецензурным) выражениям. При употреблении инвективной лексики с жестами, а также при ее замещении невербальными компонентами, часто используются прагматические жесты.

Ключевые слова: гендер, конструирование гендера, инвективная лексика, жестовое поведение, устный нарратив

Благодарности: Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (проект № АААА-А20-120071690041-3).

Для цитирования: Томская М. В., Рябухина (Рашина) А. А. Жестовое поведение при употреблении инвективной лексики в устном нарративе: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып 2 (870). С. 114–121. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_2_870_114

Original article

Gesture Behaviour when Using Invective Vocabulary in Oral Narrative: Gender Aspect

Maria V. Tomskaya¹, Anastasia A. Ryabukhina (Rashina)²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹scog@linguanet.ru, ²anastasiarashina@gmail.com

Abstract. The article discusses some features of the verbal-gestural behavior of men and women when using invective. Analysis of video recordings in the ELAN program revealed differences both in the amount of invective vocabulary used and in the use of gestures simultaneously with invective vocabulary by men and women. It has been established that in the oral narrative, modern young women generally use invective vocabulary more often, while young men tend to use obscene expressions. When using invective vocabulary with gestures, as well as replacing it with non-verbal components, pragmatic gestures are most used.

Keywords: gender, gender construction, invective vocabulary, gesture behavior, oral narrative

Acknowledgments: The research is carried out at the MSLU within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia (project АААА-А20-120071690041-3).

For citation: Tomskaya, M. V., Ryabukhina (Rashina), A. A. (2023). Gesture behavior when using invective vocabulary in oral narrative: gender aspect. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 2(870), 114–121. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_2_870_114

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных принципов гендерных исследований является понимание того, что гендер является трансформирующимся порождением социума, который неизменно оказывает влияние на него, преобразовывая тем самым представления о гендере [Гриценко, 2005]. В настоящее время гендерные представления с особой интенсивностью подвергаются метаморфозам. В результате исследователи приходят к выводу, что их необходимо пересмотреть [Кирилина, Гаранович, 2022].

Исследования последних лет демонстрируют разнообразие подходов к изучению гендера в гуманитарных науках, обусловленное существующим плюрализмом научных взглядов. В этой связи представляется любопытным обращение к анализу гендерного аспекта невербальной коммуникации, например, при спонтанном порождении устного нарратива.

Любому устному нарративу сопутствуют жесты, которые дополняя речь и помогая говорящим более ярко передавать свои мысли, эмоции и переживания собеседнику, образуют тем самым единый мультимодальный кластер [Гришина, 2011], или полимодальный комплекс, формирующийся из вербальных и невербальных компонентов.

Особенно интересными представляются случаи проявления эмоций, вызванных повторным переживанием повествуемых событий. Как показывают исследования, эффективным средством коммуникации, особенно в ситуациях, которые отзываются в говорящем сильными эмоциями, часто выступают невербальные проявления (жесты, мимика и др.), которые помогают ему более ярко выразить свои эмоции [Крейдлин, 2006].

Для того, чтобы отличить жесты от других телодвижений, целесообразно обратиться к особенностям жестов. Исследователи выделяют и подчеркивают осознанный и намеренный характер жестов [Kendon, 2004]; информативность жестов, они несут смысловозначительный характер [Моррис, 2010]; бескорыстие и контролируемость жестов [Гришина, 2017]. Данных характеристик мы будем придерживаться при выявлении жестов в нашем исследовании.

Несмотря на попытки выделить невербальный стиль поведения мужчин и женщин, предпринятые в отдельных работах [Крейдлин, 2006], говорить о типично женских (фемининных) и мужских (маскулинных) чертах в жестовом поведении считаем преждевременным. Однако нам удалось выявить некоторые тенденции в употреблении жестов мужчинами и женщинами, в частности, была замечена активная жестикуляция женщин, а также учащение

использования репрезентирующих и дейктических жестов при описании негативных событий прошлого [Рашина, Томская, 2022].

В процессе работы над аннотированием видеоматериала с иной исследовательской задачей нами обнаружено частотное использование инвективной лексики говорящими в момент описания, как правило, негативных ситуаций, вызвавших эмоциональную реакцию рассказчика, а также употребление табуированных слов в комплексе с жестами или иными телодвижениями. Это позволило нам выдвинуть следующие гипотезы:

- молодые женщины используют инвективную лексику в целом чаще молодых мужчин, однако молодые мужчины склонны чаще молодых женщин употреблять обсценную (нецензурную) лексику;
- молодые женщины отдают предпочтение прагматическим жестам при произнесении инвектив;
- при замещении инвективной лексики жестами используются репрезентирующие жесты.

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К СОБЫТИЮ

В последнее время интерес к изучению инвективной лексики возрос, чему способствовал ряд факторов: либерализация общества, снижение культуры речи, увеличение количества инвективной лексики в художественных текстах, кино и на телевидении [Шарифуллин, 2000].

Инвективная лексика представляет собой пласт слов и выражений, выходящих за рамки культурной нормы в языке, основной целью которых является желание оскорбить или унижить адресата [Жельвис, 2001]. К инвективной лексике могут относиться как жаргонизмы, просторечья, так и обсценные (нецензурные, или матерные) языковые единицы, употребление которых традиционно считается чертой малообразованных и невоспитанных людей.

Исследователи выделяют различные функции инвектив, так, например, в работе В. И. Жельвиса выделяются 27 функций, в частности, понижение социального статуса адресата, привлечение внимания, желание продемонстрировать качество «свой в доску», средство агрессии и др. [Жельвис, 2001].

Другие авторы разделяют инвективы на две большие группы в зависимости от преднамеренности их использования, а именно пропозициональные (преднамеренные) и непропозициональные (непреднамеренные). Пропозициональные инвективы выполняют экспрессивную, интенсификационную

функции, позволяя говорящему эмоционально усилить свое высказывание. Непропозициональные инвективы, в свою очередь, воспроизводятся рефлексивно и реализуют катарсическую функцию, то есть помогают говорящему снять эмоциональное напряжение в ситуациях, когда они испытывают сильную физическую / душевную боль, либо пытаются запугать и т. д. [Finn, 2017]. Другими словами, использование инвектив чаще всего рассматривается как способ выражения агрессии, экспрессивности и эмоциональности говорящего.

Несмотря на то, что использование ругательств до сих пор считалось преимущественно чертой мужской речи [Успенский, 1996], а использование ее женщинами до недавнего времени считалось отступлением от социальных норм и представлений о «настоящей женщине», вышеупомянутые факторы привели к тому, что инвективную, в том числе обсценную, лексику всё чаще можно услышать из уст женщин, которые стремятся нарочито продемонстрировать равноправие с мужчинами [Шкапенко, 2016], а также отстаивать свои социальные права [Барышникова, 2004]. Как утверждают некоторые авторы, в настоящее время употребление инвектив носит скорее андрогинный характер [Анков, 2022]. Наш анализ, с одной стороны, подтвердил упомянутые утверждения, с другой – показал, что некоторые отличия в использовании инвективной лексики мужчинами и женщинами все-таки наблюдаются.

МАТЕРИАЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа нами использованы видеоматериалы, полученные в ходе проведения эксперимента, во время которого участники описывали события прошлого. Всего проанализировано 14 записей диалогов 28 молодых людей в возрасте от 19 до 25 лет, которые были разделены на пары (всего 14 пар: 6 однополых пар – 3 пары женщины + женщина, 3 пары мужчина + мужчина, 8 разнополых пар – женщина + мужчина). Общая продолжительность видеозаписей с анализируемым материалом составила 269 минут 7 секунд.

Все участники подписали согласие на проведение эксперимента и использование видеоматериалов в научных целях. Запись велась на белом фоне для лучшей видеофиксации движений рук и тела участников.

Участникам были предложены следующие темы для обсуждения: общее, нейтральное описание мест (например, «Расскажите о любимом месте»), описание необычных ситуаций, случаев из жизни (например, «Расскажите о ситуации, в которой вы гордились собой» и др.). Несмотря на заданность тематики, мы обнаружили относительную спонтанность их речи, так как будучи друзьями / приятелями и имея общие воспоминания, респонденты отходили от предложенной темы, свободно повествуя о чем-либо своем и нередко вступая в диалог.

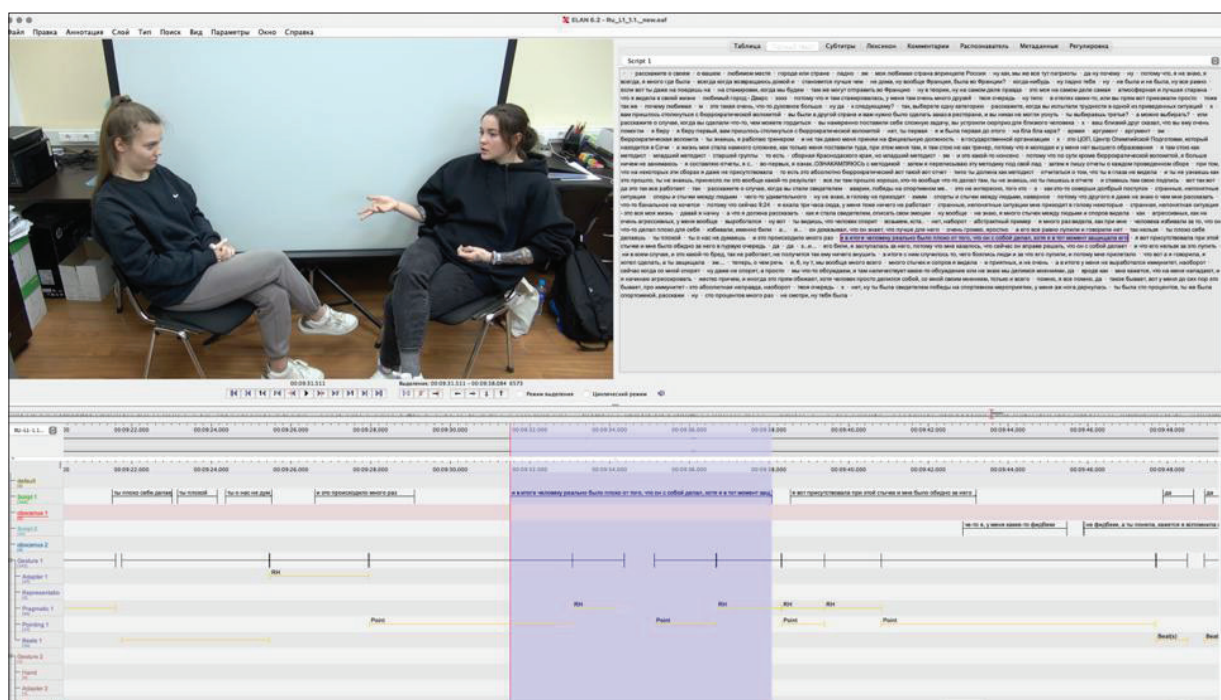

Рис. 1. Скриншот аннотированной записи в программе ELAN

Для аннотации материала мы использовали программу ELAN (НИИ Психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене (Нидерланды)). В ходе обработки материала зафиксированы все случаи использования инвективной лексики (вербальные и с невербальным компонентом), которые, в свою очередь, были размечены на видео и звуковой дорожках. Кроме того, мы отдельно отметили случаи, когда говорящий намеревался использовать табуированное слово, но предпочел заменить его жестом, а также случаи использования нецензурных (матерных) слов (см. рис. 1).

Для анализа жестового поведения говорящих мы взяли за основу классификацию К. Мюллер и А. Ченки, которые выделяют следующие типы жестов: репрезентирующие; (само)адаптеры; прагматические; дейктические; биты [Müller, 1998; Cienki, 2013].

Отметим отдельно, что не во всех повествованиях в парах были обнаружены инвективы, так из 14 пар в четырех не было зафиксировано ни одного случая. Заметим, что все эти пары были однополыми (мужчина + мужчина), но несмотря на отсутствие ругательств, в их повествованиях прослеживался некий сексуальный подтекст, например:

- Совершал какие-нибудь *первобытные поступки*?
- Совершал *первобытные поступки*, но не связанные с этим местом.

В результате нами обнаружены 86 случаев использования инвективной лексики, из них 52 женщинами, 34 мужчинами, которые были поделены на типы в зависимости от ситуации:

- использование инвективной лексики в комплексе с жестом (например: «и тот дурак, и этот дурак» + дейктический жест);
- замена инвективной лексики жестом (например: «да какого...», вместо инвективной лексической единицы использован прагматический жест);
- использование инвективной лексики в комплексе с движением головой / телом (например: «если (он) еще раз поступит, вам всем пи**а», резкое движение головой);
- замена инвективной лексики движением головой / телом (например: «их там кормили откровенной ...», замена на резкое движение головой и зажмуривание);
- использование инвективной лексики без невербальных компонентов (например: «он даже про мою маму г***о какое-то говорил»).

Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Мы также выделили отдельно использование жестов в комплексе с инвективной лексикой и распределили их по функциональным типам жестов, в результате нам удалось получить следующие данные (см. табл. 2).

Таблица 1

СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ БЕЗ И С НЕВЕРБАЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

	Мужчины	Женщины
Использование инвективной лексики в комплексе с жестом	14	26
Замена инвективной лексики жестом	3	2
Использование инвективной лексики в комплексе с движением головой / телом	6	8
Замена инвективной лексики движением головой / телом	2	3
Использование инвективной лексики без невербальных компонентов	9	13
Всего:	34	52

Таблица 2

СЛУЧАИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕКТИВ В КОМПЛЕКСЕ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ЖЕСТАМИ

	Мужчины	Женщины
Дейктические	1	3
Прагматические	6	14
(Само)адаптеры	3	7
Репрезентирующие	4	2
Всего:	14	26

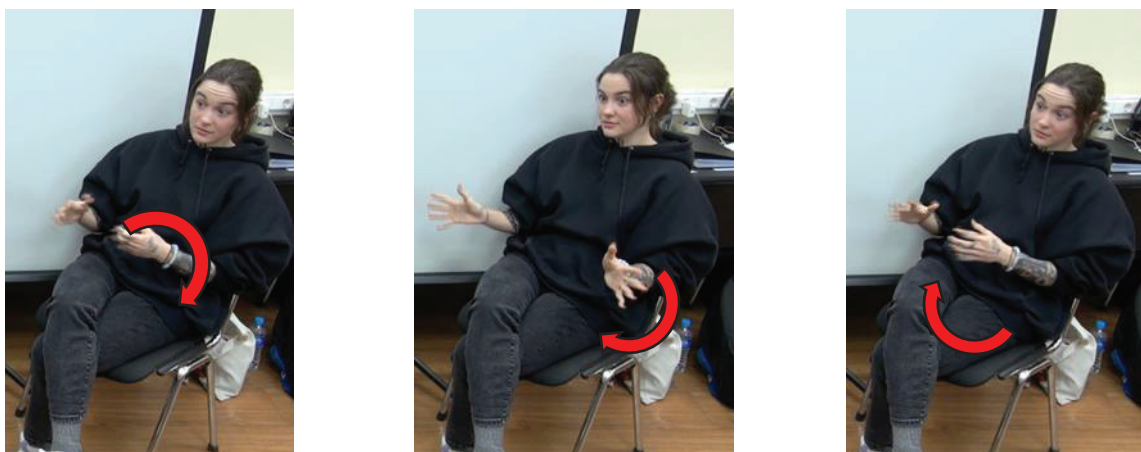

Рис. 2. Репрезентирующий жест:
«Что вот я говорила, я хотел сделать, а ты защищала. Э... (репрезентирующий жест)»

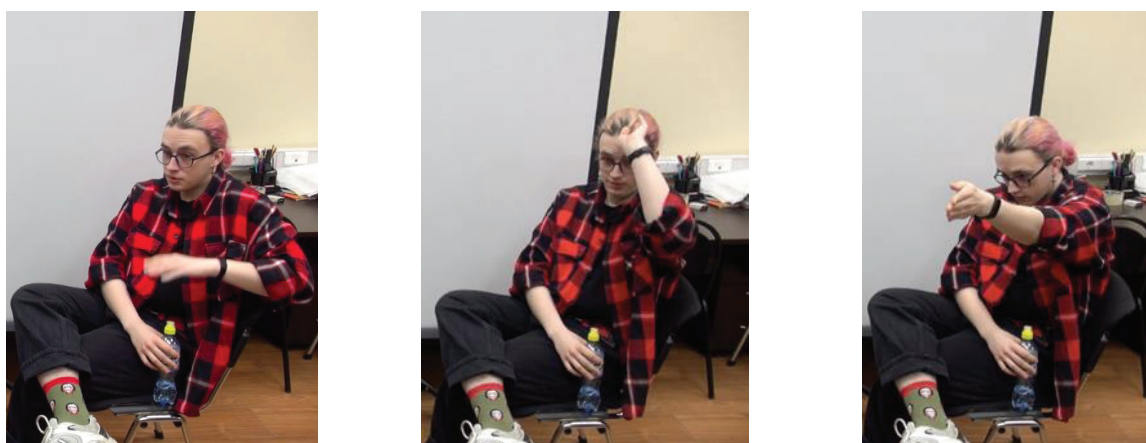

Рис. 3. Репрезентирующий жест:
«Отправился в пешее эротическое путешествие в один конец, а второго попытались загрести»

Как следует из количественного анализа, наиболее частотное использование прагматических жестов в комплексе с инвективами. Вероятно, приведенные показатели обусловлены тем, что в данном случае прагматические жесты как эмпатические выполняют функцию интенсификации, то есть при произнесении бранной лексики, и так имеющей эмоциональный характер, говорящие пытались усилить эмоциональный эффект на собеседника.

Кроме интенсификации, жесты воспроизводились с целью замещения инвектив (см. табл. 1). Интерес представляет то, что во всех случаях (всего 5) как мужчины (3 случая), так и женщины (2 случая) использовали репрезентирующие жесты, симулирующие свойства и характеристики описываемого объекта.

Так, одна из участниц рассказывает историю, когда ей пришлось стать свидетельницей избиения молодого человека, в конце повествования она замолкает, замещая гипотетически инвективную

лексему репрезентирующим жестом, который негативно характеризует ситуацию и ее участников (см. рис. 2).

Другим ярким примером такого замещения служит описание драки в клубе. Молодой человек стал невольным свидетелем драки, описывая приезд полицейских, он говорит: «Приехали менты на этих двух пацанов, один просто...», однако далее вместо вербальной единицы, предположительно инвективы, он воспроизводит репрезентирующий и одновременно дейктический жест, после чего спустя некоторое время продолжает свою мысль, заменяя неформальную лексику эвфемистической фразой: «Отправился *в пешее эротическое путешествие* в один конец, а второго попытались загрести» (см. рис. 3).

Нами также были отмечены случаи замены инвективной лексики местоимением, например, указательным. Так, при описании конфликтной ситуации одна из участниц во избежание употребления

инвективы говорит: «Ты тут *такой, такой*». Далее продолжает: «Ну, знаешь, как мужики, ну, *петушатся*». Интересно отметить, что при произнесении лексемы «петушатся», девушка мимикой демонстрирует негативное отношение к такому стилю поведения, при этом использует прагматический жест, все это в совокупности образует единый комплекс вербальных и невербальных средств выражения оценки, отнесенной к участникам конфликтной ситуации.

Подчеркнем, что в целом женщины стремятся избегать употребления обсценной лексики. Из всех участниц лишь одна девушка выражалась нецензурно (в 6 из 12 случаев употребления инвектив в своей речи она прибегала к обсценной лексике). Мы допускаем, что использование инвектив молодыми женщинами обусловлено их возрастом и статусом, что косвенно подтверждает взаимодействие гендерных особенностей с другими социальными характеристиками личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Количественный анализ данных позволил нам получить результаты, на основании которых мы можем сделать предварительный вывод: современные молодые женщины чаще, нежели молодые мужчины, используют инвективы в своей речи. Данное обстоятельство может быть связано с желанием девушек нивелировать гендерные различия, а также с их социальными характеристиками. При этом чаще всего их негативные высказывания касаются именно описания поведения мужчин.

Качественный анализ показал, что несмотря на частое употребление грубых слов, женщины в отличие от мужчин старались избегать прямого использования обсценных (нецензурных) слов, заменяя их вербально – эвфемизмами, грубой или стилистически сниженной лексикой, невербально – жестами.

Что касается жестикуляции, отмечено количественное преобладание прагматических жестов при произнесении инвектив женщинами. При замещении инвектив невербальными средствами используются репрезентирующие жесты, которые производятся размашисто и часто сопровождаются мимикой.

Инвективы редко употребляются при описании позитивных ситуаций, чаще они всплывают в повествованиях о негативных событиях. При этом одновременное применение жестов, выполняющих функции замещения и интенсификации, помогает передавать сильные эмоции либо отношение говорящего к ситуации / человеку.

Таким образом, гипотезы, выдвинутые ранее, подтвердились. Принято считать априори, что женщины пользуются инвективами реже мужчин, но эмпирические наблюдения свидетельствуют, что это далеко не всегда соответствует действительности. Кроме того, сам характер «женской» брани может отличаться от брани «мужской». Результаты показали также, что для более детального описания и понимания различий в жестовом поведении мужчин и женщин в нарративном дискурсе необходимы серьезные экспериментальные исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
2. Кирилина А. В., Гаранович М. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации / А. А. Анков и др. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. С. 7–55.
3. Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011». М.: РГГУ, 2011. С. 243–257.
4. Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I. Жестовые удавления // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 290–296.
5. Kendon A. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Моррис Д. Библия языка телодвижений : пер. с англ. М.: Эксмо, 2010.
7. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: ЛитРес, 2017.
8. Рашина А. А., Томская М. В. Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 85–92.
9. Шарифуллин Б. Я. Обсценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (9). Красноярск, 2000. С. 108–111.

10. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001.
11. Finn E. Swearing: the Good, the Bad, the Ugly // *ORTESOL Journal*. 2017. Vol. 34. P. 17–26.
12. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Антимир русской культуры*. М.: Ладомир, 1996. С. 9–107.
13. Шкапенко Т. М. Обценная лексика: о когнитивных механизмах табуизации слов // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstsennaya-leksika-o-kognitivnyh-mehanizmah-tabuizatsii-slov>.
14. Барышникова Г. В. Инвектива в речи: гендерный аспект // *Лингвистические и дидактические основы вербальной грамотности государственных служащих : сб. научных трудов*. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2004. С. 4–8.
15. Анков А. А. «Мужское» и «немужское» начало во французской инвективе // *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. С. 362–378.
16. Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag, 1998.
17. Cienki A. Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. In: *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. P. 182–201.

REFERENCES

1. Gritsenko, E. S. (2005). *Jazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera = Language as a means of constructing gender: abstract of Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.).
2. Kirilina, A. V., Garanovich, M. V. (2022). Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya = Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium. In Ankov, A. A. et al., *Gendernye aspekty jazyka, soznaniya i kommunikacii* (pp. 7–55) : collective monograph. Moscow: YaSK Publishing House. (In Russ.).
3. Grishina, E. A. (2011). O mul'timodal'nykh klasterakh v ustnoi rechi = On multimodal clusters in spoken language. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 243–257) : works of the International conference "Dialogue 2006". Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing. (In Russ.).
4. Kreydlin, G. E. (2006). *Mehanizmy vzaimodeystviya neverbal'nykh i verbal'nykh edinit v dialoge I: zhestovye udarenija = Mechanisms of relations between verbal and non-verbal units in the dialogue I: gesture accents*. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 290–296): works of the international conference "Dialogue 2006". Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing. (In Russ.).
5. Kendon, A. (2004). *Gesture: visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Morris, D. (2010). *Bibliya yazyka telodvizhenii = Peopewatching*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
7. Grishina, E. A. (2017). *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya = Russian gesticulation in linguistic aspect: corpus studies*. Moscow: LitRes. (In Russ.).
8. Rashina, A. A., Tomskeya, M. V. (2022). Gesture behavior in the description of negative events: gender aspect. *Vestnik of Moscow State University. Humanities*, 6(861), 85–92. (In Russ.).
9. Sharifullin, B. (2000). *Obscennaya leksika: terminologicheskie zametki = Obscene vocabulary: terminological note*. *Speech communication*, 1(9), 108–111. (In Russ.).
10. Zhelvis, V. I. (2001). *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naya problema = The field of abuse. Foul language as a social problem*. Moscow: Ladomir. (In Russ.).
11. Finn, E. (2017). Swearing: the Good, the Bad, the Ugly. *ORTESOL Journal*, 34, 17–26.
12. Uspensky, B. A. (1996). *Mifologicheskij aspekt russkoj ehkspressivnoj frazeologii = Mythological aspect of Russian expressive phraseology*. In *Antimir russkoj kul'tury* (pp. 9–107). Moscow: Ladomir. (In Russ.).
13. Shkapenko, T. M. (2016). *Obscene lexicon: about cognitive mechanisms of words tabooization*. *Vestnik of Volga Region University named after V. N. Tatishchev*, 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/obstsennaya-leksika-o-kognitivnyh-mehanizmah-tabuizatsii-slov> (date of access: 11/23/2022). (In Russ.).
14. Baryshnikova, G. V. (2004). *Invektiva v rechi : gendernyj aspekt = Invective in speech: gender aspect. Linguistic and didactic foundations of verbal literacy of civil servants* (pp. 4–8). Volgograd: VAGS Publishing. (In Russ.).
15. Ankov, A. A. (2022). «Muzhskoe» i «nemuzhskoe» nachalo vo francuzskoj invektive = "Male" and "non-male" origin in the French invective. *Gendernye aspekty jazyka, soznaniya i kommunikacii* (pp. 362–378) : collective monograph. Moscow: YaSK Publishing House.
16. Müller, C. (1998). *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag.
17. Cienki, A. (2013). Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 182–201.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Томская Мария Викторовна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. лабораторией гендерных исследований Центра СКОДис,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

Рябухина (Рашина) Анастасия Андреевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tomskaia Maria Viktorovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies,
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law,
Moscow State Linguistic University

Ryabukhina (Rashina) Anastasia Andreevna

Postgraduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	26.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	25.01.2023	
	30.01.2023	

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГРАММАТИКЕ И СЕМАНТИКЕ

Научная статья

УДК 81'23

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_122

Некоторые тенденции изменения базовых ценностей в современной испанской лингвокультуре

С. А. Алдошина^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, sofiia_aldoshina@mail.ru

²Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности репрезентации базовых ценностей, свойственных испанскому этносу, которые наиболее ярко проявились в испанской фразеологии. Показано, что воздействие различных внешних и внутренних факторов приводит к «размыванию» стабильных ценностных представлений. Оно проявляется в том, что у части лексем положительная коннотация меняется на отрицательную, происходит жаргонизация речи, расширяется сфера употребления обценной лексики.

Ключевые слова: базовые ценности, испанский язык, фразеология, жаргонизация, картина мира, этническое самосознание

Для цитирования: Алдошина С. А. Некоторые тенденции изменения базовых ценностей в современной испанской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 122–128. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_122

Original article

Some Trends in the Transformation of Basic Values in Modern Spanish Linguoculture

Sofiia A. Aldoshina^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, sofiia_aldoshina@mail.ru

²Southwest State University, Kursk, Russia

Abstract. The article examines some features of the representation of the Spanish basic values, which are most vividly manifested in Spanish phraseology. The impact of various external and internal factors leads to the “blurring” of stable basic values, which is expressed in the fact that in some lexemes a positive connotation changes to a negative one. There is a jargonization of speech and an expansion of use of obscene vocabulary.

Keywords: basic values, Spanish, phraseology, jargonization, worldview, ethnic identity

For citation: Aldoshina, S. A. (2023). Some Trends in the Transformation of Basic Values in Modern Spanish linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 122–128. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_122

ВВЕДЕНИЕ

Под базовыми ценностями в современной гуманитарной науке обычно понимают совокупность установок и идеалов, которыми члены этноса руководствуются в своей повседневной деятельности и воспринимают их как необходимую и важную часть жизни народа [Лурье, 1997]. Они образуют устойчивую иерархическую систему в каждой лингвокультуре (каждом этносе / социуме), однако с течением времени эти системы трансформируются под влиянием исторических, социальных, экономических, культурных факторов. Эти изменения фиксируются в семантической структуре лексем, обозначающих ценности, а также в их сочетательных связях.

Основой статьи стал анализ некоторых фразеологических единиц, широко употребляемых в современном испанском языке и служащих, следовательно, средством создания картины мира испанцев, т. е. их особого представления о мире, которое обязательно отражается в языке.

Психолингвистические исследования содержания и трансформации базовых ценностей как специфических аксиологических понятий, закреплённых в испанском языке, позволили установить, что их преобразование происходит медленно. Изменение системы базовых ценностей становится явным через поколение. Однако в нынешних условиях под влиянием глобализации оно значительно ускоряется, что приводит не только к положительным, но и к резко отрицательным последствиям в социальной сфере [Пищальникова, 2017; Пищальникова, Чэнь Ваньжоу, 2018; Хлопова 2018; Яо Чжипэн 2019; Пищальникова, 2020 и мн. др.].

Ситуация в Европе сейчас предельно нестабильна во всех сферах деятельности этнических социумов – экономической, финансовой, миграционной, энергетической, военно-политической и т. д. В связи с этим в политике наблюдается укрепление позиций крайне правых партий и националистических движений. Ультраправые силы в политике используют в своих интересах естественное стремление народов к сохранению этносоциальной идентичности и национальных корней, хотя общеизвестно, что они неизбежно нивелируются с усилением глобалистских тенденций, доминирующих в мире с начала XXI века. Данные процессы не обходят стороной и Испанию.

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ЭТНОСА

Становление человека как личности без влияния окружающих его людей невозможно. Благодаря процессу социализации индивид постепенно

овладевает языком, приобретает необходимые знания о мире и обществе, воспринимая определённую систему ценностей как непреложную данность, созданную этим обществом, в разной степени присвоенную в качестве жизненного ориентира членами социума и одобряемую государством. Такова основа социального существования человека, своеобразный адаптационный механизм, позволяющий ему приспособиться к жизни в обществе [Лурье, 1997].

Развитие системы базовых ценностей стихийно, а то, в какой степени и как долго ценности будут присваиваться индивидом, зависит от многих факторов: от уровня образования человека, от сферы его деятельности, от социального окружения и т. д. А. И. Хлопова подчеркивает: «...все содержание этнического самосознания способно так или иначе репрезентироваться в языке» [Хлопова, 2018, с. 24], а базовые ценности как ядро этнической культуры всегда вербализуются. Трансформация базовых ценностей социума неизбежно отражается и на вербальной деятельности его представителей – это своеобразный и очень показательный маркер сущностных перемен в национальном самосознании.

Вопросы, связанные с национальной самобытностью, активно поднимаются в некоторых частях Испании, в частности, остро стоит проблема возможного выхода из состава страны автономных сообществ Каталонии и Страны Басков. Представители партий правого толка, в том числе настроенные радикально, все увереннее утверждают в структурах государственной власти. Это знак назревающего противостояния старых европейских государств активно навязываемому им глобализму, чуждому любой этнической идентичности.

Этническое самосознание, «...с одной стороны, связывает нацию (сообщество, цивилизацию) с общим глобальным – сообществом, с другой – выступает звеном между общечеловеческим и частностями – отдельными этносами» [Гасанов, 2020, с. 226]. При этом исследователи социальных процессов акцентируют принципиальное различие между глобальным мировым сообществом и идеологией глобализма, между стремящимися к естественной интеграции самобытными суверенными странами и навязываемым им извне унифицирующим подходом, не признающим никакого национального своеобразия.

Испания в своей истории прошла особый, сложный путь от диктатуры к демократии. На протяжении почти четырех десятилетий диктатором Франсиско Франко проводилась крайне жесткая внутренняя политика со многими ограничениями граждан в правах. Давление католической церкви,

цензура, запрет на использование национальных языков и другие репрессивные меры делали из Испании страну с патриархальным религиозным укладом, что неминуемо сказалось и на базовых ценностях народа.

Переход страны после смерти генерала Франко к либерализации многих сторон жизни эксперты часто называют эталонным, так как он осуществился мирным путем, без кровопролития.

Демократические ценности в этот период постепенно входят в систему базовых ценностей испанцев, неизбежно меняя их видение мира и представление о самих себе, однако этот процесс трансформации национального менталитета и сложившейся картины мира в сознании народа происходит очень медленно.

Понятие «картины мира» восходит к философским идеям В. фон Гумбольдта, который еще в XIX веке обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985, с. 324]. Им было высказано предположение, что «различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия», «различные языки по своей сути... являются в действительности различными мировидениями» [Гумбольдт, 1985, с. 371].

В XX веке эти положения получили развитие в работах Э. Сепира и Б. Уорфа, в которых утверждается, что язык следует «считать символическим руководством к пониманию культуры» [Сепир, 1993, с. 262].

Специфика национального менталитета наиболее явно проявляется во фразеологии любого языка, поскольку содержание фразеологизмов обусловлено культурными коннотациями и ассоциативно-апперцепционным содержанием мышления индивида.

Совокупность представлений о действительности, репрезентированных во фразеологизмах, называют наивной, поскольку она основана на обыденных знаниях людей о мире, о других народах и т. д. Эти знания позволяют людям комфортно существовать в пределах своего социума. Фразеология фиксирует знания народа о действительности и себе самом, отражает его менталитет и одновременно служит для других источником знаний о данном народе. Исследуя фразеологическую систему языка, можно ознакомиться с определенными аспектами глубинной истории испанского этноса, с его прошлым, культурой, обычаями, системой ценностей, в том числе и со спецификой ценностной иерархии.

В испанском языке активно используются оценочные фразеологизмы, образованные на базе

имен собственных известных людей, литературных персонажей, католических святых, номинаций исторических событий, общеизвестных топонимов и т. д.

Испанцы считают себя не только великой, но и воинственной нацией. Они гордятся тем, что:

...¡no hay un puñado de tierra sin una tumba española!
[López, 1867, с. 52] – ...нет ни пяди земли, где бы ни встретилось испанской могилы!¹

Или, как сказал когда-то испанский посол при дворе короля Франции Людовика XIV:

Donde un español no alcanza con la mano, llega con la punta de su espada. – Куда мы, испанцы, не дотянемся рукой, достанем острием клинка.

Эти изначально присущие испанцам воинственность и экспансия, ощущение обширности испанского мира особенно укрепились в эпоху географических открытий, в период, когда страна была действительно великой колониальной империей. Испанцы традиционно превозносят успешно проведенную ими колонизацию, прошедшую, по их мнению, относительно бескровно, как наивысший триумф собственной нации, сумевшей выйти за пределы европейского континента и создавшей огромный иберо-американский мир.

В настоящее время этот важный компонент национальной идентичности испанца представлен, главным образом, во фразеологизмах, выражающих безоглядную решительность и храбрость, которые часто трансформируются в идею превосходства испанской нации.

Например, выражение (*ser*) *el primer espada* (досл. 'быть первой шпагой') означает «являться некой особо важной персоной» [Buitrago, 2017, с. 255]:

El primer espada del fondo CVC en España, Javier de Jaime, abandona el consejo de Tendam (la antigua Cortefiel) tras más de 17 años en la empresa [San Esteban, 2022]. – Один из руководителей фонда CVC в Испании Хавьер де Хайме покидает правление Tendam (прежнее название Cortefiel) после более чем 17 лет работы в компании.

Выражение (*ganar*) *en buena lid* означает «победить в честной борьбе». Оно показывает, что для испанца ценна не просто победа, а безоговорочное торжество именно за счет силы и превосходства, а не хитростей и уловок. Как пишет Альберто

¹ Здесь и далее перевод наш. – С. А.

Буйтраго, слово *lid* в современном испанском языке уже практически не используется. Происходит оно от латинского слова *lite(m)* «сражаться», родственного глаголу *litigare*, означающему также «судиться» [Buitrago, 2017, с. 264]. Это слово использовалось в средневековом испанском как синоним слов *бой, турнир, состязание*:

Poco después de las 22.30, también ha comparecido Pío García Escudero, jefe de campaña de los populares, que ha felicitado al PSOE – “si se confirman los datos” – por su “victoria en buena lid” y ha subrayado los “buenos datos” cosechados por su partido¹. – Вскоре после 22.30 также появился Пио Гарсия Эскудеро, руководитель предвыборной кампании со стороны Народной партии, который поздравил ИСПП, «если данные подтвердятся», с «честной победой» и подчеркнул, что его партией достигнуты «хорошие результаты».

Дословно выражение *haz bien y no mires a quién* означает «делай добро, не смотря, кому ты его делаешь». Быть добрым и помогать другому, вне зависимости от его происхождения, социального статуса, не рассчитывая при этом получить что-то взамен, – важный компонент испанского менталитета. Народы, населяющие Испанию сегодня и жившие на ее территории на протяжении прошедших веков, научились мирно сосуществовать друг с другом, поэтому в современной Испании не приветствуется отношение к представителям других этносов и культур как к опасным чужакам, которых нужно обходить стороной. Напротив, испанец стремится помочь любому иностранцу, чтобы тот не чувствовал себя одиноким и чужим. Отзвук подобной природной испанской терпимости и сердобольности слышится во фразе из некролога, сообщающего о смерти одного известного испанского спасателя по имени Хосе Санса Техера:

Su lema: “Haz bien y no mires a quién”. Se le atribuye haber salvado en el mar a más de 140 personas. Una vez me comentó que estaba en contra de que se pagara a los soccoristas... [Ruiz, 2011] – Его девизом было: «Твори добро и помогай ближним». Известно, что он спас в море более 140 человек. Однажды этот человек даже признался, что был против того, чтобы спасателям за их работу платили...

Кодекс спасателя нынешнего времени отражается в несколько ином девизе, который приблизительно можно сформулировать как «работаем строго по расписанию».

¹ URL: <https://elperiodicodevillena.com/el-psoe-revalida-su-victoria/> (2008).

Происхождение выражения *a pecho descubierto* (с открытой грудью, нараспашку) связано, вероятно, с дуэлями, в которых для физической защиты не использовались доспехи, и означает, с одной стороны, «действовать смело, без защитной брони», с другой – поступать «открыто, ничего не тая». Эта безрассудная отвага – одна из характерных особенностей испанцев, всегда готовых начать действовать безоглядно, не думая о последствиях. При этом слово *pecho* (грудь) – это синоним сердца, как, например, в выражениях *abrir alguien su corazón u abrir su pecho a alguien* (открыть кому-то сердце). Оно олицетворяет обезоруживающую искренность и максимальную открытость в поведении человека.

Estar vendido дословно переводится как «быть проданным» и означает «находиться в опасной ситуации» или «спешить», но при этом акцентируется семантический компонент «ничего не поделать, нельзя предотвратить что-то неприятное». Альберто Буйтраго предполагает, что это выражение изначально было связано с работорговлей: примерно так ощущали себя рабы, которых продали [Buitrago, 2017]. Однако этот фразеологизм нашел свое отражение и в реалиях, более близких современности, например, недавней пандемии.

El profesional sanitario que las usa cree estar protegido cuando en realidad está vendido. Muchos profesionales sanitarios han declarado que han salido a combatir el virus “a pecho descubierto”, los han mandado a “un matadero” [Mercado, 2020, с. 20]. – Медицинский работник, который их [медицинские маски. – С.А.] использует, считает, что защищен, однако на самом деле он находится в большой опасности и, в сущности, беззащитен. Многие медицинские работники заявляли, что выходили бороться с вирусом буквально голыми руками, что их отправили на бойню.

Для испанской культуры важен ценностный концепт дома и семьи, которые дают человеку чувство защищенности и естественной общности. Выражение *la casa de un hombre es su castillo* (мой дом – моя крепость) актуально для испанского этноса. В Испании большинство семей относятся к традиционному патриархальному типу, поэтому в них всегда было принято поддерживать хорошие взаимоотношения со всей семьей, даже с самыми дальними родственниками, а проблемы любого отдельного ее члена касаются всех и решаются совместными усилиями.

При этом традиционная роль женщины в семье претерпевает сейчас серьезные изменения. Тем не менее испанское выражение *una casa sin mujer es*

como un barco sin capitán не утратило своей значимости и сегодня:

Salva cree que su vida cambió cuando se separó, hace diez años, después de 25 de matrimonio y dos hijos, de 33 y 28 años. “Una casa sin mujer es como un barco sin capitán,” compara [De Las Heras, 2011]. – Сальва считает, что его жизнь кардинально изменилась, когда он развелся с женой десять лет назад, после 25 лет брака, вырастив двоих детей, которым сейчас 33 и 28. «Дом без женщины как корабль без капитана», – заключает он.

После смерти Франко в 1975 году испанское общество стало заметно «демократизироваться», начались активные процессы жаргонизации языка. Из коммуникативного акта не только практически исчезло традиционное обращение на «Вы» (*usted*, такое обращение теперь типично главным образом для стран Латинской Америки), но и стала стремительно распространяться ненормативная лексика. В этот общий процесс была включена и религиозная лексика, которая приобретала ярко выраженную отрицательную коннотацию, в то время как использование некоторых выражений обценной лексики, наоборот, стало восприниматься испанцами всех возрастов и слоев общества сугубо положительно.

Масштаб произошедшего ценностного сдвига можно продемонстрировать на слове *hostia*, происходящем от латинского *hostia* (жертва). *Hostia* – это облатка, евхаристический хлеб причастия, но в испанском языке это слово со временем стало соотноситься не только со Святыми Дарами и важнейшим обрядом католической веры, что, безусловно, все еще связано с положительной коннотацией, но и в некоторых случаях употребляется как грубое площадное ругательство или жаргонное восклицание, выражающее, в зависимости от контекста, крайнее удивление или раздражение:

Una noche de mayo de 2015, la todavía alcaldesa de València, Rita Barberá, se abrazaba al todavía

delegado del Gobierno, Serafín Castellano, para lamentar la derrota de su partido en las urnas. “¡Qué hostia! ¡Qué hostia!”, se quejaba la política del PP... [Beltran, 2022] – Однажды вечером в мае 2015 года на тот момент мэр Валенсии Рита Барбера обняла действующего представителя правительства Серафина Кастельяно, чтобы выразить сожаление по поводу поражения их партии на выборах. «Какой ужас! Какой кошмар», – сокрушалась политик от Народной партии...

Слово *hostia* в данном случае употребляется исключительно для того, чтобы усилить и без того повышенное эмоциональное наполнение речи политика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Множество различных социально-исторических процессов оказывает серьезное воздействие на трансформацию системы базовых ценностей общества в разных формах, но обязательно отражается на ее вербальной репрезентации.

В Испании, пережившей в недавний исторический период резкий переход от диктатуры к либеральной парламентской демократии, а на современном этапе пытающейся войти в парадигму глобализма, изменение системы базовых ценностей отражается в ряде языковых процессов:

(1) расширяется сфера употребления стилистически маркированных языковых средств, что свидетельствует о «размывании» стабильных ценностных представлений;

(2) часть лексем меняет положительную коннотацию на отрицательную, и в этот процесс вовлекается даже религиозная лексика;

(3) наблюдается жаргонизация речи, расширяется сфера употребления обценной лексики, что не встречает сопротивления общества. При этом в целом испанцы по-прежнему сохраняют приверженность к религиозным ценностям и традиционному укладу жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Пищальникова В. А. Динамика базовых ценностей и речевая практика социума // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: социокультурные трансформации в условиях геополитических преобразований. ИНИОН РАН, 2017. Т. 1. С. 146–160.
3. Пищальникова В. А., Чэнь Ваньжоу. Репрезентация базовых ценностей в деревенской прозе (на материале произведений В. Астафьева, В. Белова) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 14 (809). С. 268–281.
4. Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
5. Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «[...]» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

6. Пищальникова В.А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3 (832). С. 20–36.
7. Гасанов И. Б. Этнические стереотипы: биография концепта: монография. М.: Проспект, 2020.
8. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
10. López García B. Poesías. Jaen: Est. Tip. de D. F. López Vizcaino, impresor de la Real casa, 1867.
11. Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas. 2017. Espasa Libros, S.L.U.
12. San Esteban N. El primer espada de CVC en España sale del consejo de Tendam (Cortefiel) tras 17 años // Vozpópuli. 2022, August 26. URL: https://www.google.com/amp/s/www.vozpopuli.com/economia_y_finanzas/cvc-tendam-consejo.html%3famp=1
13. Redacción. El PSOE revalida su victoria // El Periódico de Villena. 2008, March 9. URL: <https://elperiodicodevillena.com/el-psoe-revalida-su-victoria/>
14. Ruiz Mantilla J. José Sanz Tejera, héroe de la playa de la Magdalena // El País. 2011, April 27. URL: https://elpais.com/diario/2011/04/27/necrologicas/1303855201_850215.html
15. Mercado Merino F. Una pandemia de errores. Cómo y por qué la mala gestión del Gobierno convirtió a España en campeona mundial del coronavirus. Barcelona: Deusto, 2020.
16. De Las Heras A. «Lo peor de vivir en la calle es la noche, hay muchos depredadores» // EL CORREO. 2011, August 17. URL: <https://www.elcorreo.com/vizcaya/v/20110817/vizcaya/peor-vivir-calle-noche-20110817.html>
17. Beltran A. ¡Qué hostia! ¡Qué hostia! // elDiario.es. 2022, January 15. URL: https://www.eldiario.es/comunitat-valenciana/opinion/hostia-hostia_129_8655400.html

REFERENCES

1. Lur'e, S. V. (1997). Istoricheskaya etnologiya = Historical ethnology. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
2. Pishchal'nikova, V. A. (2017). Dynamics of basic values and speech practice of the society. Chelovek: Obraz i sushchnost, Gumanitarnye aspekty: sociokul'turnye transformacii v usloviyah geopoliticheskikh preobrazovanij (vol. 1, pp. 146–160). INION RAN. (In Russ.)
3. Pishchal'nikova, V. A., Chen'Van'zhou. (2018). Representation of basic values in rural prose (based on the works of V. Astafyev, V. Belov). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 14(809), 268–281. (In Russ.)
4. Khlopova, A. I. (2018). Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovykh cennostej = Verbal diagnostics of the dynamics of basic values: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Yao CHZhipen. (2019). Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya "vezhlivost'" / "[...]" v russkom i kitajskom yazykah = The meaning specificity of the moral concept "politeness" in Russian and Chinese: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Pishchal'nikova, V. A. (2020). Basic values: methodological problems of psycholinguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(832), 20–36. (In Russ.)
7. Gasanov, I. B. (2020). Etnicheskie stereotipy: biografiya koncepta = Ethnic stereotypes: biography of the concept: monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
8. Humboldt, W. von. (1985). Yazyk i filosofiya kul'tury = Language and philosophy culture. Moscow: Progress. (In Russ.)
9. Sepir, E. (1993). Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii = Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. López García, B. (1867). Poesías = Poetry. Est. Tip. de D. F. López Vizcaino, impresor de la Real casa. (In Spanish)
11. Buitrago Jiménez, A. (2017). Diccionario de dichos y frases hechas = Dictionary of sayings and set phrases. Espasa Libros, S.L.U. (In Spanish)
12. San Esteban, N. (2022, August 26). El primer espada de CVC en España sale del consejo de Tendam (Cortefiel) tras 17 años = The first CVC director in Spain leaves the board of Tendam (Cortefiel) after 17 years. Vozpópuli. https://www.google.com/amp/s/www.vozpopuli.com/economia_y_finanzas/cvc-tendam-consejo.html%3famp=1
13. Redacción (2008, March 9). El PSOE revalida su victoria. = Editorial (2008, March 9). El PSOE validates its victory. El Periódico de Villena. <https://elperiodicodevillena.com/el-psoe-revalida-su-victoria/>
14. Ruiz Mantilla, J. (2011, April 27). José Sanz Tejera, héroe de la playa de la Magdalena. = José Sanz Tejera, hero of the Magdalena Beach. El País. https://elpais.com/diario/2011/04/27/necrologicas/1303855201_850215.html
15. Mercado Merino, F. (2020). Una pandemia de errores. Cómo y por qué la mala gestión del Gobierno convirtió a España en campeona mundial del coronavirus. = A pandemic of errors. How and why government mismanagement turned Spain into a coronavirus world champion. Deusto.
16. De Las Heras, A. (2011, August 17). «Lo peor de vivir en la calle es la noche, hay muchos depredadores» = "The worst thing about living on the street is the night, there are a lot of predators." EL CORREO. <https://www.elcorreo.com/vizcaya/v/20110817/vizcaya/peor-vivir-calle-noche-20110817.html>
17. Beltran, A. (2022, January 15). ¡Qué hostia! ¡Qué hostia! = What a horror! What a disaster! elDiario.es. https://www.eldiario.es/comunitat-valenciana/opinion/hostia-hostia_129_8655400.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алдошина София Андреевна

преподаватель кафедры второго иностранного языка
 Московского государственного лингвистического университета,
 аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета лингвистики
 и межкультурной коммуникации Юго-Западного государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aldoshina Sofiia Andreevna

Lecturer, Department of Second Foreign Languages, Moscow State Linguistic University,
 Postgraduate Student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
 Faculty of Linguistics and Crosscultural Communication, Southwest State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	26.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	24.01.2023	
	30.01.2023	

Анализ первообразных и отыменных послелогов в агглютинативных языках (на материале халха-монгольского языка)

Бямбажав Баяржаргал

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, bayarjargal.mslu@gmail.com

Аннотация. В статье на материале халха-монгольского языка с привлечением родственных бурятского и калмыцкого языков рассматриваются морфолого-этимологические группы послелогов, выделяемых на основе их происхождения, а именно первообразные и отыменные послелогии. В ходе анализа выделено восемь первообразных послелогов и одиннадцать послелогов, образованных от именных основ. В качестве иллюстративного материала даются примеры употребления отдельных послелогов в монгольских художественных текстах и других источниках; используются данные корпуса.

Ключевые слова: послелог, агглютинация, грамматикализация, монгольские языки

Для цитирования: Бямбажав Баяржаргал. Анализ первообразных и отыменных послелогов в агглютинативных языках (на материале халха-монгольского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 129–136. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_129

Original article

Analysis of Primitive Postpositions and Postpositions Formed from Nouns and Adjectives in Agglutinative Languages (based on the material of the Khalkha-Mongolian language)

Byambajav Bayarjargal

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, bayarjargal.mslu@gmail.com

Abstract. The article uses the material of the Khalkha-Mongolian language with the involvement of related Buryat and Kalmyk languages to consider morphological and etymological groups of postpositions distinguished on the basis of their origin, namely primitive and postpositions formed from nouns and adjectives. In the course of the analysis eight primitive postpositions and eleven postpositions formed from nouns and adjectives were identified. Examples of the use of individual postpositions in Mongolian literary texts and other sources are given as illustrative material; corpus data are used.

Keywords: postposition, agglutination, grammaticalization, Mongolian languages

For citation: Byambajav Bayarjargal. (2023). Analysis of primitive postpositions and postpositions formed from nouns and adjectives in agglutinative languages (based on the material of the Khalkha-Mongolian language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 129–136. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_129

ВВЕДЕНИЕ

Процесс грамматикализации, т. е. процесс перехода знаменательных слов в разряд служебных, рассматривался различными исследователями. Так, В. А. Плунгян определяет грамматикализацию «как непрерывный процесс усиления грамматичности языковой единицы, при котором неграмматическое превращается в грамматическое, а менее грамматическое – в более грамматическое» [Плунгян, 2011]. Простейшим примером грамматикализации автор называет «переход существительных, обозначающих части тела (типа 'лицо', 'голова', 'спина'), в пространственные наречия, предлоги или послелог (типа 'сверху', 'впереди', 'сзади', и т. п.), и, далее, переход пространственных послелогов – в суффиксальные падежные показатели» [Плунгян, 2011].

Интересно рассмотреть процесс грамматикализации знаменательных слов в послелог на материале монгольского языка. В халха-монгольском языке для выражения пространственных, временных, компаративных и иных отношений могут служить послелог, которые являются служебными словами, стоящими после управляемых ими слов. Большинство послелогов халха-монгольского языка восходят к именам, субстантивированным другим частям речи, наречиям и глагольным формам. При этом некоторые из них утратили лексическое значение и десемантизировались; другие частично десемантизировались; третьи подверглись полной утрате лексических значений, приближаясь к аффиксам; и, наконец, четвертые окончательно стали аффиксами [Лиджиева, 2004].

Восстановление морфологической структуры некоторых послелогов невозможно, поскольку «они превратились в формально-грамматические элементы, приближающиеся к падежным формантам» [ГБЯ, 1962, с. 305].

В монголоведении послелог обычно характеризуются по 1) составу; 2) происхождению слов от других частей речи; 3) семантической структуре; 4) синтаксическим и функциональным особенностям.

В специальных научных трудах и грамматических описаниях по данной теме выделяются следующие морфолого-этимологические группы послелогов: 1) собственно послелог; 2) производные послелог (с подгруппами: а) отыменные послелог; б) собственно наречные послелог; в) отглагольные послелог; в) серийные послелог (Лиджиева, 2004; Шойнжонова, 2007).

Более подробно анализироваться в статье будут лишь собственно послелог и отыменные послелог. Для наглядного представления употребления послелогов в халха-монгольском языке

в качестве примеров используются предложения из следующих источников:

- роман «Тунгалаг тамир» («Прозрачный Тамир», далее – ПТ), написанный известным монгольским литературоведом Чадраабалын Лодойдамба в 1971 году [Лодойдамба, 1971];
- сборник стихов «Сумтэй бударын чулуу» («Священные камни», далее – СК), написанный известным монгольским поэтом Ренчиний Чойном в 1990 году [Чойном, 1990];
- сборник рассказов «Туувэр зохиол» (далее – ТЗ), написанный известным монгольским писателем и лингвистом Цэндийн Дамдинсурэн в 1998 году [Дамдинсурэн, 1998];
- Большой толковый словарь монгольского языка (далее – БТСМЯ) Института языкознания Академии наук Монголии;
- Монгольский корпус (далее – МК).

1. ПЕРВООБРАЗНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Послелог, которые в процессе исторического развития окончательно утратили связь со знаменательными словами и изолировались из их систем в собственном значении послелогов, относят к собственно послелогам. Генетическую связь некоторых послелогов данной группы сложно проследить, порой их этимология остается неизвестной [Орловская, 1958].

Собственно послелог – это наиболее древний пласт послелогов, изолировавшись от других частей речи и утратив былую генетическую связь со словами, от которых были образованы, они составляют основную часть послелогов как часть речи [Лиджиева, 2004].

В академической грамматике бурятского языка выделяют около пятидесяти собственно послелогов [Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология, 1962]. Однако среди них встречаются послелог, которые иногда используются в качестве наречий. По нашему предположению, в число первообразных послелогов должны включаться послелог, которые уже не встречаются в роли однозначных слов и выполняют только послеложную функцию.

Интересно отметить, что в близкородственных бурятском и калмыцком языках выделяется разное количество первообразных послелогов, в то время как в бурятском языке подобных послелогов выделяется около двадцати [Шойнжонова, 2007], в калмыцком языке – лишь пять [Лиджиева, 2004].

В халха-монгольском языке различные авторы выделяют различное количество первообразных послелогов. Нами выделяются восемь первообразных послелогов, примеры которых приведены ниже.

- 1) Činē (словно, величиной с, размером с):

~ alg-in	činē	yum-ār
[ладонь-GEN]	размером	вещь-INS

jax	ve? (ПТ)
быть-Fut.PTCP	question word

Зачем тебе вещь размером с ладонь?

- 2) Derged (при, возле, около, у, рядом):

Žargal	ju	č	dūgar-č	čadax-gūj
[Жаргал]	что	хоть	сказать-CNV	ночь-Fut.PTCP-NEG

tüün-ij	derged	zogso-ž	baj-v (ПТ)
он-GEN	возле	стоять-CNV	быть-PERF.PRET]

Жаргал, не промолвив ни слова, стояла возле него.

- 3) Gadna (кроме, сверх)

Üün-ē	s	gadna ene	dajn
[Это-ABL]	кроме	этот	война

dūs-san	cag-t ~ (ПТ)
кончиться-PTCP	время-DAT/LOC]~

Кроме этого, когда война закончится~

- 4) Met (как, будто, словно, подобно)

‘Bi	ta	nar-t	mor’	noxoј	met
[Я]	вы	PL-DAT/LOC	лошадь	собака	как

zütge-n	durtajya
служить-GER	с удовольствием

tusal-na (ПТ)
помогать-PRS.IMPERF]

Я, как собака, с удовольствием буду помогать и служить вам.

- 5) Tölöö (за, ради, чтобы; так как, из-за, вместо)

~ Mongol-in	tölöö coxilox	zürx-teј
[Монголия-GEN за]	биться-Fut.PTCP	сердце-COM

bajx~ (ПТ)
быть-Fut.PTCP]

~иметь сердце, которое будет биться за Монголию~

- 6) Tuld (ради, за, для)

~Ard	oln-i	tus-in	tuld
[Народ]	множество-GEN	помощь-GEN	ради

zütgex	ariun	zorilgo-toј
служить – Fut.PTCP	чистый	цель-COM

boloxōr ~ (ПТ)
поскольку]

Поскольку есть чистое сердце, которое будет служить ради помощи народу~.

- 7) Tuxaj (о, про)

Tüünij	tuxaj	end	yar’-ž
[Он-GEN]	о	здесь	говорить-CNV

boloxgūj (ТЗ)
нельзя]

Здесь нельзя о нем говорить.

- 8) Turš «в течение, на протяжении, за»

Šön-ijn	turš	cas
[Ночь-GEN]	на протяжении	снег

budra-n	oro-v. (ПТ)
(тихо) падать-GER	идти-PERF.PRET]

Всю ночь тихо шел снег.

2. ПРОИЗВОДНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Следующая группа послелогов – это послелог, сохраняющие связь с знаменательными словами, представляющие собой застывшие отыменные, отглагольные и отнаречные формы, возникшие в результате процесса грамматикализации знаменательных слов, которая предполагает превращение самостоятельной лексической единицы в (аффиксальный) грамматический показатель [Плунгян, 2011].

Полнозначные слова, утратив грамматические признаки соответствующих частей речи, приобретают присущие послелогам определенные признаки. Здесь же меняется и семантика слов, она становится менее конкретной, более общей и абстрагированной. Хотя в зависимости от группы

послелогов степень утраты послелогоми лексических значений знаменательных слов различна, семантика знаменательных слов в той или иной мере все же сохраняется.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что с изменением характера синтаксических связей полных слов, место новообразованного послелого в порядке слов предложения строго фиксируется, т.е. меняется дистрибуция.

Отметим, что в близкородственном бурятском языке исследователями рассматривается 68 послелогов, образованных от имен существительных, восемь послелогов, образованных от имен прилагательных и местоимений, а также в близкородственном калмыцком языке выделяется 58 отыменных послелогов и 43 отнаречных послелогов [Шойнжонова, 2007; Лиджиева, 2004].

ОТЫМЕННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Поскольку имена существительные выражают предметность и являются средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений, они имеют большое число точек взаимодействия с другими частями речи. Следовательно, большое количество производных послелогов восходят к именам существительным. Отыменные послелогии образуются в процессе потери именем существительным значения предметности и укрепления значения релятивности [Лиджиева, 2004].

А. М. Щербак в своем исследовании морфологии тюркских языков считает, что «слова, обозначающие отрезки времени, легли в основу послелогов с временной семантикой; из слов со значением ‘причина’, ‘повод’, ‘основание’, ‘опора’, ‘конец’ развились причинно-целевые послелогии» [Щербак, 1987]. На материале бурятского языка Г. Д. Санжеев предложил схему, по которой осуществляется переход полнозначного имени в разряд послелогов: имя существительное – наречие – послелог [Санжеев, 1941].

Так, у халха-монгольского послелогов *dotor*, который употребляется с родительным падежом и основой имени в значении «внутри, в», не потеряно его реально-смысловое содержание «подкладка, внутренность» [Тодаева, 1951].

На современном этапе большое количество отыменных послелогов параллельно продолжают использоваться как полнозначные самостоятельные слова, поэтому всё же существует проблема при их определении и классификации.

Нами выделено 12 послелогов, образованных от именных основ, примеры употребления которых приведены ниже.

- 1) Послелог *ačār* «с помощью, благодаря» восходит к имени существительному *ač* со значением «благодетель; польза».

~olon	zūn žil-ijn	bātar-lag
[~много	сто лет-GEN	герой-ADJ

temcl-ijn	ačār ~ (ПТ)
борьба-GEN	благодаря~

~Благодаря многовековой героической борьбе ~

Приводим пример употребления имени существительного *ač* в основном именном значении «благодетель; польза»:

~ xüč	čadal	mergen	uxān
[сила	мощь	мудрый	ум

ač	tus-ig	magt-av~ (ПТ)
благодетель	помощь-ACC	хвалить-Perf.PRET]

~Хвалили силу, мощь, мудрый ум, благодетель и помощь~

- 2) Послелог *adil* «как, словно, подобно, точно как» относится к имени прилагательному *adil* со значением «похожий, схожий».

~Jarguj	cecg-ijn	adil	delger-en
[анемон	цветок-GEN	как	распускаться-GER

sergex	cag-t	bi-d~ (ПТ)
освежаться-Fut.PTCP	время-DAT/LOC	1Pl.Pron]

...Когда мы будем распускаться и освежаться, подобно цветку анемону...

Приводим пример употребления имени прилагательного *adil* в основном именном значении «похожий, схожий»:

~Bi	busad	xün-tej	adil
[Я	остальной	человек-COM	как

xün	xaz-dag-güj~ (ПТ)
человек	кусать-Hab.PTCP-NEG]

Я не кусаюсь, как остальные.

- 3) Послелог *arār* «за, на северной (задней) стороне» восходит к имени существительному *ar* со значением «задняя сторона, зад, тыл».

~Ger-ijn	arār	xüüxd-üüd
[Юрта-GEN	за	ребенок-PL

güj-lde-ne~ (ПТ)
бегать-PL-PRS]

За юртой бегают дети.

Приводим пример употребления имени существительного *ar* в основном именном значении «задняя сторона, зад, тыл»:

~torgo-ni	ar	šig	nimgen~ (МК)
[шелк-GEN	задняя сторона	как	тонкий]

Тонкая как изнаночная сторона шелка.

- 4) Послелог *dotor* «в, внутри; на протяжении, в течение» восходит к имени существительному *dotor* со значением «внутренность, нутро».

~Xarin	süülijn	žil	garuj-n
[А	последний	год	более-GEN

dotor~ (ПТ)
на протяжении]

А на протяжении последнего года с лишним.

Приводим пример употребления имени существительного *dotor* в основном именном значении «внутренность, нутро»:

~mori-n	xatiralt-ad	gedes
[конь-GEN	езда рысью-DAT/LOC	кишки

dotor	n'	tasrax
внутренность	POSS	разорваться-Fut.PTCP

met	bol-ž	baij-v~ (ПТ)
будто стать-CNV	есть-Perf.PRET]	

От езды рысью будто разрывались внутренности.

- 5) Послелог *ilüü* «более, выше, кроме, сверх» относится к имени существительному *ilüü* со значением «излишек, избыток».

~Хоуог	gurv-ās	ilüü	хопо-ž
[Два	три-ABL	более	ночевать-CNV

bolox-güj~ (ПТ)
возможно-NEG]

Нельзя оставаться более, чем на два, три дня.

Приводим пример употребления имени существительного *ilüü* в основном именном значении «излишек, избыток»:

~Хоуог-aa	sana-sn-aas-aa
[двоем-POSS	задумывать-Perf.PTCP-ABL-POSS

ilüü-g	xij-cgē-sen	dē~ (МК)
избыток-ACC	делать-PL-Perf.PTCP	PTCL]

Мы сделали больше, чем задумывали.

- 6) Послелог *orond* «вместо, за» восходит к имени существительному *or* со значением «место».

~Xerev	bi	Bogd-in	orond
[Если	я	Богд (хан)-GEN	вместо

baj-san	bol ~ (ПТ)
быть-Perf.PTCP	бы]

Если бы я был вместо Богд (хана).

Приводим пример употребления имени существительного *or* в основном именном значении «место, кровать»:

~хоуог or	tav'ž	toxižül-av~ (ПТ)
[два	кровать	ставить-CNV обустроить-Perf.PRET]

Обустроили, поставив две кровати.

- 7) Послелог *süülēr* «в конце, после, потом» относится к имени существительному *süül* со значением «конец, хвост».

~Namr-in	süülēr	tarvaga-naas
[Осень-GEN	в конце	сурок-ABL

bū-ž~ (ПТ)
спуститься-CNV]

Возвращаясь в конце осени с охоты на сурков~

Приводим пример употребления имени существительного *süül* в основном именном значении «конец, хвост»:

~išig-nij	süül	šig	godgor
[козленок-GEN	хвост	как	короткий

хоуог salā	gezeg-tej~ (МК)
два	ответвление коса-COM]

...с двумя короткими, как хвост у козленка, косами~

- 8) Послелог *talār* «о, об, про; в области, в отношении» восходит к имени существительному *tal* со значением «сторона; равнина, степь».

~Xongor-in	xuv' zajā-ni	talār
[Хонгор-GEN]	судьба-GEN	о

zovox	xereg-güj~(ПТ)
беспокоиться-Fut.PTCP	нужно-NEG

Не нужно беспокоиться о судьбе Хонгора.

Приводим пример употребления имени существительного *tal* в основном именном значении «сторона; равнина, степь»:

~nar	tal	gereltül-ž
[солнце]	равнина	освещать-CNV

baj-v~ (ПТ)
быть-Perf.PRET]

...солнце освещало равнину...

- 9) Послелог *üed / üeer* «в период, во время, за время» восходит к имени существительному *üe* со значением «промежуток времени, период».

Dajn-i	üeer	dürs-san~ (ПТ)
[Война-GEN]	во время	прославлять-Perf.PTCP]

Прославленный во время войны.

Приводим пример употребления имени существительного *üe* в основном именном значении «промежуток времени, период»:

~Šijdvlex	guravdugār	üe~ (МК)
[решать-Fut.PTCP]	третий	период]

Решающий третий период.

- 10) Послелог *xažūgār* «наряду с, помимо, кроме; мимо, вдоль» восходит к имени существительному *xažū* со значением «сторона, бок».

~Gevč	ene	bodl-in	xažūgār ~ (ПТ)
[Но]	этот	мысль-GEN	помимо]

Но помимо этой мысли~

Приводим пример употребления имени существительного *xažū* в основном именном значении «сторона, бок»:

~ mori-ni	xažū	rū
[конь-GEN]	бок	в направлении

unax	šig	bol-son ~ (ПТ)
упасть-Fut.PTCP	будто	стать-Perf.PTCP]

Показалось, будто он упал с коня~

- 11) Послелог *xažūd* «рядом, у возле, около» также восходит к имени существительному *xažū* со значением «сторона, бок».

~ Bat	zam-in	xažūd	gar-č
[Бат]	дорога-GEN	у	выйти-CNV

zogs-ov (ПТ)
стоять-Perf.PRET]

Бат вышел и встал у дороги.

- 12) Послелог *xüčēr* «благодаря, с помощью» относится к имени существительному *xüč* со значением «сила».

~ Alt-an	gar-taj	emč
[Золото-ADJ]	рука-COMM	врач

nar-in-xā	xüčēr (БТСМЯ)
PL-GEN-POSS	благодаря]

Благодаря нашим 'золоторуким' врачам.

Приводим пример употребления имени существительного *xüč* в основном именном значении «сила»:

~ ecs-ijn	xüč-ē
[конец-GEN]	сила-POSS

šavx-an	alxa-ž	baj-gā	met (ПТ)
исчерпать-GER	идти-CNV	быть-PRS	будто]

...будто идет, исчерпывая свои последние силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Послелогии по своему происхождению классифицируются на первообразные послелогии и производные послелогии. Последние в свою очередь распадаются на послелогии, образованные от именных основ, послелогии, образованные от наречий, и

отглагольные послелого (послелого, образованные от деепричастий; послелого, образованные от глагольных основ).

В данной статье рассматриваются лишь первообразные послелого и послелого, образованные от имен существительных, другие группы послелогов будут рассмотрены в дальнейших исследованиях. В ходе анализа нам удалось выделить восемь первообразных послелогов и 11 послелогов, образованных от именных основ.

Производственные послелого, преобладающая часть которых была образована из имен, наречий и глагольных форм, наглядно сохраняют свою первоначальную семантику.

Послелого монгольского языка, рассмотренные в данной статье, весьма разнообразны по грамматическим типам. Система языка продолжает пополняться и обогащаться путем перехода знаменательных слов в служебные, в том числе послелогов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL	исходный падеж
CNV	деепричастие
COL	собирательное числительное
COM	совместный падеж
DAT / LOC	дательно-местный падеж
Fut.PTCP	причастие настоящего-будущего времени
GEN	родительный падеж
GER	герундий
Hab.PTCP	хабитуальное причастие
IMP	повелительное наклонение
INSTR	орудный падеж
INT.PTCL	вопросительная частица

NEG	отрицание
NOM	именительный падеж
Perf.PTCP	перфектное причастие
PL	множественное число
POSS	притяжательный маркер
PRS	настоящее время
PST	прошедшее время
PTCL	частица
БТСМЯ	Большой толковый словарь монгольского языка
МК	Монгольский корпус
ПТ	роман «Прозрачный тамир»
СК	сборник стихов «Священные камни»
ТЗ	сборник рассказов «Туувэр зохиол»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
2. Лиджиева Л. А. Послелого калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2004.
3. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
4. Шойнжонова Д. Б. Послелого и послеложные слова в современном бурятском языке: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007.
5. Лодойдамба Ч. Тунгалаг Тамир. Улан-Батор: Государственный комитет по делам печати, 1971.
6. Чойном Р. Сүмтэй будрын чулуу. Улан-Батор: Государственный комитет по делам печати, 1990.
7. Дамдинсүрэн Ц. Сборник рассказов. Улан-Батор: Государственная типография, 1956.
8. Монгольский корпус. URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.09.2022).
9. Орловская М. Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках // Проблемы монгольской филологии. Элиста: Калмыцкий научно-иссл. ин-т истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1988. С. 25–33.
10. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Наречие, служебные части речи. Л.: Наука, 1987.
11. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.–Л.: АН СССР, 1941.
12. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

REFERENCES

1. Plungjan, V. A. (2011). Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira = Introduction into semantics of grammar: grammatical meanings and grammatical systems of languages. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj humanitarnyj universitet. (In Russ.)

2. Lidzhieva, L. A. (2004). Poslelogi kalmyckogo jazyka v istoriko-sopostavitel'nom osveshhenii = Postpositions in Kalmyk language in historical-comparative coverage. Jelista: Kalmyckij gosudarstvennyj universitet imeni B. B. Gorodovikova. (In Russ.)
3. Sanzheev, G. D. (ed.). (1962). Grammatika burjatskogo jazyka: Fonetika i morfologija = Grammar of the Buryat language: phonetics and morphology. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury. (In Russ.)
4. Shojnzhonova, D. B. (2007). Poslelogi i poslelozhnye slova v sovremennom burjatskom jazyke = Postpositions and postposition words in modern Buryat language: PhD in Philology. Ulan-Udje. (In Russ.)
5. Lodojdamba, Ch. (1971). Tungalag Tamir = Tungalag Tamir. Ulan-Bator: Gosudarstvennyj komitet po delam pechaty. (In Russ.)
6. Chojnom, R. (1990). Symtjej budryn chuluu = Symtjej budryn chuluu. Ulan-Bator: Gosudarstvennyj komitet po delam pechaty. (In Russ.)
7. Damdinsyrjen, C. (1956) Sbornik rasskazov = A Collection of stories. Ulan-Bator: Gosudarstvennaja tipografija. (In Russ.)
8. Mongol'skij korpus = Mongolian corpus. http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=-ru (date of access: 15.09.2022).
9. Orlovskaja, M. N. (1988). O grammatikalizacii nekotoryh leksicheskikh edinic v mongol'skikh jazykah = On grammaticalisation of some lexical units in Mongolian languages. In: Problemy mongol'skoj filologii (pp. 25–33). Jelista: Kalmyckij nauchno-issl. in-t istorii, filologii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Kalmyckoj ASSR. (In Russ.)
10. Shherbak, A. M. (1987). Oчерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Narechie, sluzhebnye chasti rechi = Essays on comparative morphology of Turkish languages. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
11. Sanzheev, G. D. (1941). Grammatika burjat-mongol'skogo jazyka = Grammar of the Buryat-Mongolian language. Moscow–Leningrad: AN SSSR. (In Russ.)
12. Todaeva, B. H. (1951). Grammatika sovremennogo mongol'skogo jazyka. Fonetika i morfologija = Grammar of modern Mongolian language. Phonetics and morphology. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бямбажав Баяржаргал

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Byambajav Bayarjargal

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	26.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	25.01.2023	
	30.01.2023	

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_137

Особенности медицинского дискурса в романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич»

О. С. Крюкова¹, М. Б. Раренко^{2,3}

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, florin2002@yandex.ru

²Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия

³Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, rarenco@rambler.ru

Аннотация. Медицинский дискурс рассматривается в статье как разновидность институционального дискурса, обладающего определенными характеристиками. О них говорится на примере художественного произведения, в центре которого – история жизни потомственного врача, психиатра по профессии, Семена Гуревича. Выросший в семье медиков – матери-гинеколога и отца-психиатра Сеня рано приобщился к медицинскому знанию. Продолжив семейную традицию, Семен Гуревич органично вписал медицинский дискурс в свою обыденную жизнь.

Ключевые слова: медицинский дискурс, Дина Рубина, «Маньяк Гуревич», современная русскоязычная проза

Для цитирования: Крюкова О. С., Раренко М. Б. Особенности медицинского дискурса в романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 137–141. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_137

Original article

Peculiarities of Medical Discourse in Dina Rubina's Novel «Maniac Gurevich»

Olga S. Kryukova¹, Maria B. Rarenko^{2,3}

¹Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, florin2002@yandex.ru

²Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, rarenco@rambler.ru

Abstract. In the article, medical discourse is considered as a kind of institutional discourse with certain characteristics, using the example of a work of art, in the center of which is the life story of a hereditary doctor, psychiatrist by profession, Semyon Gurevich. Having grown up in a family of doctors – a gynecologist mother and a psychiatrist father, Senya acquired medical knowledge early. Continuing the family tradition, Semyon Gurevich organically integrated medical discourse into his everyday life.

Keywords: medical discourse, Dina Rubina, “Maniac Gurevich”, modern Russian prose

For citation: Kryukova, O. S., Rarenko, M. B. (2023). Peculiarities of medical discourse in Dina Rubina's novel «Maniac Gurevich». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 137–141. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_137

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет, судя по публикациям в научных журналах, отмечается повышенный интерес исследователей к медицинскому дискурсу, который становится объектом исследований представителей разных гуманитарных направлений. Медицинский дискурс представляет собой довольно разнородное и вместе с тем весьма интересное явление, проявляющееся и востребованное в разных сферах общения. Так, медицинский дискурс возникает в рамках профессионального общения представителей медицинского сообщества (врачей и представителей близких к ним специальностей – ветеринаров, биологов, лаборантов и пр.), общения между врачом и пациентом на медицинские темы, общения «дилетантов», т. е. людей, не имеющих медицинского образования, на темы здоровья. Сегодня в научной литературе понятие «медицинский дискурс» трактуется довольно широко и разнообразно. Таким образом, термин «медицинский дискурс» наделен широким спектром значений. Во-первых, под «медицинским дискурсом» понимают все произведения речи в рамках медицинской тематики. Во-вторых, «медицинский дискурс» представляется как «форма выражения научной парадигмы медицинских знаний – одного из способов внутреннего выстраивания медицинского опыта», «как часть культурного пространства, выходящая за рамки собственно общения в медицинском учреждении: дискурс об исцелении, лечении, терапии, выражении страдания, дискурс идеологий» [Майборода, 2017, с. 64–65]. В-третьих, в зарубежных исследованиях преобладает использование термина «медицинский дискурс» в связи с развитием и распространением на Западе методик группового консультирования людей, страдающих расстройствами психики, т. е. фактически подменяя термин «психотерапевтический дискурс» (более подробно см.: [там же]). В целом, изучение медицинского дискурса представляется нам широким и перспективным направлением современных гуманитарных исследований как в плане изучения языкового общения, так и как одного из подходов к анализу литературного текста.

В настоящей статье объектом внимания становится представленный на страницах художественного произведения медицинский дискурс в его разновидностях.

РОМАН «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ» ДИНЫ РУБИНОЙ КАК РОМАН О ТЕЛЕСНЫХ, ДУШЕВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ БОЛЕЗНЯХ

Вопрос о здоровье отдельного человека и даже общества в целом в настоящее время возникает

все чаще и чаще, и тому есть ряд причин. Современное общество оказывается перенасыщенным разного рода информацией, которую обыватель часто не в состоянии усвоить. Более того, информационные потоки нередко предлагают противоположные и взаимоисключающие точки зрения на происходящие в мире события, изобилуют фейками. Глобальный кризис усиливает также состояние нестабильности, неопределенности, тревожности, которое сегодня испытывает большинство жителей мира. На этом фоне появление нового романа Дины Рубиной с одновременно пугающим и притягивающим вниманием названием – «Маньяк Гуревич» – кажется вполне закономерным.

Отметим, что Дина Рубина, известный русский-язычный писатель, снискавший заслуженную славу одного из популярнейших авторов современной прозы, всегда остро реагирует на социальные изменения, происходящие в обществе. Для ее произведений характерен ироничный стиль повествования, привлекающий читателей.

В центре повествования в новом романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» (издан в 2022 году) – семейная история врача-психиатра. Система персонажей в романе строится вокруг главного героя и его семейного окружения. Родители Семена Гуревича – типичные советские врачи-бессребреники. Мать-гинеколог и отец-психиатр получали скромные зарплаты, а в качестве подарков от пациентов принимали только коробки конфет и книги; долгое время они жили в коммуналке, преодолевая различные бытовые трудности. Они часто брали сына на работу, где давали ему посильные для ребенка задания: «Словом, свое детство Сеня провел между женской консультацией и психбольницей, строя щепки для вагинальных палочек или разглядывая психов» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 19).

Истории болезней, медицинские байки и казусы, различные случаи из жизни семьи Гуревичей, часто имеющие форму бытового анекдота, органично включены в повествование. Незакрытая вьюшка печи в комнате, где жила семья, привела к трагикомической ситуации: ребенок жаловался на голоса, доносящиеся из печи, родители заподозрили в этом дебют психического заболевания, и только приезд дальних родственников спас Сеню от лечения по тогдашнему психиатрическому протоколу.

Собственно истории болезни с детальными медицинскими подробностями в романе не так уже и много. В первой части, «Детство Гуревича», врачебный дискурс представлен курьезными медицинскими историями, случившимися с главным героем и его близкими. Юный Семен Гуревич характеризуется автором как ребенок слабый, переболевший всевозможными детскими инфекциями:

«Он рос болезненным ребенком, и не как другие хилые ленинградские дети, а экстремально болезненным. Папа говорил, что Сеня – не человек, а медицинский случай и в этом качестве его непременно надо вставить в учебник по педиатрии. Всеми хворями, какими нормальные дети болеют по одному разу, Сеня болел трижды» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 20). К тому же Семен с детства отличался «недотепством», регулярно попадая в нелепые ситуации, драки, а также сомнительные истории и вовлекая туда своих близких или тех, кто случайно оказался рядом с ним. Отец главного героя не стал в этом смысле исключением, решив помочь сыну в игре-имитации спортивных соревнований. Но «чемпионат мира по забегу на четвереньках вокруг стола» закончился трагикомически, когда папа Семена «оголтело ринулся прыгать вокруг стола, мгновенно вогнав себе в колено огромную занозу от старого рассохшегося паркета. Плоская широкая щепка с пиковым острием – она, как нож, вонзилась ему глубоко в сустав» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 31). Медицинские манипуляции, в отличие от самих «соревнований», описаны весьма лаконично: «приехала скорая, папу забрали в больницу, кромсали там его колено под местным наркозом, вынимали занозу, накладывали швы...» (там же, с. 32).

Первая глава романа заканчивается все столь же трагикомическим случаем на выпускном вечере, причиной же этого происшествия послужило несовершенство вестибулярного аппарата главного героя. Неудачное катание на качелях в день выпускного, по-видимому, символизирует будущие стремительные взлеты и сокрушительные падения героя, чей профессиональный путь никогда не был ровным и гладким.

Выбор медицинской специализации в ординатуре между гинекологией и психиатрией в пользу последней Семен сделал под влиянием родителей. Мать считала, что эмпатия ее сына будет мешать ему принимать роды, и посоветовала остановиться на психиатрии. Автор, оценивая выбор героем специализации, прибегает к метафорическому сравнению: «Словом, похоже, мама оказалась права: психиатрия пришлась Гуревичу впору; так старый костюм отца, пролежавший в нафталине лет десять, садится на фигуру взрослого сына как влитой» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 226–227). Новоиспеченный врач-психиатр поступает на работу в ту же больницу, в которой когда-то работал его отец: «По окончании ординатуры он распределился в психиатрическую больницу № 6 – ту самую, в Лавре, куда в детстве ходил с папой» (там же, с. 227). Сюжетный принцип цикличности, стоит заметить, играет немалую роль в семейной хронике. В

начале романа маленькому Сене делают в парикмахерской одинаковую стрижку с дедом, а в конце – Семену-деду делают одинаковую стрижку с собственным внуком. Кольцо замыкается, эстафета поколений благополучно передается, несмотря на различные условия жизни представителей разных поколений.

Во второй части романа, «Неотложные годы», представлены истории сложных или необычных вызовов из опыта работы службы скорой и неотложной помощи, приобретающие в современном литературном и медийном дискурсе статус самостоятельного жанра («Юные годы медбрата Паровозова» Алексея Моторова, 2012), а истории душевных болезней персонажей со сложными судьбами раскрываются в третьей части – «Психиатрия-матушка», разделенной, как и другие части, на главки с выразительными и интригующими названиями («Самовар в кавалерийских сапогах», «Надежный сейф для драгоценностей Эсфири Бенционовны», «Повелитель мира Эрнест Миронович Качка» и др.). Следует отметить, что записки врача-психиатра – это также довольно популярный интернет-жанр: «Записки психиатра» Максима Малявина, блог «Злой доктор».

Многие врачебные истории с участием студента и одновременно фельдшера скорой Гуревича разворачиваются по законам жанра бытового анекдота. Так, история с подарком председателя совхоза («День свиньи») напоминает истории из цикла «Чемодан» Довлатова, в творчестве которого, подчеркивает Ефим Курганов, «принципиально нарушена грань между литературой как второй реальностью и реальностью как таковой» [Курганов, 2020, с. 228]. Перенос в анекдоте главного интереса «с фактической на психологическую достоверность» [там же, с. 229] отличает и бытовые казусы, описанные в романе «Маньяк Гуревич». Следуя довлатовской традиции, Дина Рубина повествует о путешествии свиньи – подарка председателя совхоза за чудесное излечение – по ленинградским улицам на скорой в поисках заведения общепита, готового принять живую свинью. Анекдотическая ситуация вырастает до абсурдной: «Ощущение дурного сна отвердевало в Гуревиче. Ему уже казалось, что избавиться от свиньи невозможно. Никак. Никогда» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 215). Стилистический прием парцелляции подчеркивает безвыходность и катастрофичность ситуации, которая в сознании главного героя приобретает уже не производственный, а семейный масштаб гротескного плана. Но ситуация оказывается всё-таки разрешимой, в рамках описанного уклада жизни, и трагикомическое путешествие на машине скорой помощи заканчивается в квартире

дяди фельдшера – Лени, который на дому занимался лепкой пельменей.

Социальные болезни, на которые с горькой иронией указывает автор, представлены во всех частях повествования. Это бытовой антисемитизм и хулиганство в советской школе («Детство Гуревича»), пьянство и неустроенность, приводящие людей на больничную койку («Неотложные годы», «Психиатрия-матушка»), а также кумовство при назначении на медицинские должности в престижной израильской клинике («Лимонное деревце во дворе»), бюрократия и доноительство («Отдел собачьих укусов»).

Пьянство стирает границы между социальными статусами, на что указывает автор: «Алкоголизм, конечно, был главнейшим поставщиком больничного населения. Вот уже поистине демократичный недуг: алкоголики всех стран... и далее по тексту. Вот уж область, где ни эллина, ни иудея, ни доцента, ни знатной мотальщицы...» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 255). Языковой прием разноречия, дважды использованный в этой фразе (начало знаменитого коммунистического лозунга, с одной стороны, и библейское выражение – с другой, соединяющиеся с обыденной лексикой) обнажает авторскую иронию, направленную на известную телесно-душевную и социальную болезнь. Далее следует повествование о галлюцинациях в белой горячке знатной мотальщицы, Героя Социалистического труда Анны Трофимовны Ложкиной. Фантастическая картина в письменном изложении больной завершается тирадой в привычном ей жанре социалистического обязательства: «...обязуюсь впредь, писала Анна Трофимовна, как, должно быть, писала она трудовые обязательства, за досрочное выполнение которых дважды заработала высокую награду, – впредь обязуюсь никогда больше не видеть самовара на ногах, обутых в кавалерийские сапоги, на бегу рожающего утят и поросят» (там же, с. 259). В этом тексте (картины галлюцинаций, где нет фантастических чудовищ, навеяны бытовым окружением) проявляется всеобщая абсурдность советской жизни, в которой подобный жанр соцобязательства не выглядит чужеродным явлением.

И лишь с одной социальной болезнью донкихотствующий герой не может смириться. Это использование «карательной психиатрии» для борьбы с диссидентами в СССР (глава «Пересвидетельствование»). Сюжетную основу этой главы составляет трагедия советского диссидента – бывшего аспиранта философского факультета Ленинградского университета Николая Шелягина, который некогда намеревался перейти советско-финскую границу. Гуревич, осознав, что

этот пациент более чем нормален, начинает видеть кошмарные сны, задыхаясь от собственного бессилия: политическая подоплека госпитализации этого пациента не оставляет никаких надежд на избавление от психиатрического плена. Случайным образом к Гуревичу попадают стихи Шелягина, и врач пытается пристроить их в солидный журнал, прекрасно понимая всю безнадежность этого красивого жеста. Точку в этой истории ставит возлюбленная Шелягина – Адель, рассказавшая о подробностях больничного существования Николая. В этой истории автор обращает внимание на такую черту главного героя, как эмпатичность, которая притягивает к нему самых разных людей: «Гуревич давно не удивлялся тому, что люди, попав в его общество, горячо, торопливо и даже страстно вываливают на него самые сокровенные события своих жизней, самые постыдные деяния и тайные порывы. Мама говорила, что его «безудержная идиотская эмпатия» источает неуловимый запах, вроде ладана, и потому страждущие – как в храме – при виде него рвутся к исповеди» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 302). В этой самохарактеристике героя прослеживается тонкая связь между профессиями психиатра и священника, которые, по долгу службы вынуждены выслушивать чужие откровения, порой чудовищные, пропускать их через себя и давать, в зависимости от ситуации, житейские, медицинские или духовные советы. В текст романа органично вплетаются истории болезней, врачебные консилиумы, повседневные разговоры «на медицинские темы», благодаря чему у читателя создается иллюзия непосредственного присутствия «на месте события».

Выводы

Семену Гуревичу, с детства попадающему в трагикомические ситуации как медицинского, так и бытового плана, жизненные трудности неожиданно помогает преодолеть его постоянная, практически в любом коллективе, социальная функция недотепы (нашедшая отражение в нелепом прозвище героя – Маньяк Гуревич), сопоставимая с ролью Иванушки-дурачка в русской волшебной сказке и спасающая героя от алогичности и непредсказуемости жизни. Медицинский дискурс в романе, таким образом, одновременно выступает и объектом изображения, и художественным приемом, постольку становится фоном для раскрытия личности главного героя. Семен Гуревич, на первый взгляд, недотепа и неудачник, вписан автором в историю собственного рода, собственной семьи, в историю своей профессии, которой он остается верен во всех своих жизненных перипетиях. И в какой-то

момент в незадачливом докторе проступают черты Дон Кихота, что придает образу главного героя иной масштаб, параллельно дополненный и усиленный библейским контекстом. И если за

«недотепством» героя проглядывает довлатовский интертекст, то за «алкоголическими историями» неожиданно вырисовывается роман В. Ерофеева «Москва – Петушки».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майборода С. В. Медицинский дискурс: Современные теоретико-методологические походы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63–74.
2. Курганов Е. Я. Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей. М.: Издательство АСТ, 2020.

REFERENCES

1. Majboroda, S. V. (2017). Medical discourse: Modern theoretical and methodological approaches and research prospect. *Kommunikativnye issledovaniya*, 1(11), 63–74. (In Russ.)
2. Kurganov, E. Ja. (2020). *Nelepoe v russkoj literature: istoricheskij anekdot v tekstah pisatelej* = The ridiculous in Russian Literature: a historical anecdote in the texts of writers. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крюкова Ольга Сергеевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой словесных искусств
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kryukova Olga Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Head of the Verbal Arts Department at the Faculty of Arts,
Lomonosov Moscow State University

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology), Senior Research Fellow of Linguistic Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_142

Встроенное повествование и национальный дискурс: нарративные стратегии Акунина в детективном рассказе «Нефритовые четки»

Лю Цзинцзюань

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай, jingjuan1203@163.com

Аннотация. В статье рассмотрена структура встроенного повествования в детективном рассказе Акунина «Нефритовые четки». Показано, что симметрия и зеркальность пространства и времени в сюжетно-композиционной структуре, связанной с дискурсами китайской и русской культуры, принимаются как нарративные стратегии для усиления авторской идеи гармоничного соединения Востока и Запада и создания новой евразийской национальной идентичности. И в национальном дискурсе проявляется стереотипное представление о Китае. Одновременно, под влиянием западных детективов и традиции русской литературы, Акунин стремится к инновациям в модели повествования при творческом использовании восточной культуры, чтобы добиться глубокого сопереживания от читателя.

Ключевые слова: Акунин, «Нефритовые четки», встроенное повествование, национальный дискурс, стереотип, новая евразийская национальная идентичность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Шанхайского политико-юридического университета в рамках научно-исследовательского проекта для молодых ученых «Исследование китайского мифологического повествования в современной русской прозе» (проект №: 2022XQN15).

Для цитирования: Лю Цзинцзюань. Встроенное повествование и национальный дискурс: нарративные стратегии Акунина в детективном рассказе «Нефритовые четки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 142–148. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_142

Original article

Embedded Narrative and National Discourse: Akunin's Narrative Strategies in the Detective Story "Jade Rosary"

Liu Jingjuan

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China, jingjuan1203@163.com

Abstract. The article studies the structure of the embedded narrative in Akunin's detective story "Jade Rosary". It is shown that the symmetry and mirroring of space and time in the plot-compositional structure, associated with the discourses of Chinese and Russian culture, are accepted as narrative strategies to strengthen the author's position on the harmonious connection of East and West and on the creation of a new Eurasian national identity. The stereotypical thinking about the image of China is manifested in the national discourse. At the same time, influenced by Western detectives and the tradition of Russian literature, Akunin strives for innovations in the narrative model with the creative use of Eastern culture in order to achieve deep resonance from the reader.

Keywords: Akunin, "Jade beads", embedded narrative, national discourse, stereotype, new Eurasian national identity

Acknowledgments: This article is funded by the research project for young scholars "A research on Chinese mythological narrative in contemporary Russian novels" of Shanghai University of Political Science and Law (2022XQN15).

For citation: Liu Jingjuan. (2023). Embedded narrative and national discourse: Akunin's narrative strategies in the detective story "Jade Rosary". Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 2(870), 142–148. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_142

ВВЕДЕНИЕ

Борис Акунин – писатель с уникальным стилем в современной русской литературе. С тех пор как он вошел в литературный мир в конце XX века, его творчество стало центром внимания читателей, стало интенсивно обсуждаемым в литературно-художественных кругах. В последние годы все больше ученых в Китае и за рубежом сосредотачивают свое внимание на влиянии восточной культуры, особенно китайской, на творчество Акунина. Но мало кто уделял достойное внимание тесной связи между структурой встроенного повествования и национальным дискурсом в рассказе «Нефритовые четки» (2006), демонстрирующей влияние стереотипного мышления на межкультурные взаимодействия в творчестве писателя.

СТРУКТУРА ВСТРОЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ «НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ»

Нетрудно заметить, что композиционная структура детективного рассказа «Нефритовые четки» обладает ярко выраженным, своеобразными чертами встроенного повествования. В тексте внешнее (эксплицитное) повествование ведется от третьего лица. В третьем лице излагается история расследования знаменитым детективом Фандориным таинственного убийства с грабежом, жертвой означенного преступления становится московский антиквар Пряхин. Если внешнему повествованию соответствует внеязыковая реальность, то внутреннее (имплицитное) повествование строится из семантической среды текста. Оно ведется с точки зрения героя, Фандорина, личностное начало которого помогает читателю уловить суть волшебной легенды о китайских нефритовых четках.

Акунин использует структуру встроенного повествования для создания многослойности художественного пространства и дискурсивного мира, где реальность и фантастика переплетаются и сопоставляются в измерениях времени, пространства и уровня повествования. Их пересечения подчеркивают диалогичность и экспериментальность в повествовательной структуре. Вместе с тем напряженная повествовательная структура текста и наличие в нем культурного драйва придают детективному рассказу фольклорно-мифологические инсталляции с необходимой пространственно-временной широтой и большей художественной выразительностью.

Структура встроенного повествования способствует созданию резкого контраста между

встроенной внутренней историей и обрамленной внешней историей, формируя диалектические отношения противоположностей и взаимодополняемости в глубоком повествовательном взаимодействии.

Как отметил израильский критик Риммон-Кенан, различные уровни встроенной повествовательной структуры играют различные роли в раскрытии темы, «отношения, установленные между под-сюжетным слоем и сюжетным слоем, это отношения аналогии, т. е. сходства и контраста» [里蒙-凯南, 1989, с. 166]. Встроенная история и обрамленная история в рассказе «Нефритовые четки» имеют потенциально противоположную взаимосвязь на уровне повествования, в которой реалистическое пространство, видимое внешним рассказчиком, и мифическое пространство, воображаемое внутренним рассказчиком, образуют встроенную двухстрочную структуру по вертикали, способствующую развитию сюжета и дополняющую обе истории.

В этой повествовательной структуре ключевую роль играет Фандорин как герой-рассказчик встроенной истории и объект повествования обрамленной истории. В обрамленной истории внешний рассказчик в основном описывает двух героев Фондолина и графа Хруцкого. Последний явился только в начале и конце основной сюжетной линии, рассказывая об убийстве для стимулирования интереса детектива Фандорина к расследованию и раскрывая причину совершения грехов. Внешняя история в основном говорит о процессе расследования Фандорина и его разгадывания детективных загадок Хруцкого. История, встроенная во внутренний слой, показывает мифы и легенды о нефритовых четках и их магические функции в процессе раскрытия преступления с точки зрения Фандорина.

Напряженный тон, взлеты и падения сюжета, задержка речевого развития и внезапный поворот обрамленной истории усиливаются в связи с встроенной историей. Вертикальная двухстрочная встроенная повествовательная структура, состоящая из обрамленной истории загадки и встроенной истории разгадки, стимулирует читательский интерес к произведению. Сюжетная композиция в детективном рассказе организована вне логической, причинно-временной последовательности событий, в результате чего весь смысл реального мира переворачивается в виртуальном хронотопе. Эти несколько парадоксальные соотношения различных граней акунинского текста проявляются не только в противостоянии разгадки загадки, но и в противостоянии справедливости злу. Аналогичным путём образ китайского

философа Те Гуанцзы взаимодействует с образом русского глупца Хруцкого. Рассказ Акунина «Нефритовые четки» содержит и ребусную компоненту. Пространство повествования местами теряется в интригующей неизвестности, которая от обратного располагает читателя к поискам ясности. Глубокое встроенное повествование, дополняя внешнее повествование, обеспечивает равновесие составляющих художественного целого. В результате, при всех зигзагах авторской мысли, является рациональное развитие сюжета. В своей множественности оно выражает трехмерное мироощущение автора и формирует диалектичную модель действительности.

Встроенная повествовательная структура Акунина – это инновация традиционной модели повествования западного детективных произведений. Сюй Няньцы в конце династии Цин уже понял, что детективный жанр отличается структурно-композиционными особенностями от других жанров. Он отметил, что достоинство детективного жанра заключается в композиционной организации, а не в синтаксической конструкции, и его признак совершенствования в форме, а не в духовности [徐念慈, 1906]. Ученые также четко указали, что, хотя детективные произведения как жанр массовой литературы популярен, но это не признак его совершенства [Кёстхейи, 1989]. В истории русского детектива, которая длится более ста лет, Акунин, автор «Нефритовых четок» совершил прорыв в структуре повествования. Его движущей силой у Акунина становится не сюжет как таковой, а столкновения диалогов и единиц действия. Переключения перспективы повествования способствует авторскому показу смешанной ситуации транса и реальности. Их парадоксальное смешение становится своего рода условием приобщения автора и читателя к тайне Фандорина. Ключом к разгадке Фандорина является образ китайского мудреца Те Гуанцзы, возможно рассмотренный как третья сторона композиционной структуры детектива кроме положительной (Фандорин и его помощники) и отрицательной сторон (граф Хруцкий и его сообщники).

Повествование рассказа не ограничивается всеведущим и всемогущим рассказчиком от третьего лица в повествовательном слое обрамленной истории, и рассказчиком от первого лица в слое встроенной истории, и порядок повествования меняется достаточно сложно. Рассказ Акунина разрушил стереотипы образа рассказчика детективных произведений, так как в соответствии с канонами классического детектива рассказчик не может быть ненадежным преступником. А в рассказе «Нефритовые четки», в повествовательной

галлюцинации некоторые голоса Фандорина, помощников, преступника Хруцкого и мифологического образ мудреца Те Гуанцзы и т. д. активно действуют в развитии повествовательного процесса с разных ракурсов, что делает сюжеты запутанными и взаимосвязанными. В частности, изысканное оформление странных сюжетов, таких как легенда о нефритовых четках и китайском кунг-фу на уровне встроенной истории вывело рассказа на совершенно новый уровень, преодолев границу между популярной массовой фантастикой и элитарной литературой и компенсируя недостатки «отсутствия послевкусия» популярных детективных произведений [胡寄尘, 1923, с. 145–148]. Одновременно, во встроенной истории заимствованный сюжет проповеди и решения головоломок китайского мудреца Те Гуанцзы и выраженная в нем мысль китайской даосской философии о взаимосвязи бытия и небытия, и секретности долгожития, создали эфирное, ясное, элегантное, романтическое и изящное трансграничное художественное пространство.

ЗЕРКАЛЬНОСТЬ СТРУКТУРЫ ВСТРОЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ «НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ»

В структуре встроенного повествования «Нефритовые четки» содержат не только пересечения двух сюжетных нитей расположенных в шахматном порядке и параллельных в двух дифференцированных пространстве-времени, но и причинно-следственную зеркальную связь изображаемых авторов феноменов. Она представлена в композиции сюжета.

М. А. Черняк рассматривает зеркальность сюжетной композиции Акунина как важный художественный прием для демонстрации игровых начал в эпоху перемен и ощущения сложного социально-исторического процесса в хаотическом карнавале [Черняк, 2007, с. 30]. Принцип зеркальной композиции сюжета заключается не в символическом смысле зеркального отображения событий или явлений, а в том, чтобы стимулировать реакцию читателя на чтение.

Это зеркальное сцепление сюжетов в структуре встроенного повествования рассказа Акунина по сути представляет собой гетерогенный изоморфизм параллельных интертекстуальных текстов, с целью создать полифонический эффект. Две пространственные парадигмы, состоящие из внешней обрамленной истории и внутренней встроенной истории – русское культурное пространство и китайское культурное пространство – образуют

взаимное отражение, а таинственное пространство легенды о нефритовых четках, олицетворяющих великую мудрость всех существ, значительно усиливает повествовательное напряжение и художественную привлекательность детективного рассказа. Ключевым образом мифологических «нефритовых четок» в этом пространстве, является «изобретение само, что ни на есть старинное, придуманное древними для концентрации мыслительной и духовной энергии»¹. Чтобы доказать достоверность слов рассказчика, организован волшебный сюжетный помощник «нефритовые четки» для продвижения процесса расследования Фандорина, который действительно стал мудрым, вдохновленным и благословленным при держании четок в руке. Фандорин все еще во сне встретился с мудрецом Те Гуанцзы на вершине горы Тайшань, чтобы постичь даосскую мудрость и исследовать путь жизни и смерти.

Словесные ряды двух пространств и времени в структуре встроенного повествования образует зеркальную симметрию. Она представлена в следующей таблице:

Описанная зеркальная композиционная структура рассказа указывает на следующую культурную

пространственную парадигму: с одной стороны, отрицательную хаотическую русскую, связанную с преступлением, с другой стороны, положительную гармоническую китайскую, связанную с китайской философией. Необходимо также отметить, что Фандорин является прямым звеном этих зеркальных отношений и важным компонентом в построении модели двух миров. Здесь очевидна функция главного героя, Фандорина, в качестве связующего звена в зеркальной структуре, движущего сюжеты вперед. Например, повествование о расследовании Фандорина переключается между двумя временами и пространствами, и даже рассказчик намеренно стирает границы двух пространств-времен, создавая виртуальные и реальные ситуации и усиливая зеркальную функцию двух пространств-времен. В русской литературе зеркало – это «граница символической организации, граница между миром 'моим' и 'чужим'» [Левин, 1988, с. 4]. А. Г. Коваленко многозначительно указал на разницу между зеркальным миром, сконструированным Акуниным, и символизмом. В постмодернизме два мира не находятся в бинарной форме «здесь и там». Зеркальный мир превратился в особый объект эстетической игры, поэтому художественная реальность стала полем столкновения

¹ Акунин Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2015. С. 124.

Таблица

Сравнение	Элементы повествования	Обрамленная история	Встроенная история
Пространство-время	Место	Москва	Китайский городок
	Культурное происхождение	Россия	Китай
	Время	настоящее	древнее
	Пространство	реальное	фантастическое
Образ	Ключевые образы	убийство	Нефритовые четки
	Цвет образов	Красный	Зеленый
	Форма образов	Неопределенный	Круглый
	Символ	Зло, глупость, грех	Добро, мудрость, успехи
Персонажи	Ключевые персонажи	Граф Хруцкий	Мудрец Те Гуанцзы
	Соотношение с нефритовыми четками	Вор	Хозяин
	Поведение	Установление тайны	Наставление на путь истинный
Дискурсы	Языки	Русский язык	Китайские иероглифы
	Культура	Народная	Китайская
	Дискурс	Народный	Чужой

реального и виртуального времени и пространства [Коваленко, 2000, с. 146].

СТЕРЕОТИПНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Два пространственно-временных мира, разделенных зеркальным отображением в рассказе «Нефритовые четки», демонстрируют четкую симметричную взаимосвязь в последовательности дискурса. В то же время внешнее повествование о народном эпизоде убийства и внутреннее повествование о чужой истории также многослойны и противоречивы на эстетическом и моральном уровнях. Можно сказать, в зеркальной композиции существует скрытый конфликт на втором уровне.

В этом конфликте наблюдаются моральные факторы, ориентированные на высмеивание пороков и несовершенств русского общества с помощью пропаганды моральной силы традиционной китайской философии. Ей напрямую соответствуют политические идеалы управления страной мудрыми философами, воплощенные в сюжете об умственном постижении даосского мудреца Те Гуанцзы, романтическое стремление к борьбе добра со злом и к справедливости с помощью рыцарского духа в китайской культуре боевых искусств, а также культурная критика, отрицающая ориентализм с закрытым, застойным и развращенным коллективным воображением «опиумной империи».

Дифференцированное время и пространство концентрируются на авторских противоречиях. С одной стороны, традиционный китайский культурный дискурс сильно контрастирует с языком и поведением высшего общества XIX и XX веков, придавая детективному рассказу особый экзотический культурный колорит, а восточные культурные символы, наполняющие интеллектуальный контент, своей свежестью и таинственностью пробуждают у читателей чувство шока и саспенса. С другой стороны, дискурс традиционной китайской культуры является ядром повествования детективного рассказа, которое строится на бинарных оппозициях: признание традиционной китайской культуры, представленной нефритовыми четками, и сатирическое воображение китайского образа «опиумной империи» и «застойной империи».

Автор объединяет восточную и западную культуры через зеркальную систему, в большей степени основанную на стереотипах восприятия Запада культуры Китая в рамках дихотомического сопоставления, который рассматривается как образец «государства философов» [刘亚丁, 2010, с. 22–35]. В этой зеркальной системе проявлено национальное сознание России через призму

национального дискурса. Русификация восточной легенды рассматривается как средство литературной интеграции восточной и западной культур на сознательной национально-культурной позиции писателя.

Акунин рассматривает андрогинию Востока и Запада в современном русском литературном творчестве как литературную энтропию, говоря, что она может постепенно разрешать конфликты и достигать гармонии между Инь и Ян [Чхартишвили, 1996, с. 262]. Он считает, что восточная культура – «чужая, странная и экзотическая для Запада. И наоборот.». Как отметил китайский ученый Тянь Хунминь, описание о Китае с трехмерными культурно-историческими координатами «одного тела и двух крыльев», окруженное исторической речью и культурным письмом, участвует в создании исторического повествования и культурной памяти писателя [田洪敏, 2018]. Как культурный образ «другой», китайская традиционная культура участвует в повествовании детективного рассказа Акунина. С одной стороны, тенденция автора к народной легендизации в построении мифов более очевидна, с другой стороны, подчеркнуты особенности межкультурной идентичности зеркального отражения, и раскрыты попытки автора создать новую евразийскую национальную идентичность. Это особенно заметно в метафорической функции восточной мудрости нефритовых четок: каждая нефритовая четка представляет нацию с уникальным порядком, традицией и заблуждением, а собранные по одной линии нефритовые четки являются символом гармонии и единства мира. Только признание различия и укрепление единства наций могут обеспечить статус человеческой цивилизации. Китайские традиционные идеи «гармонии и различий» и «поиска точек соприкосновения при сохранении различий» с открытой литературной концепцией интегрированы в творчество Акунина. Сочетание русских и китайских элементов в рассказе Акунина демонстрирует представление писателя о восточно-западном культурном соответствии в кросс-культурном творчестве и указывает на разработанную Акуниным концепцию мировой литературы.

Заимствование и интерпретация составляющих чужих культур, и сочетание ориентализма с экзотическими обычаями в детективном рассказе Акунина – это творческая стратегия построения национального дискурса. На уровне повествовательной функции речь идет преимущественно о создании текстового пространства, запечатлевающего культурно-историческую реальность для стирания границы между исторической реальностью и художественной фантастикой, и это мультикультурное

сочетание также передает надежду автора на восстановление национально-культурной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом творчество Акунина сохраняет как черты западноевропейских детективов, так и восточные заимствования, которые приносят в западноевропейский контекст долю экзотики. В то же время его детективное творчество Акунина неизбежно подвергается влиянию традиционной русской литературы и постепенно стремится к этнической локализации. Вот почему в фантастической легенде о даосском наследнике Те Гуанцзы и нефритовых четках, а также в формировании китайского литературного образа проявляются шаблонное и стереотипное мышление о Китае. Оно все еще сохранилось в коллективном воображении русских писателей XX века, без инновации эстетических суждений и дискурсивных моделей. «Образ восточного авторитаризма Китайской империи давно уже популяризировался и превратился в общее знание, всесторонне влияя на темы и значения индивидов и текстов, вошедшие в китайское видение, и как разновидность западного культурного дискурса, он постоянно распространяется

и повторяется. И в то же время он также постоянно определяется и обогащается» [周宁, 2004, с. 193–194].

Принцип создания встроенной повествовательной структуры детективного рассказа Акунина по-прежнему служит выражением эстетического идеала автора. Акунин работает в русской литературной традиции. Проза Акунина проникнута глубокими национальными чувствами, осознанием евразийских констант русского этнического бытия. Мысленно охватывая некий русский Универсум, Акунин в то же время тесно связывает будущее страны, судьбу нации, жизнь народа с личным творчеством. Повествовательное построение рассказа Акунина неотделимо от сознания трансформации русской культуры в историческом времени. Акунин стремился творчески использовать восточную культуру для создания новой модели повествования, чтобы добиться глубокого сопереживания от читателя. Межкультурное взаимодействие в детективном рассказе Акунина связывается также с его личным происхождением, жизненным опытом и философией. Писатель лично переживает то, о чем повествует, и в то же время обнаруживает незаурядную литературную эрудицию. Акунина даже называют сочетанием Гоголя, Толстого и Артура Конан Дойла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 里蒙-凯南. 叙事虚构作品[M]. 姚瑞清等译. 北京: 三联书店, 1989. [Риммон-Кенан. Повествовательная художественная литература / пер. Яо Жуйцина и др. Пекин: Саньянь, 1989].
2. 徐念慈. 第一百十三案·觉我赘语[J]. 小说林 [Сюй Няньци. 113-й случай· повторю слова // Новеллы]. 1906. № 1.
3. Кёстхейи Т. Антология детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт: Корвина, 1989.
4. 胡寄尘. 我之侦探小说谈[J]. 侦探世界 [Ху Цзичэн. Разговор о детективном романе // Мир детектива]. 1923. № 14. С. 145–148.
5. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М.: ФЛИНТА: Наука, 2007.
6. Левин Ю. И. К семиотике зеркала и зеркальности // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам XXII. Тарту: Тартуский государственный университет, 1988.
7. Коваленко А. Г. Принцип двоemiрия в русской литературе XX века // Дергачевские чтения-2000: материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Ч. 2. С. 141–146.
8. 刘亚丁. 回归“哲人之邦”套话——近30年来俄罗斯作家对中国传统文化的利用与想像[J]. 俄罗斯研究 [Лю Ядин. Назад к стереотипу «Государства философов» – Использование и воображение традиционной китайской культуры русскими писателями за последние 30 лет // Российские исследования]. 2010. № 5. С. 22–35.
9. Чхартишвили Г. Ш. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 254–263.
10. 田洪敏. 鲍阿库宁作品中的中国书写: 历史叙事与文化记忆. 中国比较文学[J] [Тянь Хунмин. Описание Китая в произведениях Бориса Акунина: историческое повествование и культурная память // Сравнительное литературоведение в Китае]. 2018. № 3. С. 132–144.
11. 周宁. 历史的沉船[M]. 北京: 学苑出版社, 2004 [Чжоу Нин. Кораблекрушение истории. Пекин: Издательство Сюэюань, 2004].

REFERENCES

1. 里蒙-凯南. [Rimmon-Kenan] (1989). 叙事虚构作品[M]. [Narrative Fiction: Contemporary Poetics, translated by Yao Ruiqing etc.] 姚瑞清等译. 北京: 三联书店.
2. 徐念慈. 第一百十三案・觉我赘语[J]. 小说林. 1906. № 1 = Xu Nianci. The 113th case-repeat the words // Novels. 1906. № 1.
3. Kestheyi, T. (1989). Antologiya detektiva. Sledstvie po delu o detektive = Anthology of the detective. The investigation into the case of the detective. Budapest: Korvina. (In Russ.)
4. 胡寄尘 [Hu Jichen]. (1923). 我之侦探小说谈[J]. 侦探世界. [Talk about the detective novel. Detective world], 14, 145–148.
5. Chernyak, M. A. (2007). Massovaya literatura XX veka = Mass literature of the 20th century. Moscow : FLINT : Nauka. (In Russ.)
6. Levin, Yu. I. (1988). K semiotike zerkala i zerkal'nosti = On the semiotics of mirrors and specularity. In: Mirror. Semiotics of mirroring. Works on sign systems XXII. Tartu: Tartu State University. (In Russ.)
7. Kovalenko, A. G. (2001). Kovalenko A. G. Princip dvoemirija v russkoj literature XX veka = The principle of duality in the Russian literature of the 20th century. In: Dergachev Readings – 2000 (part 2, pp. 141–146) : Proceedings of the International Scientific Conference. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)
8. 刘亚丁. [Liu Yading]. (2010). 回归“哲人之邦”套话——近30年来俄罗斯作家对中国传统文化的利用与想像[J]. [Back to Stereotype of “State of Philosophers” – Russian Writers’ Utilization and Imagination of Traditional Chinese Culture in the Past 30 Years] 俄罗斯研究. [Russian studies], 5, 22–35.
9. Chkhartishvili, G. Sh. (1996). No net Vostoka i Zapada net (O novom androgine v mirovoj literature) = But there is no East and there is no West (About the new androgyne in world literature). Foreign Literature, 9, 254–263. (In Russ.)
10. 田洪敏. [Tian Hongmin]. (2018). 鲍阿库宁作品中的中国书写: 历史叙事与文化记忆. [China Rediscovered in Boris Akunin's Works: Historical Narration and Cultural Memory]. 中国比较文学[J]. [Comparative Literature in China], 3, 132–144.
11. 周宁. [Zhou Ning]. (2004). 历史的沉船[M]. [The shipwreck of history]. 北京: 学苑出版社.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цзинцзюань

доктор филологических наук, старший преподаватель
Шанхайского политико-юридического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Jingjuan

Doctor of Philology, Senior Lecturer
Shanghai University of Political Science and Law

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Медиариски и трансформация культуры

И. А. Асеева

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

irinaaseeva2011@yandex.ru

Аннотация. Выявление, анализ и снижение медиа-рисков как производных цифровой культуры является серьезной научной проблемой для социологов, философов, культурологов, юристов. В статье используются междисциплинарный подход и общенаучные методы. Эмпирической базой исследования являются социологические исследования ведущих отечественных и зарубежных научных коллективов, а также результаты авторского социологического онлайн-опроса. Понимая медиа-риски как явление комплексное, автор исследует два их масштабных уровня: медиариски для человека и глобальные медиариски для культуры.

Ключевые слова: культура, информационные революции, цифровизация, инфокоммуникативные технологии, медиариски

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00486 «Человек в новой медиаэкосистеме: ресурсы и стратегии взаиморазвития».

Для цитирования: Асеева И. А. Медиариски и трансформация культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 149–157. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_149

Original article

Media Risks and Transformation of Culture

Irina A. Aseeva

Southwest State University, Kursk, Russia

irinaaseeva2011@yandex.ru

Abstract. Identification, analysis and reduction of media risks as derivatives of digital culture are a serious scientific problem for sociologists, philosophers, cultural scientists, lawyers. The article uses an interdisciplinary approach and general scientific methods. The empirical basis of this work is sociological research conducted by leading domestic and foreign research teams, as well as the results of the author's online sociological survey. Understanding media risks as a complex phenomenon, the article examines their two large-scale levels: media risks for humans and global media risks of culture.

Keywords: culture, information revolutions, digitalization, information and communication technologies, media risks

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00486 "Man in a new media ecosystem: resources and strategies for mutual development".

For citation: Aseeva, I. A. (2023). Media Risks and Transformation of Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 149–157. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_149

ВВЕДЕНИЕ

Человеческая культура – постоянно меняющийся, подверженный влиянию множества факторов, живой эволюционирующий организм. Одним из наиболее мощных трансформирующих средств и для человека, и для общества являются информационные технологии в широком смысле этого слова. Информация, осмысленная и переработанная человеком, оформляется в практически ориентированные технологии, которые и обладают сильным преобразующим потенциалом.

В последние десятилетия возрос интерес ученых к функциональным, технологическим и социокультурным аспектам формируемой антропосоциотехнической среды, а также к вопросам влияния новых цифровых технологий на трансформацию особенностей личности современного человека и социальную структуру, в частности, подчеркивается значительное влияние средств интернет-коммуникации на создание особых информационных и семантических пространств. С означенными процессами сопряжено и появление новых социокультурных проблем и рисков. Особой сферой научных интересов становятся медиаэкосистема, цифровые медиатехнологии, частные практики медиапотребления или медиатворчества.

Однако, несмотря на увеличение в последние годы количества и разнообразия тематик исследований, посвященных медиареальности, антропологическим и социокультурным рискам, связанным с повсеместным проникновением цифровизации, внимания уделяется не достаточно.

Соответственно, целью данной работы является концептуализация медиарисков в контексте личностных и культурных изменений, которые испытывают представители современного социума.

Задачи исследования: выявить трансформирующий потенциал шести известных информационных революций; показать особенности цифровой информационной революции; сформулировать понятие медиарисков; предложить топологию медиарисков; проанализировать возможности и угрозы использования медиатехнологий на масштабе личности и культуры.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК ТРИГГЕРЫ РАДИКАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

На сегодняшний день шесть информационных революций, которые пережило человечество за свою историю, настолько кардинально переформатировали культуру, что фактически создали новый,

уникальный, вид разумных существ, обитающих одновременно в нескольких реальностях. Уже первая информационная революция – изобретение языка как символической модели мира – послужила отправной точкой для формирования абстрактного мышления как основы идеальной формы освоения физической реальности. Теперь можно было не только показать другому обнаруженное новое явление, но и передать словами, что предполагало возможность сформировать и закрепить образ, копию объекта в сознании человека. Обучение, сохранение и передача знаний в человеческом обществе более не зависели от необходимости личного контакта, а получили первый мощный импульс для распространения информации сначала локально среди соплеменников, а затем и коммуницируя с носителями других языков. Именно слово ознаменовало первый прорыв в формировании медиатехнологий, технологий-посредников, постепенно расширяющих круг социальных субъектов, вовлеченных в процесс освоения знаний и обмена разнообразной информацией, которую можно не только получить через органы чувств, но и представить в воображении или сконструировать мысленно.

Но, думается, ключевой идеей для ускорения и усложнения культуры стало изобретение письменности. Текст, записанный общепринятыми знаками, мог сохраняться и передаваться без субъективных искажений на огромные расстояния и через тысячелетия. С момента придумывания, как закодировать слова знаками, вектор развития человеческой культуры был определен, а все ускоряющаяся передача информации и преодоление расстояний стали лишь делом техники. Первое техническое устройство, печатный станок И. Гутенберга, в 40–50-х годах XV века разрушил монополию церкви на владение знаниями и открыл доступ к образованию всем желающим. От изобретения в 1837 года С. Морзе электромагнитного телеграфного аппарата, а в 1870-х годах телефона, до появления персонального компьютера в 70-х годах XX века прошло около 150 лет, и вот уже весь мир информационно пронизан, без границ и расстояний.

Современную информационную революцию связывают с появлением Интернета и цифровых технологий. «Уже в 1960-х годах в США появились первые глобальные вычислительные сети, объединявшие несколько ЭВМ той или иной фирмы или организации в одну систему. Вскоре они переросли в крупные территориальные системы, а в 1983–1986 годах – в единую общенациональную сеть – Интернет. В последующие полтора десятилетия к ней присоединилось множество других

региональных и национальных компьютерных сетей. Так сложилась глобальная сеть Интернет, ознаменовавшая начало пятой информационной революции. Если предыдущая революция сократила расстояния, то нынешняя беспрецедентно сокращает время для получения нужной информации, многократно увеличивая при этом масштабы информационного обмена. Его объем посредством Интернета удваивается через каждые 100 дней, т. е. каждый год в 7,3 раза» [Шишков, 2003, с. 299]. Благодаря соединенным в единую мировую сеть компьютерам, оцифрованная информация становится ведущим фактором реструктуризации всей исторически сложившейся культуры, проникая практически во все сферы социальной жизни, контролируя экономику, производство, политику, национальную безопасность, образование и науку. Именно медиатеchnологии сейчас определяют, формируют и иногда разрушают многие разноразличные социальные связи миллиардов интернет-пользователей.

Следующую информационную революцию В. И. Аршинов и В. Г. Буданов оптимистично предвидят в развитии квантовой ноосферы, квантового компьютеринга и квантовой телепортации, основанных на ЭПР-эффектах [Аршинов, Буданов, 2020, с. 46]. Авторы полагают, что квантовая природа сознания и возникновение когерентных состояний коллективных субъектов позволят вывести человечество на более высокий уровень глобальной эволюции. Думается, при нравственном уровне нынешнего массового сознания, и взаимном геополитическом противостоянии различных административно-территориальных образований этот путь пока недостижим.

МЕДИАРИСКИ В РЯДУ ДРУГИХ УГРОЗ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Определим медиариски как экспектацию человеком наступления жизненных событий, связанных с регулированием и саморегулированием виртуальной реальности и взаимодействием с ней человека и общества. Понимая медиа-риски как явление комплексное, выделим, по крайней мере, два масштабных уровня: медиариски для человека и глобальные медиариски для культуры.

МЕДИАРИСКИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Первый уровень медиарисков отражает еще одно «искривление» социоантропологического зеркала, оно связано с активно обсуждающимся сейчас философами, правоведами, социологами,

культурологами парадоксом расширения-сокращения возможностей человека из-за проникновения информационных технологий практически во все сферы жизни общества и их влияния на универсалии культуры: свободу, человеческую идентичность, право выбора и безопасность. Одна из самых острых дилемм – конвертация благой идеи личной безопасности, защиты от злоумышленников и персонального подбора товаров и услуг с помощью новейших технологий Big Data в нарушение права на неразглашение личной информации, в тотальный контроль, в манипулирование выбором и в своеобразную замкнутость на предложениях контекстной рекламы. Они сыпятся как «информационный мусор» в мессенджеры уже после удовлетворения информационной потребности, без необходимости. Отключение навязчивой рекламы или приложений-шпионов также требует специальных знаний и навыков и вряд ли доступно рядовому пользователю.

Вместе с тем в цифровой реальности человек становится совершенно прозрачной контролируемой единицей, чье поведение в различных социальных ролях как семьянина, работника, потребителя, туриста и т. д. оказывается подконтрольным и даже управляемым. Распространение процесса медиатизации, целенаправленное воздействие масс-медиа на принятые социальные практики осуществляется с помощью медиалогии – особого способа подачи информации – «трансформации события посредством медиатрансляции для достижения планируемого эффекта поступка, действия» [Коломиец, 2014, с. 84]. Посредством специальных манипулятивных технологий человеку незаметно навязывается выгодный угол зрения или определенное, «вдавленное» в сознание извне «омнибусное» мнение [Воронов, Лупенкова, 2016]. Принципы организации типичной медиаманипуляции описывает В. Л. Примаков:

«1) построение и поддержание виртуальной массмедиа-картинки, ориентированной на потребности, ожидания, картину мира целевой аудитории; по сути – создание и продвижение определенного формата восприятия (угла зрения, стиля и т. п.);

2) создание символического, даже нереального, фейкового события, вписывающегося в построенный медиаформат для того, чтобы «человек медиатизированный» поверил в реальность виртуального события, картинки; чаще всего для этого используется банальная провокация;

3) раскручивание, тиражирование и синхронизация информационных потоков и коммуникационных волн обсуждения, подтверждения, эмоциональной оценки, инфошочков, отвлекающих фактоидов и пр.» [Примаков, 2019, с. 33].

Некоторые исследователи считают, что такие методы и сама логика развития цифрового общества, по сути, являются антигуманистическими и антидемократическими, поскольку превращают свободную личность в «простой набор данных и объект управления» [Горячева, Яковлева, 2022, с. 90]. Опираясь на работы Н. Лумана, В. Вахштайна, Н. Больца, размышления М. Фуко о дисциплинарном обществе и анализ опыта социального рейтинга в Китае, авторы приходят к выводу, что именно цифровые коммуникативные технологии, электронные медиа объективируют личность, атомизируют общество, приобретают функцию «невидимого» всеведущего технологизированного наблюдателя, для которого человек – лишь «объект воздействия smart-среды» [там же, с. 84].

При снижении критического мышления, выносе долговременной памяти в Google, все большем усложнении технологий, непрозрачности принятия жизненно важных решений программами с элементами искусственного интеллекта, например, о назначении лечения, выдаче кредитов или вынесении приговора, отношении человека и техносреды все больше напоминают односторонние отношения с новым божеством. В. Г. Буданов, например, пишет: «В связи с фактами беспомощности Z-поколения в отсутствии консультаций с Google возникает риск рождения «Цифровой религии». Техномагия, технофетишизм, техномиф усугубляются с развитием ИИ, так как объекты техники на основе ИИ все более сложны и менее понятны, да еще объединенные в сети Интернета Вещей. Они создают анимированные искусственные среды обитания для современного человека, подобно тому, как первая природа была живой средой обитания для первобытного человека» [Буданов, 2022]. Причем, появление цифровой религии связано не столько с новыми медиа-носителями для транслирования традиционных религиозных символов и ритуалов, сколько с появлением уникальных характеристик религиозной онлайн-среды: гипертекстуальности, интерактивности, дисперсности, полицентричности [Иванов, 2018]. Как пишет Г. Грив, «цифровая религия уникальна в том смысле, что с помощью цифровых медиатехнологий она способствует канализации страхов, порождаемых текучей современностью, синтезируя в единое целое религиозные метанарративы и идеологию цифрового общества» [Grieve, 2013, с. 110]. Х. Кэмпбелл рассматривает цифровую (сетевую) религию как часть новой электронной культуры, о которой пойдет речь ниже. Она отмечает, что «религия наполняется технологическими структурами и характеристиками интернет-среды, такими как нивелирование традиционных иерархий, возможность мгновенной

коммуникации и получение немедленного ответа, расширение доступа к сакральному и приватной информации» [Campbell, 2012, с. 68]. То есть появление цифровой религии вызвано, с одной стороны, готовностью сознания homo digital воспринимать технологии или Искусственный интеллект как непостижимого бога, которому известны поступки и даже намерения человека по его запросам и просмотрам контента, с другой – подкреплением его священных чувств технологическими возможностями формирования конструируемой идентичности, открытости всех перед его взором, единства с единомышленниками по всему миру. И в этом смысле новые инфокоммуникативные технологии являются уже не только переносчиками старых религиозных символов новыми способами, а самостоятельным медиaprостранством обсуждения новых сакральных смыслов и идей.

Справедливости ради необходимо отметить и несомненные плюсы использования медиаресурсов для экономии времени, облегчения взаимодействия с государственными службами, получения информации, даже для повышения личного культурного уровня. Так, например, анализ посещаемости, количества и размера постов и комментариев на страницах в Instagram 98 самых знаменитых музеев России во время и после локдауна 2020 года явно демонстрируют значительный рост вовлеченности людей в музейную деятельность, увеличение заинтересованности в научных, образовательных и развлекательных проектах, которые предложили сотрудники музеев во время вынужденной самоизоляции [Павлова, 2022]. С помощью функции опросов посетителей музеи получали информацию для повышения качества предоставляемых услуг [Badell, 2015], с другой стороны, возникла новая социальная роль музеев – вдохновение и поддержка людей, так необходимые в период пандемии [Museums and COVID-19, 2021].

ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕДИАРИСКИ КУЛЬТУРЫ

С начала XXI века в научный оборот входят понятия, определяющие современный тип культуры, связанный с цифровыми технологиями: «E-culture», виртуальная культура, интернет-культура, медиа-культура, Digital Culture и т. д. [Digital Culture, 2008]. Цифровизация как «маркер нового этапа культуры» [Gere, 2002, с. 12] формирует феномены – производные инфокоммуникативных технологий, такие как электронные социальные сети, цифровая реконструкция объектов культурного наследия в их исторической и пространственной перспективе, базы данных и т. п. [Асеева,

2019]. Л. В. Баева, рассматривая электронную культуру в рамках различных подходов, не просто как окружающую среду современного человека, а в качестве его экзистенциального цифрового расширения, добавляющего беспредельную свободу выбора, стирающую границы между «внешним и внутренним, творчеством и потреблением, уникальным и программируемым» [Баева, 2020, с. 39].

Причем, думается, речь может идти не о появлении случайных разрозненных технических новинок, а о сосуществовании различных культурных матриц с различными экзистенциальными ценностями, способами копирования и передачи культурных кодов, комфортным образом повседневного бытия. Данные социологических исследований демонстрируют статистически заметную разницу в жизненных стратегиях и важнейших ценностях россиян разного возраста, так или иначе связанную с распространением информационных технологий. Обратим внимание на результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в 2020 году. В диаграмме явно видна значимость свободной информации для опрошенных и различная реакция на ее ограничение, так 49,5 % респондентов 18–39 лет считают, что информация должна

распространяться свободно, против 25 % в возрасте 54–74 года и 16 % – 75 лет и старше. То, что государству следует ввести цензуру Интернета, считают 76 % представителей старшего поколения и 41 % молодежи.

Интересно, что степень неудобств, вызванных ограничениями и / или запретами на потребление контента / информации, наиболее высока при потреблении развлекательного контента и личного контента, размещаемого другими пользователями в своих аккаунтах (например, фотографии, видео друзей и т. д.). Нередко интернет-пользователи недовольны цензурой политической аналитики, а также журналистских расследований и документальных фильмов (см. табл. 1).

Также отметим очевидную разницу в жизненных стратегиях представителей разных поколений, заметную на рисунке 1.

Только 17% молодежи готовы поступиться своим личным благом во имя интересов государства и общества против 60 % в старшем поколении. Эти цифры во многом объясняют утрату навыков социального взаимодействия, потерю интереса молодого поколения к личному длительному общению, к обременению себя семьей и детьми

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС:
«КАК ЧАСТО ВЫ СТАЛКИВАЕТЕСЬ СО СЛЕДУЮЩИМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ И / ИЛИ ЗАПРЕТАМИ
В ИНТЕРНЕТЕ ПРИ ПОТРЕБЛЕНИИ КОНТЕНТА / ИНФОРМАЦИИ?»

Тип ограничения	Регулярно (в %)	Часто (в %)	Редко (в %)	Никогда (в %)	Итого (в %)
Ограничение по законодательству рф (материал признан экстремистским, порнографическим и т. д.)	17,5	27,2	41,5	13,8	100
Ограничение по возрасту (шок-контент, эротика и т. д.)	11,2	24,9	45,7	18,2	100
Ограничение доступа из-за нарушения авторских прав	10,7	28,1	47,9	13,3	100
Ограничение доступа к информации в сообществе для пользователей, не являющихся его членами или подписчиками (ограничение настройками приватности)	10,4	31,2	42,1	16,3	100
Блокировка и удаление контента в связи с его несоответствием позиции администрации ресурса	9,8	28,3	44,7	17,2	100
Блокировка доступа к контенту на основании российского ip-адреса (в результате санкций)	16,7	29,4	34,8	19,1	100

Источник: собственные исследования

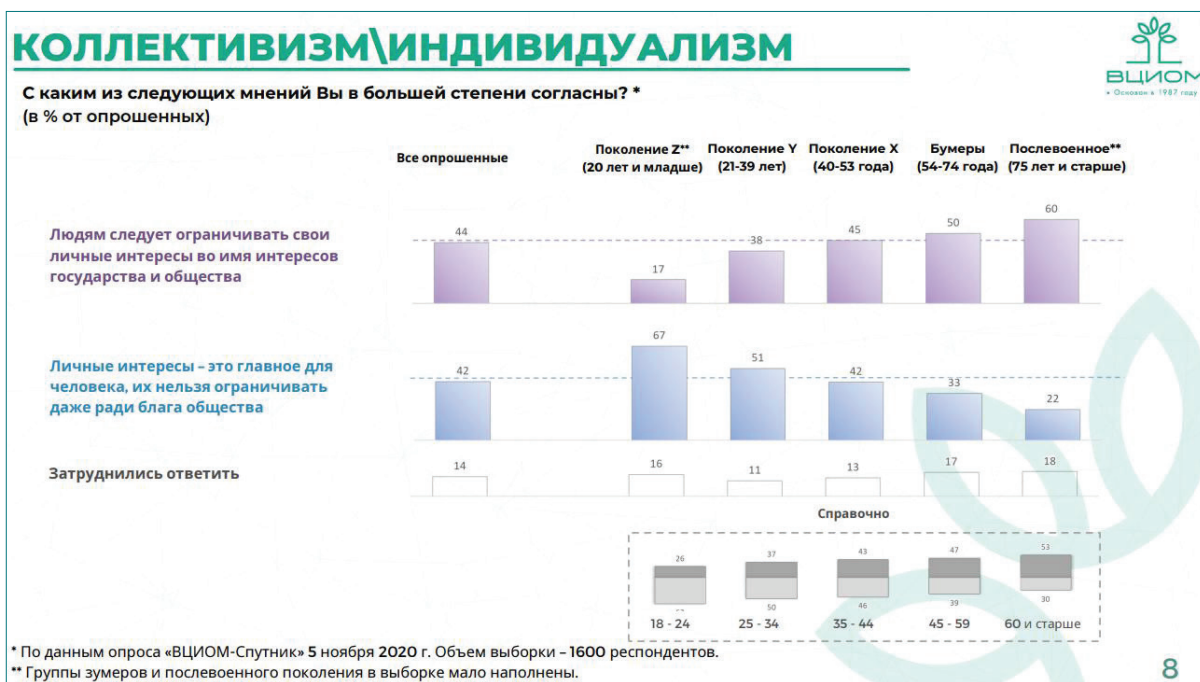

Рис. 1. Отношение россиян к ограничению личных интересов ради общественных

(Источник: Федоров В. Ценности современного российского общества. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii_skogo_obshchestva_Fedorov.pdf)

Рис. 2. Выбор россиянами значимых для них сфер и характеристик жизни

(Источник: Федоров В. Ценности современного российского общества. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii_skogo_obshchestva_Fedorov.pdf)

и даже нежелание служить в армии. По мнению научного руководителя Лаборатории нейронаук и поведения человека Сбербанка, психотерапевта А. Курпатова, «то, что мы имеем сейчас – это, по сути, эпидемия цифрового аутизма. Цифровой аутизм – состояние, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом. Они не интересуются внутренним миром другого человека. Люди для них фактически стали заменяемы, поскольку они не видят ценности каждого человека в отдельности» [Курпатов, 2020].

Вместе с тем сводная таблица результатов опроса россиян в 2020 году, видимо, под влиянием пандемии, свидетельствует о сохранении ориентированности общества на традиционные ценности заботы о здоровье и благополучии семьи, безопасности, экологии и комфорте в месте проживания. Однако карьера, общественная и политическая жизнь и социальный статус отходят на второй план (см. рис. 2).

Заметим, что постоянное присутствие в Интернете требует, во-первых, соответствующего технического обеспечения: современного устройства и доступной Сети, во-вторых, элементарных навыков работы в Интернете, а, в-третьих, достаточного уровня цифровой грамотности, чтобы распознать мошенников и защитить свои персональные данные. Все три условия интегрированности в новую цифровую медиацивилизацию являются серьезными социокультурными проблемами и маркерами цифрового благополучия, о наличии или отсутствии которого мы писали в указанном ранее исследовании.

Так, техническую отсталость, включающую, по соображениям россиян, отсутствие стабильно хорошего доступа в сеть Интернет, высокую стоимость пользования цифровыми сервисами, банальное отсутствие современных дорогих гаджетов, считают серьезным препятствием для приобщения к новым цифровым инфо-коммуникативным разработкам около 55 % опрошенных. Навыки работы в сети, вместе с тем, были обнаружены не у всех респондентов, и они распределены не равномерно, а в зависимости от возраста и места жительства. Выяснилось, что если молодежь фактически выросла одновременно в двух реальностях и не испытывает проблем в пользовании цифровыми ресурсами и платформами, то люди старшего возраста не могут обойтись без помощи, чувствуют себя «отрезанными от мира» и чаще

попадают на уловки интернет-преступников. Можно заметить также низкую удовлетворенность уровнем цифровых компетенций у сельского населения – 57 %.

Даже в первом приближении к анализу преимуществ и проблем, которые возникают у людей в связи с новой цифровой эпохой, можно обнаружить наряду с возможностями расширенного и мгновенного инфокоммуникативного доступа заметную социальную напряженность, фактически межпоколенческий и территориальный разрыв в степени освоения новых технологий и, как следствие, нарушение цифрового благополучия и комфорта, казалось бы, обещанного федеральными программами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новые медиатехнологии цифровой эпохи оказывают определяющее воздействие на вектор развития и структуру антропосоциосферы современной цивилизации. Информация становится ведущей ценностью, вокруг которой строятся экономика, политика, образование, медицина и все другие социальные институты. Коммуникативными электронными технологиями пронизаны все человеческие отношения, от личностных до межгосударственных.

Наряду с очевидными возможностями и преимуществами, новые инфо-коммуникативные, в том числе, медиа, технологии создают и новые риски, напряженности и угрозы, связанные с реформированием сознания человека, с нарушением социально значимых ценностей свободы личности, конфиденциальности, общения, с целенаправленным изменением приоритетов безопасности и прав личности на декларируемую защиту общества, как в случае с недавней пандемией.

Однако согласно данным социологических исследований, вместо социальной консолидации часто возникает противоположный эффект – атомизации, цифрового аутизма, ориентации на собственные интересы и потребности, дистанция между поколениями, утрата навыков межличностного взаимодействия вне сети и другие. Человечество посредством инфокоммуникативных технологий все глубже запутывается в виртуальных сетях, меняя постепенно расстановку элит и обычных граждан, формируя запрос на новую информационную этику и культурные коды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шишков Ю. В. Информационные революции в истории человечества. М.: Радуга, 2003.
2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и Большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40–51.

3. Коломиец В. П. Медиа социология: теория и практика / Аналитический центр Vi. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014.
4. Воронов К. А., Лупенкова Е. Ю. Теоретический экскурс: политическое поле и определение омнибусного факта в социологической концепции Пьера Бурдьё // Практический дискурс высшей школы. / Сборник докладов международной научно-практической конференции. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 7–10.
5. Примаков В. Л. Медиатизация современного общества как фактор социальной регуляции // Социальная инженерия: как социология меняет мир : материалы IX Международной социологической Грушинской конференции, 20–21 марта 2019 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 29–34.
6. Горячева О. Н., Яковлева М. Г. Гуманистические риски цифрового развития общества: анализ работ зарубежных авторов // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 2. С. 78–93.
7. Буданов В. Г. Эволюция Супер-умwelt'a социотехноантропосферы и конструирование будущего // «Современные проблемы социотехноантропосферы» / отв. ред. В. Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. С. 6–28.
8. Иванов А. В. Цифровая религия // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 377–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381>.
9. Grieve G. P. Digital religion // Digital religion : Understanding religious practice in new media worlds /ed. H. Campbell. N.Y.: Routledge, 2013. P. 104–118.
10. Campbell H. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society // Journal of the American Academy of Religion. 2012. Vol. 80. № 1. P. 64–93. DOI: 10.1093/jaarel/lfr074.
11. Павлова Е. В. Роль Instagram для музеев в период COVID-19 локдауна и после него // Информационное общество. 2022. №1. С. 17–25.
12. Badell J. I. Museums and social media: Catalonia as a case study // Museum Management and Curatorship. 2015. № 30(3). P. 244–263.
13. Museums and COVID-19: 8 steps to support community resilience // ICOM. 2021. URL: <https://icom.museum/en/news/museums-and-covid-19-8-steps-to-support-community-resilience/>
14. Digital Culture: the changing dynamics. Zagreb, 2008.
15. Gere C. Digital Culture. London, Reaktion Books, 2002.
16. Асеева И. А. Этические вызовы цифровой эпохи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 3 (32). С. 202–212.
17. Баева Л. В. Информационная этика в условиях развития электронной культуры // Информационное общество. 2020. №6. С. 36–46.
18. Курпатов А. В. Трансформация человека в цифровую эпоху. 2020. URL: <http://council.gov.ru/media/files/Ot0dsAsc1Fas5qV3yRy5R5EqmQhnFTAo.pdf>

REFERENCES

1. Shishkov, Yu. V. (2003). Informacionnye revolyucii v istorii chelovechestva = Information revolutions in the history of mankind. Moscow: Raduga. (In Russ.)
2. Arshinov, V. I., Budanov, V. G. (2020). The information revolutions and the Great anthropological transition: an evolutionary aspect. Complexity. Mind. Postnonclassics, 4, 40–51. (In Russ.)
3. Kolomiec, V. P. (2014). Mediasociologiya: teoriya i praktika = Media sociology: theory and practice / Analytical Center Vi. Moscow: NIPCC Voskhod-A. (In Russ.)
4. Voronov, K. A., Lupenkova, E. Yu. (2016). Theoretical excurs: the political field and term of the omnibus fact in the sociological concept of Pierre Bourdieu. Prakticheskij diskurs vysshej shkoly (pp. 7–10). Bryansk: RIO BSU. (In Russ.)
5. Primakov, V. L. (2019). Mediatizatsiya sovremennogo obshchestva kak faktor social'noj regulyatsii = Mediatization of modern society as a factor of social regulation. In Kuleshova, A. V. (ed.), Social engineering: how sociology is changing the world (pp. 29–34) : Proceedings of the IX International sociological Grushin Conference, March 20–21, 2019. Moscow: VTSIOM. (In Russ.)
6. Goryacheva, O. N., Yakovleva, M. G. (2022). Gumanisticheskie riski cifrovogo razvitiya obshchestva: analiz rabot zarubezhnykh avtorov = Humanistic risks of digital development of society: an analysis of the works of foreign authors. Modern studies of social problems, 14(2), 78–93. (In Russ.)
7. Budanov, V. G. (2022). Evolyuciya Super-umvel'ta sociotekhnootroposfery i konstruirovaniye budushchego = Evolution of the Super-umwelt of the socio-techno-anthroposphere and the construction of the future. In Budanov, V. G. (ed.), Modern problems of the socio-techno-anthroposphere (pp. 6–28). Kursk: University Book. (In Russ.)

8. Ivanov, A. V. (2018). Digital religion. Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 18(4), 377–381, doi: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381> (In Russ.)
9. Grieve, G. P. (2013). Digital religion. In Campbell, H. (ed.), Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds (pp. 104–118). N.Y.: Routledge.
10. Campbell, H. (2012). Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society. Journal of the American Academy of Religion, 80(1), 64–93. doi:10.1093/jaarel/lfr074.
11. Pavlova, E. V. (2022). Rol' Instagram dlya muzeev v period COVID-19 lokdauna i posle nego = The role of Instagram for museums during COVID-19 lockdown and after it. Information Society, 1, 17–25. (In Russ.)
12. Badell, J. I. (2015). Museums and social media: Catalonia as a case study. Museum Management and Curatorship, 30(3), 244–263.
13. Museums and COVID-19: 8 steps to support community resilience (2021). ICOM. <https://icom.museum/en/news/museums-and-covid-19-8-steps-to-support-community-resilience/>
14. Digital Culture: the changing dynamics (2008). Zagreb.
15. Gere, C. (2002). Digital Culture. London, Reaktion Books.
16. Aseeva, I. A. (2019). Ethical challenges of the digital age. Proceedings of the Southwest State University. Seriya: Economics. Sociology. Management, 9, 3(32), 202–212 (In Russ.)
17. Baeva, L. V. (2020). Information ethics in the conditions of development of electronic culture. Information Society, 6, 36–46. (In Russ.)
18. Kurpatov, A. V. (2020). Transformaciya cheloveka v cifrovuyu epohu = Human transformation in the digital age. <http://council.gov.ru/media/files/Ot0dsAsc1Fas5qV3yRy5R5EqmQhnFTAo.pdf>. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асеева Ирина Александровна

доктор философских наук, профессор

профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета

ORCID: 0000-0002-4172-7762

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aseeva Irina Alexandrovna

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor

Professor of Philosophy and Sociology Department, Southwest State University

ORCID: 0000-0002-4172-7762

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона)

М. В. Куцаева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия, marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры. Материалами послужили анкетные данные, полученные в ходе проведения социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона. Знание традиций и обычаев является одним из ключевых маркеров этнической идентичности респондентов, однако слабая межпоколенческая передача языка в семье приводит к его исчезновению во втором поколении диаспоры и как следствие – к постепенной утрате этнической культуры и этнической идентичности представителями второго поколения внутренней диаспоры.

Ключевые слова: этническая культура, этнический язык, этническая идентичность, чувашский язык, марийский язык, социолингвистическое обследование, внутренняя диаспора, московский регион

Для цитирования: Куцаева М. В. Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 158–165. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_158

Original article

The Problem of Ethnocultural Preservation in the Internal Diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas)

Marina V. Kutsaeva

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract. The article deals with the problem of preserving ethnic cultures in the conditions of internal diaspora. The material is based on the questionnaire data obtained in two sociolinguistic surveys in the Chuvash and Mari diasporas of the Moscow region. Knowledge concerning ethnic traditions and customs is one of the key markers of respondents' ethnic identity; however, weak intergenerational language transmission leads to its disappearance in the second generation of the diaspora and, as a consequence, results in a gradual loss of ethnic cultures and ethnic identities of second-generation representatives in the internal diaspora.

Keywords: ethnic culture, ethnic language, ethnic identity, Chuvash language, Mari language, sociolinguistic survey, internal diaspora, Moscow region

For citation: Kutsaeva, M. V. (2023). The problem of ethnocultural preservation in internal diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 158–165. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_158

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 году в Российской Федерации проводится Год культурного наследия народов России. Термин «культурное наследие», ранее обозначавший произведения архитектуры, живописи, достопримечательные места и др.,¹ за последние десятилетия вследствие разработки инструментария ЮНЕСКО значительно расширен и включает обряды, празднества и обычаи, знания о природе и Вселенной, навыки, связанные с традиционными ремеслами, исполнительские искусства, передаваемые от поколения к поколению, а также устные традиции и формы выражения, в том числе и язык, – всё то, что составляет суть «нематериального культурного наследия», позволяет сообществу сохранить чувство самобытности и преемственности, содействует культурному разнообразию².

Вопрос сохранения этнической культуры и ее разнообразных форм становится все более тревожным ввиду ускоряющихся общемировых процессов глобализации и урбанизации.

Целью настоящей работы является изучение проблемы сохранности традиционных этнических культур в условиях внутренних миграций и формирования диаспорных групп в поликультурном и полилингвальном пространстве мегаполиса.

В 2014–2017 годы и 2019–2021 годы автором статьи были проведены социолингвистические обследования в чувашской и марийской диаспорах московского региона соответственно. Чуваши (1 435 872 чел.) и марийцы (547 605 чел.), коренные народы Среднего Поволжья, в настоящее время в силу исторических причин проживают не только в соответствующих территориально-административных образованиях (Чувашская Республика, Республика Марий Эл), но и за их пределами (43,3 % всех чувашей и 46,9 % марийцев)³ как компактными, так и дисперсными группами, образуя так называемую *внутреннюю диаспору* [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 57]. В московском регионе (г. Москва и Московская область) проживают 26 779 чувашей и 4655 марийцев⁴. В исследовании приняли участие 100 членов чувашской диа-

споры и 106 – марийской; обе выборки являются репрезентативными, они охватили представителей первого и второго поколений как чувашской, так и марийской диаспоры. В ходе обследований использовался комплекс социолингвистических методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных; выборка формировалась путем snowball chain sampling и opportunity sampling и включила как мужчин, так и женщин самых разных возрастных когорт и различных социальных слоев (подробнее о методологии обследования см. [Kutsaeva, 2021, с. 87–92]).

Цель работы заключалась в описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Один из блоков анкеты содержал вопросы этнокультурного характера (соблюдение респондентами традиций, обрядов, обычаев вдали от малой родины, передача знаний об этнической культуре следующему поколению). Полученные нами результаты позволяют рассмотреть вопрос бытования языка в культуре (*language-in-culture*) [Fishman, 1991, с. 17] и проблему сохранности и преемственности культуры (бытование культуры через язык).

Участники обоих обследований идентифицировали себя в качестве этнических чувашей и мари соответственно. Этническая идентичность, в качестве разновидности социальной идентичности, включает в себя некоторый набор самоидентификаций и связанных с ними самоописаний, основанных на уникальных культурных и социальных особенностях, которые, по мнению членов этнической группы, отличают их от представителей других контактируемых этнических групп [Винер, 1998, с. 17]. Эти компоненты, безусловно, не являются аморфными или случайными, однако лишь часть из них представляются *центральными* культурными ценностями, формирующими сердцевину культуры, действующими в качестве необходимых унифицирующих символических ценностей, с утратой которых исчезает способность группы поддерживать аутентичность и креативность, что приводит в конечном счете к ее ассимиляции [Смолич, 2012, с. 403–404]. Среди основных критериев принадлежности к этнической группе в чувашской выборке фигурировали «малая родина, предки, корни» (28 %), особенности менталитета (28 %), «чувашский язык» (24 %), «чувашская культура: традиции и обычаи» (13 %). В марийской выборке ключевыми являются следующие маркеры: «малая родина, предки, корни» (30 %), «марийский язык» (26 %), «характер, внешность, мировоззрение» (23 %), «марийская культура: традиции и обычаи» (15 %).

¹ Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. Art. 1. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (дата обращения: 05.11.2022).

² The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Art. 2. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (дата обращения: 05.11.2022).

³ Всероссийская перепись населения. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

⁴ Всероссийская перепись населения. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

Те или иные аспекты культуры приобретают особое значение в условиях проживания группы вне традиционного места ее расселения, а также оказываемого на группу внешнего давления. Именно в таких обстоятельствах некоторые компоненты культуры становятся основными ценностями, сплачивающими членов этнической группы [Смолич, 2012, с. 404–405]. Используя наши полевые материалы, рассмотрим характер взаимодействия таких компонентов, как «язык» и «культура» и определим, насколько данные культурные ценности являются центральными для изучаемых нами этнических групп.

СОХРАННОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ДИАСПОРЫ

Социальные практики, ритуалы и праздничные мероприятия, тесно связанные с важными событиями в истории группы или сообщества, структурируют и формируют повседневную жизнь, объединяют членов группы или сообщества, укрепляют чувство идентичности, преемственности с прошлым, отражают мировоззрение сообщества и восприятие им собственной истории и памяти, включают в себя самые разнообразные составляющие: обряды перехода, традиционные игры, родственные связи и церемонии родства, кулинарные традиции, практики охоты, рыбной ловли и собирательства, а также песни и танцы, костюмы, жертвоприношения, особую пищу и др. Бытование социальных практик и ритуалов во многом зависит от участия в них членов сообщества. Миграции, индивидуализация, формальное образование, экспансия мировых религий и пр. оказывают существенное влияние на сохранность данных практик.¹

Более половины опрошенных в первом поколении в обеих выборках (55 % чувашей, 60 % марийцев) заявили о том, что соблюдают традиции и обычаи народно-праздничной культуры. Некоторые праздники, такие как чувашский *Симёк* и марийский *Семык* (летнее поминовение усопших) требуют присутствия респондентов на малой родине, обязательного посещения ими кладбищ, укрепляют чувство единения опрошенных с предками, малой родиной и народными традициями. Другие праздники, например, чувашский *Акатуй* (окончание весенних полевых работ) или марийский *Пеледыш пайрем* (праздник советского времени, соединивший в себе элементы *Агавайрема*,

Семыка, *Сўрема*) широко отмечаются землячествами чувашей и марийцев в Москве. Часть праздников, ввиду значительной христианизации народов России, утрачивают свою самобытность, переплетаясь с церковными праздниками, однако в некоторых случаях традиционная обрядность все же сохраняется: в марийском *Кугече* (Пасха) и *Шорыкйол* (Рождество), а у чувашей – в *Сăварни* (Масленица), *Сурхури* (Рождество). В рамках дней национальной автономии чувашей в Москве традиционно проводится *Кёр Сăри* (праздник осеннего урожая, праздник пива) (см. подробнее о современной празднично-обрядовой культуре чувашей [Ягафова, 2017], марийцев [Калинина, 2013]).

Значительное место в поддержании этнической культуры отводится соблюдению кулинарных традиций, приготовлению как повседневных блюд (вроде чувашских вареников с начинкой *хуран ку-кли*, марийских пирожков-вареников с начинкой *подкогыльо* и ватрушек с начинкой *перемеч*), а также праздничных – таких, как чувашский закрытый пирог с начинкой *хуплу*, суп из баранины *шўрпе* или марийские трехслойные блины *коман мелна*. Некоторые простые в исполнении блюда респонденты готовят вместе с гостями, как это когда-то бывало в их собственной семье в деревне, большой и дружной компанией. Основная трудность в сохранении кулинарных традиций в городских условиях состоит в том, что приготовление некоторых блюд требует наличия печи (в этом отношении некоторые респонденты предпочитают не готовить традиционные блюда вовсе, поскольку считают, что пища, приготовленная в духовке – это «бездуховная пища»). Кроме того, проблема связана с утратой семейных рецептов, например, рецептуры приготовления пива в чувашской выборке. Более сложные традиционные блюда (такие, как чувашская колбаса *шăрттан* (домашнего или промышленного изготовления) респонденты нередко привозят с малой родины. В выборках готовят преимущественно женщины, однако необходимо отметить, что в некоторых случаях заботу о сохранении этнических традиций берут на себя и мужчины (они же заметно чаще женщин предпринимают усилия по восстановлению утраченных кулинарных рецептов) (подробнее см., например: [Куцаева 2020, с. 187–196; Куцаева, 2021, с. 11].

Важную роль в поддержании чувства родства, сопричастности, единения играет традиционная музыкальная культура: 70,5 % чувашей и 96 % марийцев в выборке слушают или поют песни, в том числе и на этническом языке. Песни на «своем» языке (как старинные, так и современные) помогают опрошенным преодолеть ностальгию,

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

поднимают настроение, приносят радость и успокоение. Песни на чувашском или марийском звучат дома, их закачивают в смартфон, включают в машине. На гастроли в Москву приезжают творческие коллективы из Чувашии и Марий Эл; некоторое время назад функционировал ансамбль марийской песни, объединивший молодых, творчески и активно настроенных выходцев из Республики Марий Эл. Также по инициативе отдельных представителей диаспоры регулярно проводятся этнические дискотеки с приглашением звезд чувашской и марийской эстрады; посещение таких мероприятий способствует завязыванию знакомств, нередко случаи последующего заключения этнических браков (подробнее см. [Куцаева, 2020, с. 139–143]).

Частью нематериального культурного наследия являются знания, в том числе относящиеся к природе и Вселенной и лежащие в основе социальных практик и культурных традиций. Эти особые знания включают в себя традиционную экологическую мудрость и знания коренных народов, обряды исцеления, ритуалы, верования и др. и выражаются через язык, устные традиции, чувство привязанности к месту, воспоминания, духовное мировоззрение. Вследствие урбанизации, однако, данный тип знаний, стремительно исчезает¹. В чувашской выборке одной из таких исконных, однако, постепенно уходящих, по мнению опрошенных, традиций является *нине* (традиция взаимопомощи и взаимовыручки, согласно которой община собирается всем миром, чтобы оказать безвозмездную коллективную помощь одному из своих членов в хозяйственных или строительных работах) [об этом см. [Куцаева, 2020, с. 193–194]. В марийской выборке опрошенные, многие из которых являются приверженцами марийской традиционной религии или *двоеверами* (приняли христианство, не отказавшись, однако, от соблюдения марийских верований и обрядов), отметили особое отношение к природе и определили его как часть своего мировоззрения. Так, московские марийцы с трепетом и уважением относятся к лесу и воде: подходя к лесу, обращаются с поклоном к *Чодыра Кугыза*, духу леса, отправляясь на рыбалку, – к Богине воды *Вүд Ава*. С 2015 года благодаря инициативе марийских *картов* (жрецов марийской традиционной религии) в московском регионе проводятся коллективные моления на природе.

В первом поколении этнические традиции соблюдают в меньшей степени (или не соблюдают

вовсе) респонденты, состоящие в этнически смешанном браке или выходцы из городской среды, а также очень пожилые респонденты, давно покинувшие малую родину, или, напротив, некоторые представители младших когорт, которые лишь недавно обосновались в Москве и пока еще, по их словам, «не слишком соскучились» по малой родине.

Более половины опрошенных первого поколения в чувашской выборке и подавляющее большинство в марийской демонстрируют желание передать следующему поколению знания об этнической культуре: познакомить с традициями и обычаями, песнями и танцами, мифами и сказками своего народа, научить приготовлению некоторых кулинарных блюд, привить определенные нравственные качества и ценностные установки. Однако, согласно полученным данным, представители второго поколения диаспоры в целом сохраняют преимущественно остаточные знания о традиционной культуре: иногда готовят, но в основном скорее помнят названия некоторых кулинарных блюд, которые готовились в их семье, а также названия праздников, которые им довелось посетить со старшими родственниками, или песни, которые пела им бабушка (об этом см. [Куцаева, 2020, с. 195–196; Куцаева, 2021, с. 18]).

Одна из основных причин угасания этнической культуры во втором поколении, несмотря на желание и усилия представителей первого поколения научить детей «петь и танцевать по-марийски или по-чувашски», заключается в слабой межпоколенческой передаче этнического языка (об этом см., в частности, [Куцаева, 2021, с. 18]). Доминирующие в сообществах языковые идеологии препятствуют полноценной передаче чувашского или марийского языка детям.

Значительную трудность в ходе проведения обследования составил поиск респондентов именно второго поколения, поскольку, как выяснилось, этнический язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности в обеих диаспорах: с его полной утратой, к примеру, в марийской диаспоре, индивид считается «русским марийцем», «русским сыном марийской женщины», границы этнической группы постепенно размываются. Многочисленные case-studies по всему миру свидетельствуют о том, что исторически ассоциируемый с сообществом язык является важным ресурсом на уровне социальной интеграции и идентификации, способствует индивидуальному и коллективному самоопределению и самореализации, соотносится с определенной культурной идентичностью [Fishman, 1991, с. 7–9].

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

ЯЗЫК-В-КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРА- ЧЕРЕЗ-ЯЗЫК: О ВОЗРОЖДЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСРЕДСТВОМ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В данном разделе будет рассмотрена, с одной стороны, взаимосвязь языка и культуры (*язык-в-культуре*, по Дж. Фишману), с другой, – возможность возрождения и поддержания этнической культуры (и этнокультурной идентичности) путем ревитализации этнического языка.

Язык и этнокультура, согласно Дж. Фишману, связаны тремя основными способами: индексно, символично и в соотношении часть / целое. Во-первых, язык, который традиционно ассоциируется с определенной этнокультурой, наилучшим образом (при условии, что эта связь не нарушена и не прервана) приспособлен к формированию и выражению интересов, ценностей и мировоззрений данной этнокультуры, поскольку они «выросли вместе», а значит, со-настроены друг на друга. Во-вторых, язык и культура являются олицетворением друг друга в сознании как членов группы, так и внешних по отношению к этому сообществу людей. В-третьих, между ними существует парциальная идентичность, т. е. элементы каждой культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура ассоциируется самым тесным образом. Значительная часть любой культуры в первую очередь выражается вербально: в песнях и молитвах, заповедях и пословицах, сказках и формулах приветствия, проклятиях и благословениях, философии, истории и т. д., таким образом, язык охватывает практически всю нематериальную культуру [Fishman, 1991, с. 20–24], более того, язык составляет саму основу нематериального наследия и является средством его передачи¹ (об этом также см. [Краева, Агранат, Германова, 2022]).

Сохранение этнокультурной идентичности в чистом и неизменном состоянии представляется утопией: со временем любая этнокультура претерпевает неизбежные изменения (при этом язык и культура могут изменяться с разной скоростью, а язык хранить следы давно ушедших реалий культуры). Однако прекращение межпоколенческой передачи языка (например, в условиях диаспоры) и последующий языковой сдвиг со всей вероятностью приводят к несоблюдению существующих «живых» традиций, к росту межэтнических браков, к появлению новых обычаев, в целом – вызывают глубокие изменения в этнокультуре; тогда

как при сохранении этнического языка процессы таких изменений, как правило, можно внутренне регулировать, отслеживать и оценивать, что обеспечит культурную преемственность. Большинство культур строятся по принципу домино: когда один из основных элементов, таких как язык, утрачен, большая часть других элементов в итоге серьезно ослаблены и, вероятнее всего, будут изменены и в конечном итоге также утрачены. Исходя из той предпосылки, что сфера культуры (наряду со сферой образования, массовых коммуникаций, здравоохранения) является скорее конструктом, а не «готовым продуктом», она подлежит формированию, влиянию и планированию, ей можно задать определенное направление развития – в частности, восстановить ослабленные связи между языком и культурой. И в этом смысле движение по обращению вспять языкового сдвига (RLS – Reversing Language Shift), провозглашенное Дж. Фишманом и его единомышленниками, усилия по поддержанию языка никогда не были направлены исключительно на язык как таковой, они были нацелены на *язык-в-культуре*, на усиление межпоколенческой передачи материнского языка в качестве культурного права и социального ресурса [Fishman, 1991, с. 7–17].

Ревитализация языка часто выступает первым шагом на пути к ревитализации культуры и возрождению культурных традиций. Начать говорить на языке предков означает восстановить связи с прошлым, с лингвистическим и культурным наследием предков, особенно если живы еще старшие родственники, с которыми данный язык можно использовать. Возрождение утраченного языка будет полезно и старшему, и младшему поколению – оно позволит приблизиться к пониманию своего культурного наследия и предопределить будущее культуры [Grenoble, 2021, с. 12]. Передача знаний об этнокультуре фактически прерывается с прекращением коммуникации на этническом языке, особенно в ситуации, когда старшее поколение владеет только или преимущественно этническим языком, а внуки перешли на «большой» язык (о таком печальном опыте в чувашской диаспоре мы рассказывали в одной из наших работ, посвященных последствиям непередачи чувашского языка от поколения к поколению в одной конкретной семье).

Когда старшее поколение ушло, восстановить прерванные культурные связи значительно сложнее, однако культурное наследие продолжает жить в молитвах, мифах и песнях. Одной из мотиваций к ревитализации языка являются духовные поиски. Сакральный язык является важной составляющей частью многих культур, общение с духами и богами осуществляется, главным образом,

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

вербально, и даже в тех регионах, где распространилась новая религия, она не заменила собой полностью прежние народные верования. Не владея этническим языком, трудно до конца постичь тесную связь между духовностью и культурой, поскольку эти связи часто выражаются и поддерживаются посредством языка: к богам или духам обращаются, используя определенные речевые обороты – особый сакральный язык, особые слова или попросту язык предков. Для многих коренных народов природа, духовность и язык глубоко переплетены [Grenoble, 2021, с. 12–13].

В марийской выборке некоторые респонденты, фактически лишенные с детства контакта с этническим языком (будучи уроженцами городской среды или проживая долгое время в иноэтнической среде вследствие частых в советское время трудовых миграций), восстанавливают связь с языком, культурой мари и собственную идентичность именно через участие в марийских молениях *кумалтыш*, которые проводятся также и в Москве. Духовные поиски респондентов во многом отвечают вызовам времени. Так, в отличие от мировоззренческой парадигмы антропоцентризма, основы марийской духовной практики заключаются в природосообразности и экоцентризме: марийская традиционная религия зиждется на древнем миропредставлении о единстве человека и окружающей среды; краеугольными камнями марийской веры являются обожествление природы и ее стихий, почитание предков наряду с другими куклами. Священная роща *кўсото* – ось сакрального марийского мира, основной линией которого является постоянное общение с *Кузу Юмо* (Творцом) и его ипостасями. Марийские молитвы *кумалтышмут*, состоящие из отдельных, однако связанных общим содержанием стихов, фактически представляют собой поэтические произведения. Наконец, моления в *кўсото* – это демонстрация сплоченности общины, кооптации новых членов и противопоставленности общины остальному миру [Шкалина, 2019, с. 152–184]. Респонденты в марийской выборке, принявшие участие в молениях, сообщали о том, что с пробуждением духовности оживал их интерес к марийской культуре в целом и к марийскому языку – в частности, как к особому проводнику в сакральный мир мари.

Действующие в культурном пространстве Москвы проекты, по словам их организаторов, нацелены на поддержание этнической культуры марийцев в Москве, однако без должной лингвистической компоненты эти проекты, по нашим наблюдениям, обречены на статус туристических *представлений* (включая тематические

выступления на различных площадках Москвы в рамках грантовых программ). Подобная деятельность больше походит на демонстрацию музифицированных предметов музейной экспозиции. Известно, что ослабленные и находящиеся на грани исчезновения языки соотносятся с культурами, которые уже не регулируют в значительной степени повседневную жизнь членов своих сообществ [Fishman, 1991, с. 8]. Для придания такой «музейной» культуре жизненной силы, безусловно, в первую очередь требуются усилия по ревитализации языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона, сохранение этнического языка способствует поддержанию живой, а не музейной культурной традиции. С прекращением межпоколенческой передачи языка в условиях диаспорного проживания группы и переходом на «большой», доминирующий язык неизбежно, с течением времени наступает период культурной ассимиляции, который в конечном итоге приводит к утрате этнической идентичности и размыванию границ этнической группы, поскольку язык и культура выступают, согласно мнению опрошенных, ключевыми маркерами идентичности в выборке.

Схема восстановления утраченной этнической идентичности проходит в обратном порядке – путем реактуализации этнической культуры, которая для своего полноценного функционирования нуждается в этническом языке. Возрождение культуры (в смысле бытования живой культурной традиции), как правило, начинается с возрождения языка, и далее ревитализация языка и возрождение культуры осуществляются параллельно, фактически рука об руку. Воссоединение с прошлым, возможно, и не представляется в достаточной степени мотивационным для младшего поколения, однако понимание истории и наследия является существенной частью становления или же восстановления идентичности [Grenoble, 2021, с. 13].

Таким образом, этнический язык, этническая идентичность и этническая культура (в виде моделей поведения, верований, артефактов) полностью переплетены [Language loyalty, continuity and change, 2006, с. 29]. Функционирование этнического языка и этнической культуры обусловлено: язык так же нуждается в культуре, как и культура в языке, а значит, сохранение культурных традиций в диаспоре напрямую зависит от сохранности этнического языка.

Сохранение этнокультур в качестве нематериального культурного наследия является важным фактором сохранения культурного разнообразия: осознание и принятие этого разнообразия

способствует укреплению межкультурного диалога и воспитанию уважения к другим культурам¹.

¹ What is Intangible Cultural Heritage? UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/social-practices-rituals-and-00055> (дата обращения: 10.12.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.
2. Kutsaeva M. V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region // *Strategies for Knowledge Elicitation* / T. B. Agranat, L. R. Dodykhudoeva (eds.). Cham: Springer Nature, 2021. P. 85–99.
3. Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon: Multilingual Matters 76, 1991.
4. Виноер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // *Этнографическое обозрение*, 1998. №4. С. 3–26.
5. Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности этнических культур // *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия* [пер. с англ.] / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2012. С. 402–432.
6. Ягафова Е. А. Современная празднично-обрядовая культура // *Чуваши* / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Чувашский государственный институт гуманитарных наук. М.: Наука, 2017. С. 470–499.
7. Калинина О. А. Народные праздники // *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. С. 264–286.
8. Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М., СПб.: Нестор-история, 2020.
9. Куцаева М. В. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // *Этническая культура*. 2021а. Т. 3. № 4. С. 6–21.
10. Краева И. А., Агранат Т. Б., Германова Н. Н. Языки Российской Федерации как нематериальное культурное наследие // *Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России*. М.: Институт Наследия, 2022. С. 71–78.
11. Grenoble L. A. Why Revitalize? // *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide* / J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge University Press, 2021. P. 9–22.
12. Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола, 2019.
13. *Language Loyalty, Continuity and Change* / O. García et al. Joshua A. Fishman's Contributions to International Sociolinguistics. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters LTD, 2006.

REFERENCES

1. Mihal'chenko, V. Ju. (ed.). (2006). *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* = Dictionary of Sociolinguistic terms. Moscow: Institut jazykoznanija. (In Russ.)
2. Kutsaeva, M. V. (2021). A sociolinguistic survey of an internal diaspora: Field research of a Chuvash diaspora group in the Moscow Region. In Agranat, T. B., Dodykhudoeva, L. R. (eds.), *Strategies for Knowledge Elicitation* (pp. 85–99). Cham: Springer Nature.
3. Fishman, J. A. (1991). *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon: Multilingual Matters 76.
4. Wiener, B. E. (1998). *Jetnichnost': v poiskah paradigmy izuchenija* = Ethnicity: in the search of paradigm. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 4, 3–26. (In Russ.)
5. Smolicz, J. (2012). *Jazyki men'shinstv kak central'nye cennosti jetnicheskikh kul'tur* = Minority languages as core values of ethnic cultures. In Bakhtin, N. B. (ed.), *Sociolingvistika i sociologija jazyka. Hrestomatija* (pp. 402–432). St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russ.)
6. Yagafova, E. A. (2017). *Sovremennaja prazdnichno-obrjadovaja kul'tura* = Contemporary holiday-ritual culture. In Ivanov, V. P., Korostelev, A. D., Yagafova, E. A. (eds.), *Chuvashi* (pp. 470–499). The Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Chuvash State Institute of Humanities. Moscow: Nauka. (In Russ.)

7. Kalinina, O. A. (2013). Narodnye prazdniki = Folk holidays. In Marijcy. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (pp. 264–286). Yoshkar-Ola. (In Russ.)
8. Kutsaeva, M. V. (2020). Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region. Moscow, St. Petersburg: Nestor-istorija. (In Russ.)
9. Kutsaeva, M. V. (2021a). Moskovskie marijcy: jetnicheskaja kul'tura v uslovijah vnutrennej diaspori = Moscow Maris: ethnic culture in the conditions of internal diaspora. Jetnicheskaja kul'tura, 3(4), 6–21. (In Russ.)
10. Kraeva, I. A., Agranat, T. B., Germanova, N. N. (2022). Jazyki Rossijskoj Federacii kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie = Languages of the Russian Federation as intangible cultural heritage. In Jenciklopedija nematerial'nogo kul'turnogo nasledija Rossii (pp. 71–78). Dedicated to the Year of Cultural heritage of the peoples of Russia. Moscow: Institute of Heritage. (In Russ.)
11. Grenoble, L. A. (2021). Why Revitalize? In Olko, J., Sallabank, J. (eds.). Revitalizing Endangered Languages: A practical guide (pp. 9–22). Cambridge University Press.
12. Shkalina, G. Ye. (2019). Svjashhenyj mir marijskij = Sacred Mari world. Yoshkar-Ola. (In Russ.)
13. García, O., et al. (2006). Language Loyalty, Continuity and Change. Joshua A. Fishman's Contributions to International Sociolinguistics. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters LTD.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куцаева Марина Васильевна

кандидат филологических наук

научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kutsaeva Marina Vasilevna

PhD (Philology)

Research fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 2 (870)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 2 (870)**

Ответственный редактор выпуска
Н. Н. Германова
доктор филологических наук, доцент

Executive editor
N. N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr.habil), Associate Professor

Редактор И. Емелин
Верстка: Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Editor V. A. Geronimus
Layout: Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 16.03.2023
Усл. печ. л. 23,1. Формат 60x90/8
Заказ № 24/23

Signed for print: 16.03.2023
Conventional printed sheets: 23,1. Layout format 60x90/8
Order 24/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».